

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКАЯ АКАДЕМИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**СУДЕБНЫЕ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Материалы всероссийской научно-практической конференции

(Москва, 18-19 октября 2022 года)

Москва, 2023

УДК 343.98
ББК 67.53
С 89

С 89 Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика: материалы всероссийской научно-практической конференции (Москва, 18-19 октября 2022 года) М. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023 – 259 с.

Редакционная коллегия:

Озеров И.Н., заведующий кафедрой судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности Московской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Ильин Н.Н., заведующий научно-исследовательским отделом Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, майор юстиции.

Сарыгина Э.С., доцент кафедры судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности Московской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, старший лейтенант юстиции.

УДК 343.98
ББК 67.53

Сборник сформирован по материалам, представленным на всероссийскую научно-практическую конференцию, проведенную в Московской академии СК России 18-19 октября 2022 года. Конференция организована Московской академией СК России при участии ведущих вузов, ученых, специалистов, сотрудников правоохранительных органов России. Сборник представляет интерес для юристов, судебных экспертов – учёных и практиков. Редакционная коллегия обращает внимание на то, что научные подходы и идеи, и взгляды, изложенные в статьях сборника, отражают субъективные оценки их авторов. Сборник представляет интерес для юристов – ученых и практиков. Редакционная коллегия обращает внимание на то, что научные подходы и взгляды, изложенные в статьях сборника, отражают субъективные оценки их авторов.

© Московская академия СК России, 2023

Всероссийская научно-практическая конференция
«Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика»
(18-19 октября 2022 года)

По поручению исполняющего обязанности ректора Московской академии Следственного комитета Алексея Александровича Бессонова конференцию открыл проректор (по учебной и научной работе) Алехин Дмитрий Владимирович, который поприветствовал участников, поблагодарил за проявленный интерес к конференции и пожелал плодотворного обсуждения проблем, связанных с использованием специальных знаний при расследовании преступлений.

Д.В. Алехин отметил, что широкий круг междисциплинарных исследований, представленных на нашей конференции, безусловно, позволит получить новые научные выводы и рекомендации по многим направлениям следственной, судебной и экспертной практики.

Остаётся пожелать всем участникам конференции плодотворной работы и открыть нашу конференцию «Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика».

Рис. 1 Приветственное слово
проректора (по учебной и научной работе) Дмитрия Владимировича Алехина

Рис. 2 Вспоминания о Юрии Ивановиче Леканове ветеранов прокуратуры и следственных органов Василия Александровича Ревва и Евгения Георгиевича Килессо

Приветственные слова участникам конференции также высказали члены президиума в лице руководителей государственных экспертных учреждений: Соболева Александра Михайловича – первого заместителя директора Судебно-экспертного центра Следственного комитета Российской Федерации, кандидата юридических наук, генерал-майор юстиции; Макарова Игоря Юрьевича – директора Российского центра судебно-медицинских экспертиз Минздрава России, доктора медицинских наук, профессора. С приветственным словом также выступили ведущие Российские ученые в области судебной экспертологии и криминалистики, среди них Россинская Елена Рафаиловна – заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН; Галяшина Елена Игоревна – и.о. заведующего кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), директор Центра правовых экспертиз в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, почетный работник сферы образования Российской Федерации, профессора Майлис Надежда Павловна, Хрусталев Виталий Николаевич, доцент Комиссарова Ярослава Владимировна.

Рис. 3 Выступление Александра Фомича Волынского

В пленарном заседании конференции также приняли участие ветераны прокуратуры и следственных органов Ревва Василий Александрович и Килессо Евгений Георгиевич, последний изложил свои воспоминания о Юрии Ивановиче Леканове, отметив его вклад в деятельность криминалистических и экспертных подразделений органов прокуратуры и Следственного комитета.

После перерыва работа конференции прошла в режиме активной научной дискуссии с участием профессорского-преподавательского состава Академии – профессора Волынского Александра Фомича и экспертного сообщества из числа сотрудников ЭКЦ МВД России – Громовой Анастасии Викторовны и РФЦСЭ Минюста России – Чесноковой Елены Владимировны и Михалевой Натальи Валерьевны.

Работа конференции продолжена во второй день, в том числе и в дистанционном формате, что позволило принять в ней участие сотрудникам СЭЦ СК России и его филиалов, ЭКЦ МВД России, а также преподавателям различных вузов.

Всего в конференции приняло участие более 80 человек, в том числе 22 доктора наук, 40 кандидатов наук и 40 экспертов-практиков.

В ходе работы конференции участники обсудили правовые, организационные и научно-методические проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном процессе, современное состояние и тенденции развития частных судебно-экспертных теорий и учений, их роль в судебно-экспертной деятельности, особенности назначения и производства отдельных видов судебных экспертиз, а также наметили перспективы проведения дальнейших, в том числе совместных научных исследований.

Биологические следы двух и более лиц: генетический аспект

Аннотация. В статье поднимаются актуальные проблемы экспертной практики в отношении объектов исследования, уделено внимание современным и рациональным технологиям. Анализируются понятия «чистого» и «смешанного» генетического профиля.

Ключевые слова: осмотр доказательств, судебная молекулярно-генетическая экспертиза, ДНК-исследование, «чистый» и «смешанный» генетический профиль.

Производство судебной молекулярно-генетической экспертизы включает пять основных этапов, хорошо известных как специалистам, так и следователям. Первым, и одним из наиболее важных этапов является осмотр вещественных доказательств с целью обнаружения и изъятия предполагаемых биологических следов. Далее проводятся действия, направленные на установление природы изъятых биологического материала, затем переходят к экстракции ДНК. После проводят процедуру определения количества и качества полученного стокового препарата с последующей нормализацией нуклеиновой кислоты. Это важные подготовительные действия для корректного проведения реакции амплификации – ПЦР. Электрофоретическое разделение продуктов амплификации и установление аллелей локусов ДНК – предпоследний этап исследования, который на сегодняшний день полностью автоматизирован. Заключительным этапом производства судебной молекулярно-генетической экспертизы является интерпретация полученных результатов – эксперт обобщает, систематизирует данные, полученные на всех предшествующих этапах, проводит статистический анализ результатов.

Совершенно понятно, что все перечисленные действия при проведении экспертизы обязательны, но именно на этапе анализа и интерпретации электрофореграмм в полной мере проявляется степень подготовленности и квалифицированности эксперта. Ошибки на данном этапе приводят к крайне негативным последствиям, несмотря на то, что все предыдущие действия выполнены верно, согласно методическим рекомендациям. Электрофореграммы представляют собой графики измерений детектором интенсивности свечения флуоресцентных меток в виде последовательности цветных пиков (аллелей), соответствующих исследуемым участкам ДНК (локусам). Расшифровку электрофореграмм проводят с помощью специализированных компьютерных программ¹. Электрофореграммы характеризуют генетический профиль, выявленный экспертом в ходе проведения экспертизы.

¹ Стороженко И. В. Исследование ДНК тканей и выделений человека на автоматизированных системах [Текст] : учеб. пособие / И. В. Стороженко, А. Ю. Культин, А. В. Мельников ; под. общ. ред. Л. К. Булышевой ; М. : ЭКЦ МВД России, 2011. 148 с.

В рутинной практике эксперты-генетики проводят исследование ДНК по микросателлитным tandemным повторам – локусам с длиной повтора от двух до шести пар нуклеотидов¹.

На практике, условно, выделяют три категории генетических профилей: индивидуальные или «чистые» – теоретически происходят от одного лица; «смешанные» – теоретически происходят от двух или более лиц; «многоаллельные» – теоретически происходят от большого количества лиц, их анализ мало информативен ввиду низкой идентификационной значимости, и зачастую, экспертами статистическая обработка и интерпретация таких следов не проводится.

В локусах «чистого» объекта обычно выявляют один или два аллеля – это именно те конкретные последовательности ДНК, которые избирательно амплифицируют (копируют) в процессе ПЦР. Редко выявляют три аллеля в локусе одного индивидуума, обычно это связано с процессами мутации, дегградации ДНК или методическими ошибками. Интерпретация «чистых» объектов достаточно проста и не вызывает трудностей, тем более если в распоряжении эксперта имеются образцы сравнения. Подтверждая свои выводы статическими расчетами, эксперт дает категоричный вывод о происхождении обнаруженного биологического материала, поскольку полученные статистические данные по величине перекрывают население планеты Земля (около $7,6 \times 10^9$ человек). Совершенно иная ситуация представляется при интерпретации «смешанных» следов, которые условно разделяются на две подкатегории. К первой подкатегории можно отнести биологические следы, теоретически происходящие от двух или более лиц. В локусах такого «смешанного» объекта обычно выявляют от двух до четырех аллелей. Ко второй подкатегории «смешанных» объектов можно отнести биологические следы, теоретически происходящие от трех или более лиц. В фореграммах таких следов выявляют от трех до шести пиков. Анализировать такие «смешанные» следы зачастую крайне сложно. Подробнее остановимся на проблемах интерпретации таких результатов и рассмотрим возможные пути решения.

Поскольку все биологические системы являются открытыми, то есть они свободно обмениваются с окружающей средой веществом и энергией, на биологический материал, находящийся на вещественном доказательстве, постоянно действуют множество факторов. Это может быть термическое или химическое воздействие; влияние микроорганизмов, которые воспринимают биологический материал как питательную среду; действие УФ-излучения солнечных лучей, или даже, применение криминалистической техники и многие другие. Все эти факторы приводят, в том числе, к фрагментированию длинноцепочечных фрагментов ДНК – дегградации.

Дегградация существенно затрудняет корректную амплификацию ДНК, поскольку вызывает снижение интенсивности сигнала. Влияя в большей

¹ Romeika J. M. ReceNet advances in forensic DNA analysis / J. M. Romeika, F. Yan // Forensic Research. 2013. S12: 001. 142 p.

степени на возможность детектирования длинноцепочечных последовательностей ДНК, деградация может стать причиной «выпадения» аллеля¹. В этом случае как минимум один пик в фореграмме будет крайне низким, возможно, он не детектируется программой обработки результатов. При высокой степени деградации сигналы в некоторых локусах могут полностью отсутствовать.

Кроме того, деградация ДНК может привести к появлению ложных аллелей, когда один длинный фрагмент ДНК распадаясь, амплифицируется как несколько коротких фрагментов.

Оценить степень деградации ДНК в объекте позволяют методы ПЦР в реальном времени. В частности, существует показатель индекса деградации – это соотношение короткоцепочечных фрагментов ДНК к длинноцепочечным фрагментам в стоковом растворе нуклеиновых кислот. При показателе индекса более единицы можно сделать вывод о наличии деградации ДНК в биологическом материале. Однако в «смешанном» биологическом следе вклад каждого компонента ДНК различен. Рассмотрим такой пример: смесь ДНК, состоящая из двух компонентов – высокомолекулярного с преобладающим количественным содержанием компонента «А» и деградированного с минимальным количественным содержанием компонента «В». Показатель индекса деградации стокового раствора ДНК будет меньше или равен единицы, что соответствует норме. Таким образом, по данному объекту может быть представлена ошибочная оценка степени деградации ДНК, генетические признаки минорного компонента будут выявлены частично или не выявлены вообще.

Единственно возможный путь решения данной проблемы – применение более мягких способов выделения ДНК тех биологических следов, в которых теоретически может происходить деградация биологического материала. Кроме того, всегда важно оценивать степень деградации ДНК и учитывать ее при интерпретации результатов особенно в «смешанных» следах².

Применяя современные методы исследования и новейшее оборудование, ни один эксперт не застрахован от ошибки в ходе работы. Таким примером в молекулярно-генетическом анализе является контаминация – случайное загрязнение объекта чужеродной ДНК. Если собственный профиль ДНК объекта не определен, контаминация может приводить к выявлению не присущего объекту профиля ДНК и служить причиной идентификационной ошибки, которую достаточно просто обнаружить и устранить на этапе

¹ Mozaya№i A. The fore№sic laboratory ha№dbook procedures a№d practice [Text]: book / A. Mozaya№i, C. №oziglia [et al.]. - Editio№ №umber 2 – Sprin№ger Scie№ce, 2011. – XII. 300 p.

² Аникеев О. Е. Сравнительная характеристика методов выделения ДНК из различных объектов биологического происхождения при проведении генотипоскопической экспертизы / О. Е. Аникеев, Ю. Г. Степущенко, Н. И. Газетдинов, О. А. Кравцова // Российский следователь. 2013. №1. 50 с.

производства экспертизы. В случае выявления собственных аллелей объекта контаминация приводит к выявлению «смешанного» профиля ДНК¹.

Загрязнение объекта может произойти практически на любом этапе работы от изъятия вещественного доказательства до электрофоретического разделения ампликонов. Рассмотрим пример, когда контаминация не была замечена экспертом.

Биологический материал был занесен на вещественное доказательство до назначения экспертизы (до или во время изъятия, в процессе хранения, транспортировки) или во время экспертного исследования на последующих этапах работы посторонняя ДНК занесена в исследуемый экстракт, что стало причиной выявления «смешанного» генетического профиля.

Несомненно, бóльшую информативную ценность для следствия представляет рассмотренный ранее «чистый» след ДНК. Представляется, что задача эксперта, выявившего «смешанный» след не деградированной ДНК – вернуться к этапу изъятия биологического материала с вещественного доказательства и повторить исследование с целью получения более информативных данных.

Кроме того, в распоряжении экспертов имеются автоматизированные базы данных генетической информации, позволяющие получить информацию о совпадении полученного следа с лицом. В России эта возможность реализуется эксплуатацией объединенной поисковой федеральной системы генетической идентификации «Ксенон-2»². Кроме того, разработчики программ интерпретации результатов электрофореза и установления STR-локусов предлагают возможность анализа на совпадение полученных результатов с образцами лиц (например, коллектив лаборатории), внесенных в базу данных этих программ. Проверка по базам данных полученных «смешанных» профилей и «чистых» профилей неустановленных лиц до этапа статистического анализа позволяет исключить возможную контаминацию и обеспечивает достоверность полученных результатов.

Важным аспектом при анализе «смешанного» генетического профиля является понимание природы биологических следов. Например, при исследовании биологической смеси спермы и влагалищного эпителия, при достаточном количестве двух компонентов, эксперт с большой долей вероятности получит «смешанный» генетический профиль. В распоряжении экспертов имеется метод дифференциального лизиса, который позволяет разделить эти два компонента³. Однако, в случае смеси буккального и влагалищного эпителия, спермы от двух или более мужчин данный метод уже не эффективен.

¹ Перепечина И. О. Контаминация как причина ошибок при криминалистическом исследовании ДНК / И. О. Перепечина // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 12. 220 с.

² Абдуллина Е. В. Обязательная геномная регистрация в России глазами судебно-медицинского эксперта: проблемы и перспективы / Е. В. Абдуллина, В. В. Зыков // Эксперт-криминалист. 2018. № 1. 40 с.

³ Mozaya№i A. The fore№sic laboratory ha№dbook procedures a№d practice [Text]: book / A. Mozaya№i, C. №oziglia [et al.]. - Editio№№umber 2 – Spri№ger Scie№ce, 2011. – XII. 300 p.

Несколько иначе обстоит ситуация с анализом результатов так называемых «контактных» следов, которые образуются, например, при контакте поверхности кожных покровов преступника с одеждой потерпевшего. Такие следы преимущественно представляют собой смесь эпителиальных клеток и пота. В данной ситуации эксперту необходимо понять какова природа биологического следа – для этого проводятся биологические и микроскопические исследования. Кроме того, ознакомившись с обстоятельствами и материалами (протоколы допроса фигурантов, фототаблицы) уголовного дела, эксперт может сформулировать гипотезу о половой принадлежности вероятных участников следа. Например, в случае анализа смешанного следа, предполагаемыми участниками которого могли быть две женщины и один мужчина целесообразно провести исследование локусов мужской ДНК. Таким образом, комплексный анализ аутосомной ДНК и локусов Y-хромосомы позволит дать более объективный и развернутый ответ о возможных участниках «смешанного» биологического следа.

Современным оптимальным решением проблемы получения смешанных следов биологического происхождения может быть физическое разделение разных типов клеток, последующий их генетический анализ и как следствие получение «чистого» генетического профиля.

Коллектив авторов фармацевтической компании «Menarini Silicon Biosystems» представил технологию «DEPAarray™», которая основана на детектировании флуоресцентно меченных клеток с последующим их разделением в автоматическом режиме. Система «DEPAarray™» сканирует мишени, измеряет интенсивность флуоресценции и морфологические параметры клеток. Изолированные клетки помещают в буферную систему для последующего генетического анализа.

Известна технология лазерной захватывающей микродиссекции «LCM» – дифференцированные клетки, расположенные на специальной подложке, идентифицируют микроскопически и под воздействием лазерного луча прикрепляют их к подложке. Технология позволяет изолировать клетки крови, спермы, эпителиальные клетки; предоставляет широкие возможности в методах окрашивания препарата.

Несколько иная технология, основанная на методе проточной цитометрии – сортировка клеток с активированной флуоресценцией (fluorescence-activated cell sorting, FACS). Клетки метят флуоресцентным красителем, который возбуждается под действием лазерного луча. Для сортировки мишеней на приборе-сортере используют различия в эмиссии флуоресцентного сигнала¹.

К сожалению, перечисленные выше технологии, несмотря на высокую точность и надежность, на сегодняшний день нашли применение в основном в медицине и не получили широкого распространения в экспертных лабораториях.

¹ Fontana F. Isolation and genetic analysis of pure cells from forensic biological mixtures: the precision of a digital approach / F. Fontana [et al.] // Forensic Science International: Genetics. 2017. №29. 282 p.

В заключении необходимо отметить, что получение «смешанного» генетического профиля, его анализ в рамках экспертизы достаточно распространенное явление современной экспертной практики. Это связано, в первую очередь, с применением новых более чувствительных методов экстракции и амплификации нуклеиновых кислот. Важно осуществлять тщательный анализ каждого выявленного сигнала (пика) на предмет дифференциации аллельных фрагментов ДНК от артефактных, проводить корректную нормализацию нуклеиновых кислот до внесения в ПЦР. Эксперт должен четко понимать с каким биологическим следом он работает, в каком временном промежутке этот след мог быть образован. На заключительных этапах затруднения могут возникнуть при анализе низкоуровневых пиков на фореграмме – одно из решений данной задачи является внутрिलाбораторная валидация рабочих методик по установлению пороговых значений. Несомненно, есть случаи, когда невозможно выявить индивидуальный генетический профиль на вещественном доказательстве, но даже «смешанный» след, происходящий от трех и более лиц, грамотно интерпретированный экспертом, может служить достаточным основанием для дальнейшей работы следователя в конкретном направлении.

Литература

1. Стороженко И. В. Исследование ДНК тканей и выделений человека на автоматизированных системах [Текст]: учеб. пособие / И. В. Стороженко, А. Ю. Культин, А. В. Мельников ; под. общ. ред. Л. К. Булышевой ; М. : ЭКЦ МВД России, 2011.
2. Romeika J. M. Recent advances in forensic DNA analysis / J. M. Romeika, F. Yan // Forensic Research. 2013. S12: 001. – 142 p.
3. Mozayani A. The forensic laboratory handbook procedures and practice [Text]: book / A. Mozayani, C. Noziglia [et al.]. - Edition number 2 – Springer Science, 2011. – XII.
4. Аникеев О. Е. Сравнительная характеристика методов выделения ДНК из различных объектов биологического происхождения при проведении генотипоскопической экспертизы / О. Е. Аникеев, Ю. Г. Степущенко, Н. И. Газетдинов, О. А. Кравцова // Российский следователь. 2013. №1.
5. Перепечина И. О. Контаминация как причина ошибок при криминалистическом исследовании ДНК / И. О. Перепечина // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 12.
6. Абдуллина Е. В. Обязательная геномная регистрация в России глазами судебно-медицинского эксперта: проблемы и перспективы / Е. В. Абдуллина, В. В. Зыков // Эксперт-криминалист. 2018. № 1.
7. Mozayani A. The forensic laboratory handbook procedures and practice [Text]: book / A. Mozayani, C. Noziglia [et al.]. - Edition number 2 – Springer Science, 2011. – XII.

8. Fontana F. Isolation and genetic analysis of pure cells from forensic biological mixtures: the precision of a digital approach / F. Fontana [et al.] // Forensic Science International: Genetics. 2017. №29.

Антонов О.Ю.

Определение состава экспертной комиссии по производству судебно-медицинской экспертизы по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи

Аннотация. В статье описана практика создания экспертных комиссий по производству судебно-медицинской экспертизы по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи. Отмечена необходимость привлечения в состав таких комиссий специалистов по той или иной клинической специальности, вопросы по которой поставлены на экспертизу, а также врача-организатора, обладающего знаниями в области экспертизы качества медицинской помощи. Предложено решать эту проблему следователем совместно с судебно-медицинским экспертом СЭЦ СК России либо следователем-криминалистом, привлекая лиц из числа реестра внештатных судебно-медицинских экспертов, который требуется создать на базе органов здравоохранения или СК России.

Ключевые слова: комиссия судебно-медицинская экспертиза, ненадлежащее оказание медицинской помощи, состав экспертной комиссии.

В Конституции Российской Федерации закреплён суверенитет, носителем которого является многонациональный народ (статьи 3, 4)¹.

Следственный комитет Российской Федерации (далее – Следственный комитет, СК России) в последние 5 лет активизировал свою работу по рассмотрению сообщений и производству предварительного следствия по уголовным делам, связанным с ненадлежащим оказанием медицинской помощи. Как отмечает Председатель Следственного комитета А.И. Бастрыкин, вопросы оказания качественной медицинской помощи – непростая тема, обусловленная спецификой врачебной деятельности, затрагивающей, с одной стороны права граждан, с другой права и обязанности медиков, работающих зачастую в весьма сложных условиях².

Анализ статистических данных, формируемых Следственным комитетом за последние 5 лет, свидетельствует о трехкратном увеличении количества уголовных дел, возбужденных по фактам ненадлежащего оказания

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

² Бастрыкин А.И. Основные направления деятельности Следственного комитета Российской Федерации в 2018 году // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 4 (22). С. 12.

медицинской помощи (с 878 в 2016 году до 2197 в 2019 году и 2109 в 2021 году)¹.

Основным способом установления наличия или отсутствия дефектов оказания медицинской помощи и их причинно-следственной связи с наступившими последствиями является судебно-медицинская экспертиза, которая в большинстве случаев проводится в судебно-медицинских учреждениях, подведомственных Министерству здравоохранения Российской Федерации.

Профессорско-преподавательский состав медицинских вузов отмечает, что оценка правильности оказания медицинской помощи самостоятельно одним экспертом или комиссией, состоящей только из судебно-медицинских экспертов, не имеющих дополнительной профессиональной подготовки, невозможна. Данная область знаний, а именно клиническая медицина, не входит в программу обучения судебно-медицинских экспертов, следовательно, ответ на данный вопрос выходит за компетенцию судебно-медицинского эксперта... Поэтому встает вопрос о привлечении к производству экспертиз высококвалифицированных узких специалистов, по той или иной клинической специальности, вопросы которой стоят перед экспертной комиссией².

Следует отметить, что достаточно часто медицинская помощь оказывается несколькими медицинскими работниками различного профиля, поэтому для оценки их действий также требуется привлечение в состав экспертной комиссии соответствующих врачей-клиницистов, именуемых «консультантами».

Так, по мнению медицинских работников, включая судебных медиков, в качестве эксперта, учитывая значительную долю ятрогений при проведении медикаментозной терапии, следует привлекать клинического фармаколога³, а по случаям оказания медицинской помощи при дисфункции сфинктера Одди – клинициста-терапевта и гастроэнтеролога⁴.

Кроме того, существует позиция, что ответ на традиционный для рассматриваемой судебной экспертизы вопрос: «Имелись ли какие-либо недостатки качества оказания медицинской помощи?» также не входит в компетенцию судебно-медицинских экспертов, поскольку экспертиза качества медицинской помощи согласно пункту 2.6 статьи 58 Федерального закона

¹ Статистические сведения о рассмотрении сообщений и расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с врачебными ошибками и ненадлежащим оказанием медицинской помощи за 2017-2021 годы // По данным ГСУ СК России.

² Козлов С.В., Авдеев А.И., Солохина Л.В. К вопросу об организации производства судебно-медицинских экспертиз по так называемым «врачебным» делам // Проблемы экспертизы в медицине. 2010. Т. 10. № 1-2 (37-38). С. 29.

³ Экспертиза ятрогении : монография / А. И. Авдеев, В. Г. Дьяченко, С. В. Дьяченко. – Хабаровск : Изд-во «Лидер», 2015. С. 599.

⁴ Березников А.В., Конев В.П., Письменный И.В., Онуфрийчук Ю.О. Судебная экспертиза случаев оказания медицинской помощи при дисфункции сфинктера Одди // Вестник Санкт-Петербургской государственной медицинской академии им. И.И. Мечникова. 2009. № 3 (32). С. 20.

«Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ-323) выделена в самостоятельный вид экспертной деятельности. Поэтому в состав экспертной комиссии должен быть включен врач эксперт-организатор, имеющий базовую подготовку по специальности «общественное здоровье и здравоохранение» и тематическое усовершенствование по программе – экспертиза качества медицинской помощи. В его компетенцию будут входить ответы на вопросы, связанные с организацией оказания лечебно-диагностической помощи на всех этапах пребывания больного в лечебном учреждении, а также оценка, в целом, качества проведенных медицинских манипуляций².

Таким образом, судебно-медицинские экспертизы по уголовным делам о ненадлежащем оказании медицинской помощи – это не просто комиссионные, а именно комплексные экспертизы, поскольку требуют применения различных специальных знаний в области медицинской и фармацевтической деятельности.

Реализуя указанные точки зрения, как показывает изучение следственной практики, проведенное С.В. Шепелевым, судебно-медицинская экспертиза по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи (далее – КСМЭ) в большинстве случаев проводится в комиссионном порядке (81% из числа изученных 278 экспертиз), причем, если это требуется, к ее производству экспертизы специалисты соответствующего профиля (68%)³.

При этом, исследование медицинских работников показывает, что среднее соотношение числа судебно-медицинских экспертов и консультантов в рамках проведения одной экспертизы составило 5 к 3. Максимальное количество экспертов в рамках одной экспертизы – 9, из них 3 судебно-медицинских эксперта (председатель комиссии, организатор-докладчик, гистолог) и 6 клиницистов⁴.

Соответственно одной из основных организационных проблем производства КСМЭ, в том числе обуславливающих их длительность, является необходимость привлечения в состав комиссии не находящихся в штате государственных судебно-медицинских экспертных высококвалифицированных постоянно практикующих специалистов клинического профиля, работающих в медицинских организациях системы здравоохранения и в учреждениях высшего профессионального медицинского

¹ Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022, с изм. от 13.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Козлов С.В., Авдеев А.И., Солохина Л.В. К вопросу об организации производства судебно-медицинских экспертиз по так называемым «врачебным» делам // Проблемы экспертизы в медицине. 2010. Т. 10. № 1-2 (37-38). С. 29.

³ См.: Шепелев С.В. Взаимодействие следователя и экспертных учреждений при определении состава комиссии по производству судебной медицинской экспертизы // Правда и закон. 2022. № 2 (20). С. 47.

⁴ Фокин М.М., Ерофеев С.В. Судебно-медицинская экспертиза неблагоприятного исхода хирургической помощи (анализ практики и разработка методики) // Медицинская экспертиза и право. 2013. № 1. С. 14.

образования¹.

Среди судебно-медицинских экспертов существует мнение о том, что профессиональный состав комиссии определяет эксперт-организатор после ознакомления с поступившими объектами исследования на основании формулировок вопросов, поставленных на разрешение, и определения предметов экспертного исследования. При этом создание экспертной комиссии проводится руководителем государственного судебно-экспертного учреждения на основании предложения эксперта-организатора и в соответствии с положениями ст. ст. 14 и 15 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности»² (далее – ФЭ-73), а также ч. 2 ст. 199 УПК РФ³. Естественно, что решение указанного вопроса руководителем экспертного учреждения осуществляется путем заявления экспертом-организатором ходатайства следователю о необходимости включения в состав комиссии внештатного специалиста. Практика, в основном, идет именно по этому пути – так согласно результатам анкетирования 162 следователей СК России, проведенного С.В. Шепелевым, привлечение для производства экспертизы узких специалистов (хирургов, травматологов, анестезиологов, инфекционистов и др.) в 57% случаев обеспечивалось руководителем бюро судебной медицинской экспертизы⁴.

В тоже время, как отмечает Ш.Э. Исламов, исследуя в практике Узбекистана состав экспертной комиссии, который составлялся начальником бюро или же заведующим отделом повторно-комиссионных экспертиз: в отдельных (6,7%) случаях в качестве специалиста-врача участвовали при производстве КСМЭ лица, которые имели прямую и косвенную связь с медицинскими работниками, деятельность которых рассматривалась при производстве экспертизы... Этот факт ставил под сомнение выводы таких экспертных комиссий⁵.

В России эта проблема решена частично: согласно ст. 18 ФЭ-73 в качестве основания для отвода эксперта указано, что в производстве судебной экспертизы в отношении живого лица не может участвовать врач, который до ее назначения оказывал указанному лицу медицинскую помощь. Несмотря

¹ Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи. Методические рекомендации (утв. ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России 21.06.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности» от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Альшевский В.В. Методика судебно-медицинского исследования при производстве экспертизы в уголовном судопроизводстве по делам о причинении врачом вреда здоровью пациента (сообщение 3) // Медицинское право. 2018. № 6 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Шепелев С.В. Взаимодействие следователя со сведущими лицами в ходе расследования преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 156.

⁵ Исламов Ш.Э. Пробелы при производстве комиссионных судебно-медицинских экспертиз по профессиональным правонарушениям медицинских работников // Сибирский медицинский журнал (Иркутск). 2010. Т. 96. № 5. С. 141.

на то, что КСМЭ назначается, в основном, по фактам смерти пациентов, указанные положения обоснованно распространяются на нее в следственно-судебной практике. Однако, в связи с установленным в органах здравоохранения порядком назначения внештатными специалистами по определенному виду медицинской помощи в единственном числе, у следователя фактически отсутствует выбор лиц, привлекаемых в качестве экспертов.

В качестве еще одной проблемы создания экспертной комиссии по инициативе руководителя экспертного учреждения можно отметить, что медицинские работники, не являющиеся штатными судебно-медицинскими экспертами, осуществляют трудовую функцию в иных медицинских учреждениях и не подчиняются организационно и юридически руководителю регионального учреждения судебной медицинской экспертизы, какие-либо административно-правовые механизмы воздействия на них со стороны руководителя экспертного учреждения отсутствуют¹. Действующим законодательством не предусмотрен механизм привлечения экспертным учреждением, в которое назначена судебная экспертиза, нештатных специалистов, более того прямо запрещается руководителю экспертного учреждения «...самостоятельно без согласования с органом или лицом, назначившими судебную экспертизу, привлекать к ее производству лиц, не работающих в данном учреждении...»².

То есть, последний может создать экспертную комиссию только из состава сотрудников своего бюро, а также медицинских работников или преподавателей медицинских вузов, работающих в бюро по совместительству.

В связи с этим, подбор членов экспертной комиссии из числа медицинских работников, специализирующихся на определенном виде медицинской помощи, оказанной по находящемуся в производстве уголовному делу, должен осуществлять сам следователь. При этом, необходимо разрешить еще несколько вопросов, входящих в компетенцию следователя, а не руководителя экспертного учреждения:

- отсутствие оснований для отвода медицинского работника с учетом всех этапов оказания медицинской помощи потерпевшему;
- оплата труда внештатного эксперта на договорной основе;
- проверка компетентности врача, включая наличие у него действующей аккредитации специалиста³;
- исключить наличие иных обстоятельств, препятствующих производству экспертизы (командировки, отпуска в период ее производства).

Представляется, что наиболее сложным является решение вопроса о компетентности медицинского работника, поскольку наличие у него

¹ Шепелев С.В. Взаимодействие следователя и экспертных учреждений при определении состава комиссии по производству судебной медицинской экспертизы. С. 48.

² Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ. Ст. 14 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Ст. 69 // СПС «КонсультантПлюс».

аккредитации специалиста не является свидетельством его знаний в области судебной экспертизы. Так, по мнению медицинских работников, включая судебных медиков, необходимо проводить обучение врачей гастроэнтерологов и терапевтов, привлекаемых в качестве экспертов, основам экспертной деятельности, а также алгоритмам и методикам работы эксперта-гастроэнтеролога, эксперта-терапевта в комиссии при оценке случаев оказания медицинской помощи¹.

По общему правилу, для получения рекомендаций при выборе специалистов, обладающих специальными познаниями в необходимых областях, целесообразно обращаться в региональные органы здравоохранения. Однако, учитывая общие криминалистические и уголовно-процессуальные рекомендации по выбору эксперта в ходе подготовки к назначению судебной экспертизы², одним из главных критериев его компетентности является наличие стажа (опыта) экспертной деятельности.

В связи с чем, в целях оказания помощи следователю в подборе врачей-клиницистов в состав экспертных комиссий представляется целесообразным создать реестр таких внештатных судебно-медицинских экспертов по аналогии с существующим реестром экспертов качества медицинской помощи³. Такой реестр оптимально сформировать территориальными органами здравоохранения из числа медицинских работников, получивших дополнительное профессиональное образование по судебно-экспертной деятельности либо можно создать на базе СЭЦ СК России на основе имеющейся региональной практики их привлечения к производству КСМЭ, признанных следствием и судом в качестве доказательств по уголовным делам.

Проблема подбора членов экспертной комиссии в настоящее время может решаться следователем совместно со штатным судебно-медицинским экспертом Судебно-экспертного центра СК России, которому назначается судебная экспертиза по данной категории уголовных дел, поскольку он в любом случае будет вынужден собирать комиссию экспертов, в первую очередь из бюро судебно-медицинской экспертизы органов здравоохранения, имеющего лицензию на данный вид медицинской деятельности. В решении данного вопроса может помочь и следователь-криминалист, в обязанности которого входит криминалистическое сопровождение расследования указанного вида преступлений⁴.

¹ Березников А.В., Конев В.П., Письменный И.В., Онуфрийчук Ю.О. Судебная экспертиза случаев оказания медицинской помощи при дисфункции сфинктера Одди // Вестник Санкт-Петербургской государственной медицинской академии им. И.И. Мечникова. 2009. № 3 (32). С. 22.

² См. например, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : научно-практический комментарий / под общ. и науч. ред. А.В. Гриненко. М.: Проспект, 2021. С. 600-601.

³ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 16 марта 2021 г. № 210н «Об утверждении порядка ведения единого реестра экспертов качества медицинской помощи» // Интернет-версия системы ГАРАНТ.

⁴ Шепелев С.В. Взаимодействие следователя со сведущими лицами в ходе расследования преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи. С. 69.

Таким образом, механизм создания экспертных комиссий по производству судебно-медицинской экспертизы по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи требует дальнейшего совершенствования, в том числе по указанным в настоящей статье направлениям.

Литература

1. Альшевский В.В. Методика судебно-медицинского исследования при производстве экспертизы в уголовном судопроизводстве по делам о причинении врачом вреда здоровью пациента (сообщение 3) // Медицинское право. 2018. № 6.

2. Бастрыкин А.И. Основные направления деятельности Следственного комитета Российской Федерации в 2018 году // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 4 (22).

3. Березников А.В., Конев В.П., Письменный И.В., Онуфрийчук Ю.О. Судебная экспертиза случаев оказания медицинской помощи при дисфункции сфинктера Одди // Вестник Санкт-Петербургской государственной медицинской академии им. И.И. Мечникова. 2009. № 3 (32).

4. Исламов Ш.Э. Пробелы при производстве комиссионных судебно-медицинских экспертиз по профессиональным правонарушениям медицинских работников // Сибирский медицинский журнал (Иркутск). 2010. Т. 96. № 5.

5. Козлов С.В., Авдеев А.И., Солохина Л.В. К вопросу об организации производства судебно-медицинских экспертиз по так называемым «врачебным» делам // Проблемы экспертизы в медицине. 2010. Т. 10. № 1-2 (37-38).

6. Экспертиза ятрогении : монография / А. И. Авдеев, В. Г. Дьяченко, С. В. Дьяченко. – Хабаровск : Изд-во «Лидер», 2015.

7. Фокин М.М., Ерофеев С.В. Судебно-медицинская экспертиза неблагоприятного исхода хирургической помощи (анализ практики и разработка методики) // Медицинская экспертиза и право. 2013. № 1.

8. Шепелев С.В. Взаимодействие следователя и экспертных учреждений при определении состава комиссии по производству судебной медицинской экспертизы // Правда и закон. 2022. № 2 (20).

9. Шепелев С.В. Взаимодействие следователя со сведущими лицами в ходе расследования преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

Белей А.В.

Теоретические и практические аспекты организации и реализации метода эксперимента в судебной компьютерно-технической экспертизе

Аннотация. В статье описаны теоретические и практические аспекты организации эксперимента в судебной компьютерно-технической экспертизе, предложен авторский алгоритм, апробированный при исследовании поведения исполняемого PE-файла в файловой системе ОС «Windows» и его воздействие на нее.

Ключевые слова: судебная компьютерно-техническая экспертиза, эксперимент, объекты исследования.

В ходе анализа нормативно-правовой базы, регулирующей осуществление судебно-экспертной деятельности в рамках производства СКТЭ, представилось возможным сформулировать теоретические принципы организации и реализации метода эксперимента в судебной компьютерно-технической экспертизе.

Любой экспертный эксперимент требует чёткой организации, и в рамках производства СКТЭ, также предлагается выполнять его в несколько этапов, в определенной последовательности.

В рамках выполнения работ по подготовительному этапу эксперту следует провести анализ данных об объектах, поступивших на исследование. Полное исследование информации дает возможность эксперту не только составить дорожную карту исследования, но и создать идентичные условия для проведения экспертного эксперимента, а, следовательно, обеспечить достоверность результатов работы. На данной стадии могут применяться такие методы научного познания как логический анализ и синтез, а также наблюдение и сравнение, которые применяют и на других этапах экспертного эксперимента. Например, при сравнении хэш-сумм информационных объектов. После, эксперту следует определить цели и задачи экспертного эксперимента. Они определяют выбор специализированных программных средств и аппаратно-программных комплексов, а также методов исследования. Далее эксперту необходимо выстроить версии, основываясь на логике построения гипотез. Базируясь на выстроенных версиях протекания исследуемого явления, субъект исследования выбирает методы и средства, которые будут использованы. С выбором связана необходимость использования как большого спектра специализированного программного обеспечения и аппаратно-программных комплексов, так и отдельных специализированных методов исследования, например, при проведении эксперимента с оборудованием для уничтожения данных на НЖМД путем электромагнитного воздействия на него. При этом эксперт должен зафиксировать внешние и внутренние факторы, которые могут оказать воздействие на точность экспертного эксперимента или изменения среды. Объекты СКТЭ очень специфичны, как и сама цифровая среда, и иногда бывает очень сложно определить факторы, которые могут быть решающими. Если эксперт сталкивается с подобной проблемой, представляется возможным провести поисковый эксперимент, целью которого является определение причинно-следственной связи между характеристиками исследуемого объекта и выбранными для оценки факторами.

Таким образом, можно сделать вывод, что только правильно созданные условия, которые основаны на проверенной методике, позволяют получить достоверные результаты при проверке выдвинутых версий. На данном этапе эксперт использует общенаучные методы индукции и дедукции. Как только анализ факторов проведен или осуществлен поисковый эксперимент, начинается планирование исследования, проводимого путем экспертного

эксперимента. Эксперт обязательно описывает изменяемые условия эксперимента, например, то, что эксперимент проходит на виртуальной машине. Также на данном этапе определяется последовательность применения программных и технических средств исследования. Примером может служить создание снимка состояния виртуальной машины или снимка реестра ОС «Windows» перед проведением эксперимента. Оптимальный план способен обеспечить равномерное влияние на созданные экспертом условия (файловую систему, реестр или сетевые соединения), которые влияют на ход протекания эксперимента. Для проведения исследования в условиях виртуальной машины, вполне достаточно зафиксировать сетевые соединения, состояние реестра и список процессов, эти переменные уже дадут возможность сделать соответствующие выводы при их изменении.

Таким образом, самое главное, что необходимо сделать эксперту на подготовительной стадии – это вести в исследование как можно больше независимых переменных и параметров, относительно которых будет возможно интерпретировать полученные данные. Особенно важно это при проведении СКТЭ, так как в операционных системах существует огромное количество различных переменных и параметров, важных для исследования.

Говоря об основных принципах проведения эксперимента в рамках СКТЭ можно выделить следующие правила:

1. Соответствие условиям воспроизведения явления в обычной среде (например, соответствие характеристик виртуальной машины рабочему физическому устройству).

2. Возможность неоднократного воспроизведения эксперимента (например, откат к раннему снимку состояния виртуальной машины и повтор эксперимента).

3. Учет влияния внешних факторов на изменимость цифровых следов (например, программа может не работать, если в определенных директориях виртуальной машины будет находиться специализированное криминалистическое программное обеспечение).

Также перед экспертом может стоять задача установления тождества объектов, например, путем сравнения хэш-сумм информационных объектов. В таком случае будет возникать еще одно условие. Таким условием будет получение образцов для сравнительного исследования с использованием предоставленного на экспертизу объекта. В данном случае примером будет снятие копии памяти ЭНИ разными способами или с компрессией.

На подготовительной стадии эксперту очень важно обеспечить материально-техническую составляющую проведения экспертного эксперимента. В зависимости от задач и объекта исследования это могут быть различные средства измерения, а также оборудование (блокираторы записи, подготовленная рабочая станция эксперта в виде одного или нескольких компьютеров, обладающих необходимыми вычислительными мощностями, аппаратно-программные комплексы), кроме того, после анализа выдвинутых версий, необходимо определить список программного обеспечения, которое может потребоваться. При выборе материально-технической части обязательно

стоит руководствоваться принципом наименьшей погрешности результатов измерений или исследования.

Также стоит отметить, что эксперт заранее должен определить способ фиксации хода экспертного эксперимента. Результаты наблюдения, ход эксперимента, а также обнаруженная криминалистически значимая информация, может быть зафиксирована в таких формах как:

1. конспект; форма конспекта выбирается сами экспертом, может быть рукописной или электронной с использованием цифровых средств и технологий;

2. графическая форма, которая предполагает фиксацию хода экспертного эксперимента в виде схем, графиков, таблиц и так далее;

3. форма фото и видеофиксации; в случае СКТЭ, а особенно при проведении экспертного эксперимента с использованием технологии виртуализации, необходимые процессы могут быть зафиксированы при помощи скриншотов или специализированного ПО для записи экрана.

Перейдем к другому этапу проведения экспертного эксперимента – непосредственно экспериментальной стадии. В ходе рассматриваемого этапа, ориентируясь на созданный в рамках предыдущих стадий план проведения экспертного эксперимента, субъект исследования самостоятельно проводит эксперимент в тех или иных условиях, а также выбирает и описывает методы контроля качества осуществляемых операций. Также должны быть определены методы и средства обработки и анализа полученной в ходе эксперимента информации. Не стоит забывать и о фиксации хода эксперимента заранее определенным способом, например, специальным ПО «Lightshot».

Бывает возникает необходимость подтвердить результаты эксперимента, а иногда и путем повтора всех или части действий в измененных условиях. Например, эксперимент может быть повторен с использованием разных средств виртуализации или на одной ОС, но с разными сервис-паками. Как было описано ранее, эксперимент, представляющий собой метод познания, который заключается в неоднократно повторяемых действиях с целью исследования объектов и их свойств, процессов, явлений, закономерностей, предполагает создание систем (в естественных или искусственных условиях), которые будут давать эксперту СКТЭ возможность влиять на процесс протекания процесса или на объект. С этой задачей отлично справляются средства виртуализации, которые можно настроить под любые параметры, имитировать сетевые соединения, службы и техническое оснащение за счет компьютера-хоста.

В данном случае, при анализе изменений и их корреляции с выбранными независимыми переменными, особое внимание следует уделять математическим методам обработки и анализа полученных данных.

Последним этапом проведения экспертного эксперимента является непосредственный анализ результатов исследования и формирование выводов.

В ходе реализации мероприятий данного этапа эксперт переходит от эмпирических действий к обобщению, анализу и интерпретации полученной в ходе исследования информации. Также на данном этапе важно

проанализировать возможные ошибки и, при необходимости, принять решение о повторении действия в случае обнаружения ошибок.

Следует отметить, что содержание всех этих этапов и средств, используемых при проведении исследования, должны определяться не только с учетом поставленных задач и целей, но и с учетом характера исследуемого объекта.

Что касается практических аспектов организации проведения эксперимента в судебной компьютерно-технической экспертизе, то они непосредственно зависят от того, какой именно поступил объект, и какая именно цель будет достигаться экспертом при проведении экспертного эксперимента. В современных реалиях быстро развиваются средства виртуализации, благодаря которым эксперт СКТЭ способен моделировать все необходимые условия для проведения эксперимента, а также формировать воздействующие внешние факторы, которые могут помочь в осуществлении исследования.

Как было отмечено ранее, при проведении экспертного эксперимента используется не оригинальный объект исследования, а иной объект, который обладает равными характеристиками. Эксперту необходимо сохранять неизменность имеющихся на ЭНИ данных. В экспертной практике применяется целый ряд способов создания образа ЭНИ. В рамках этого процесса главным принципом является защита носителя данных от записи информации. Для этого применяются блокираторы записи, которые дают возможность субъекту исследования копировать данные с ЭНИ, не внося никаких изменений в структуру и содержание данных.

На этапе создания образа электронного носителя информации перед экспертом стоит возможность выбора физического или логического образа.

Физический образ представляет собой полную копию всего содержимого памяти ЭНИ. В таком случае создается копия всех областей хранения данных и нераспределенных областей памяти устройства.

Стоит отметить одну из главных особенностей физического снятия образа, которая может использоваться для осуществления экспертного эксперимента. Такой особенностью является возможность записи образа обратно на диск. Так как физический образ – это побитовая копия ЭНИ, то у эксперта появляется возможность создать тождественную копию или копии объекта исследования, что позволит проводить экспертный эксперимент, не рискуя повредить основной объект в ходе исследования.

Вторым способом создания образа будет снятие логического образа. В ходе его создания эксперт получает образ, сформированный на уровне файловой системы. На практике этим вариантом следует воспользоваться, если отсутствует возможность создать физический образ. Такие ограничения могут быть связаны с работой самого устройства или если необходим образ определенной директории на сервере.

Экспертные ошибки при исследовании подобных носителей информации могут привести к полной потере данных. Поэтому последовательная фиксация процесса создания образа при подготовке к экспертному эксперименту тоже необходима.

На сегодняшний день существует ряд программных средств для создания и работы с криминалистическим образом, такие как: FTK Imager (Access Data); EnCase Forensic Imager (Guidance); Magnet ACQUIRE (Magnet); X-Ways Imager (X-Ways) и другие.

При создании образа эксперт обязательно должен использовать блокираторы записи, например, Tableau Forensic bridge; Wiebetech Forensic UltraDock; ICS Write Blocker kit; EPOS WriteProtector и другие.

Для работы с образом эксперт может воспользоваться виртуальной машиной. Виртуальная машина – программная и/или аппаратная система, эмулирующая аппаратное обеспечение какой-то платформы или виртуализирующая некоторую платформу и создающая на ней среды, изолирующие друг от друга программы и даже ОС.

Виртуальная машина, которая создается для осуществления эксперимента, как и рабочая станция криминалиста, должна соответствовать определенным правилам. Во-первых, при установке необходимо обязательно указывать тип соединения NAT, чтобы изолировать локальную сеть от потенциального воздействия, во-вторых, для чистоты эксперимента, по аналогии со снятием дампа оперативной памяти, все программы будут запускаться с внешнего носителя, подключенного к основному хосту.

Руководствуясь описанным выше процессом подготовки, экспертом может быть осуществлена успешная подготовка и осуществление экспертного эксперимента. Такая методика эффективно показала себя при исследовании поведения исполняемого PE-файла в файловой системе ОС «Windows» и его воздействие на нее.

Бойцов А.А.

Манипулятивные речевые стратегии в текстах о Вооруженных силах Российской Федерации (Ст. 207.3 УК РФ)

Аннотация. Автором отмечается, что с момента начала специальной военной операции в экспертной практике удаётся наблюдать, как при помощи различных языковых приёмов массово оказывается воздействие на убеждения и взгляды различных категорий адресатов. Манипулятивные речевые тактики позволяют авторам охватить разные по объёму и качеству целевые аудитории и реализовать глобальную манипулятивную речевую стратегию «завоевания доверия адресата». Читателю же (или зрителю/слушателю) использование таких манипулятивных тактик мешает, а иногда и вовсе не оставляет возможности принять самостоятельное, взвешенное решение относительно деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, манипулятивные речевые тактики, преступления, предусмотренные ст. 207.3 УК РФ.

В апреле 2022 г. уголовное законодательство России было дополнено ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Несмотря на непродолжительный период времени, прошедший с момента

внесения данной статьи, сейчас (на сентябрь-октябрь 2022 г.) уже можно говорить не только о выработанных следствием алгоритмах работы в рамках этой статьи, но и о достаточно устойчивой судебной практике по данной категории дел.

Так, одним из эффективных инструментов, помогающих следователям в процессе доказывания, является судебная лингвистическая экспертиза. Учитывая актуальность и социальную значимость происходящих в государстве процессов, экспертами различных учреждений, служб и ведомств ad hoc был выработан узко специализированный методический подход¹.

Данный методический подход в целом не является новым и активно применяется экспертами в делах о клевете, о защите чести, достоинства и деловой репутации, об оскорблении и т.п. Наиболее универсально данный подход описан в работе проф. О.В. Кукушкиной².

Здесь следует отметить, что при производстве лингвистических экспертиз в рамках дел, возбужденных по признакам главной (с точки зрения криминалистической значимости) лингвистической задачей также будет являться установление формы передачи информации. Как пишет В.О. Кузнецов, «в лингвистическом аспекте правовые понятия “заведомо ложная информация” и “распространение заведомо ложной информации под видом достоверной” соотносятся с лингвистическим понятием языкового способа подачи информации, допускающего ее проверку на соответствие действительности»³.

Вместе с этим при исследовании подобных текстов некоторое экспертное значение может иметь и установление речевых целей высказывания, а также применяемых говорящим речевых тактик (за счёт которых, на наш взгляд, у адресата создаётся дополнительное представление о достоверности сообщаемой информации). Поступающие на исследование тексты, как правило, представляют собой публичную интернет-коммуникацию, а также являются комбинированными текстами, в том числе с визуальным содержанием (видеоролик, аудиосообщение, статья, фоторепортаж).

¹ См., например:

1. Информационное письмо ФГКУ ЭКЦ МВД России от 26.04.2022 № 224-07-2022 «Об особенностях назначения и проведения лингвистических экспертиз (исследований) материалов, связанных с распространением заведомо ложной информации в отношении Вооруженных Сил Российской Федерации и дискредитацией их действий, а также с призывами к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации и ее граждан».

2. Методическое письмо ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России от 17.06.2022 «Об особенностях судебных лингвистических экспертиз информационных материалов, связанных с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации».

² Кукушкина О.В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 132–145.

³ Кузнецов В.О. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о распространении заведомо ложной (недостоверной) информации под видом достоверных сообщений // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 2. С. 49–57.

Как показывает экспертная практика, основными речевыми целями, реализующимися за счет манипулятивных тактик в современных текстах о Вооруженных Силах Российской Федерации, являются информирование и убеждение.

При этом нередко тактики, реализующие речевую цель «убеждение», используются автором для того, чтобы исключить любую возможность формирования у читателя собственного мнения относительно описываемых автором фактов, исключить какие-либо предположения о том, что имели место иные, нежели указывает автор, факты и события.

Такие речевые тактики кажутся нам наименее результативными в силу своих агрессивности, простоты и очевидности. Однако, как показывает практика, в современных текстах о Вооруженных Силах Российской Федерации эти тактики являются довольно популярными. Хотя также встречаются и другие, более сложные речевые тактики.

Использование подобных и иных речевых тактик способно ввести в заблуждение и запутать не только рядового читателя, но и неопытного эксперта-лингвиста.

В этой связи в настоящем исследовании считаем важным рассмотреть и типизировать различные случаи реализации манипулятивных речевых тактик в современных текстах о Вооруженных Силах Российской Федерации.

Сам феномен речевых тактик (и стратегий) как в отечественной, так и в зарубежной лингвистической науке уже довольно давно получил достаточное освещение (достаточное для применения в экспертной практике). Так, из работы О.С. Иссерс следует, что «речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели»¹; «если речевую стратегию понимать как совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего (“глобального намерения”, по ван Дейку), то речевой тактикой следует считать одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии»².

Кроме того, эксперту-лингвисту также могут оказаться полезны и работы М.А. Осадчего, в частности, те из них, которые описывают значимые при исследовании публичных текстов речевые тактики ухода от правовых рисков³. Участвующие в публичных дискуссиях лица не могут быть не осведомлены об особенностях современных правовых реалий публичной коммуникации и, соответственно, всегда просчитывают правовые последствия своих высказываний перед широкой аудиторией (в том числе учитывают и то, что таким их высказываниям будет дана или, как минимум, может быть дана правовая оценка).

¹ Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999. С. 54.

² Там же, с.109–110.

³ См., например: Осадчий М.А. К вопросу об оценке речевой тактики автореабилитации при производстве судебной лингвистической экспертизы. Теория и практика судебной экспертизы. 2018;13(4):124-129.

Учитывая указанные теоретические положения опишем разные типы манипулятивных речевых тактик, с которыми экспертам пришлось столкнуться на практике (нумерация условная).

Тактика 1. «Мнимая дискуссионность». В данном случае автор, обращаясь к максимально широкому адресату (к гражданам России), для сообщения фактологической информации о негативных действиях российских военных использует слово «война», специально обращая внимание читателя на необходимость использования именно такой номинации. Такая номинация и такое специальное указание заставляют читателя обратиться к общественно-политическому дискурсу, в котором возникла и закрепилась оппозиция номинаций «война» – «специальная военная операция» (далее – СВО).

При этом адресанту заранее (так как обсуждение использования этих номинаций нашло отражение во многих публичных дискуссиях) известно, что данная оппозиция была создана искусственно¹. С одной стороны, она была введена в дискурс носителями официальной точки зрения, использующими данное слово в качестве аргумента при оценке высказываний и их автора на предмет совершения деяния противоправного характера. С другой стороны, оппозиция «война – СВО», была активно поддержана и закреплена в дискурсе носителями иной, противопоставленной официальной точки зрения, которые использовали ссылки на неё (на оппозицию) в качестве аргумента для указания на подавление свободы слова со стороны государства.

Однако в наивной (не связанной ни с юридической, ни с политической наукой) картине мира использование любой из двух указанных номинаций не имеет сколь-либо серьёзного значения. Независимо от выбранных говорящим слов («война» или «специальная военная операция») для называния конкретного явления внеязыковой действительности, он (говорящий) будет понят слушающим, а слушающему, в свою очередь, будет понятно, о чём идёт речь.

За счёт этого, используя слово «война» в публичном высказывании, автор предстаёт перед читателем в коммуникативной роли «героя» – лица, не страшась спорить с властью (с сильным) и отстаивать своё мнение, и тем самым приобретает дополнительный авторитет в глазах ординарного читателя – повышает уровень доверия к сообщаемой им информации.

Кроме того, создание мнимой дискуссии вокруг значимости используемых номинаций отвлекает внимание, мешает критически воспринимать

¹ Здесь следует отметить, что в Российской Федерации не существует какого-либо нормативного правового акта, запрещающего кому-либо использовать слово «война» в своих публикациях. Предположение о наличии такого запрета родилось из различных юридических дискуссий и толкований позиций государственных органов, в том числе из сообщения Роскомнадзора, в котором эта федеральная служба справедливо напомнила средствам массовой информации о необходимости предварительно устанавливать достоверность публикуемых материалов, а также указала на обязанность использовать информацию и данные, полученные ими только из официальных российских источников. Однако ни в каком официальном документе, в том числе в данном сообщении Роскомнадзора, не содержится запрета на использование слова «война».

информацию, убеждая читателя не только в достоверности излагаемых фактов, но и в правильности авторских оценок, присваиваемых этим фактам (в частности, в допустимости и необходимости негативной оценки российских военных).

Также в данном случае сопутствующим инструментом манипуляции – побуждения адресата к изменению его точки зрения – служил специальным образом смонтированный видеоролик. Ролик был смонтирован из нескольких фрагментов. В одних фрагментах демонстрировался стреляющий российский танк, а на последующих фрагментах показывались взрывы в жилых домах и объектах инфраструктуры (то есть выстрел танка и его попадание никогда не показывались в кадре в рамках непрерывного видеосюжета). Такая последовательность компоновки фрагментов предполагает, что демонстрируемые взрывы и разрушения жилых домов являются последствиями стрельбы российского танка. Вместе с этим взрывы и разрушения демонстрировались максимально размыто – таким образом, чтобы не позволить адресату даже предположить, что танк осуществляет ответный огонь или стреляет по вооруженному противнику, то есть обязательным выводом в данном случае было то, что российские войска ведут огонь по мирным жителям, жилым кварталам.

Тактика 2. «Неприкрытая ложь». Данный случай является примером реализации речевой цели убеждения в агрессивной форме и рассчитан, вероятнее всего, в основном на узкую целевую аудиторию – на лиц, которые готовы поверить каждому слову говорящего и не способны осмысливать получаемую информацию критически.

Так, в рамках видеоролика в одном фрагменте диктор (лицо, которое обозначило себя в качестве автора видеоролика) произносит следующее высказывание: «Напоследок мы покажем вам видео из Бучи, в котором украинские военные показывают места наиболее ожесточённых боёв».

Затем изображение в кадре меняется и следует фрагмент, на котором отражены следующие высказывания третьего лица, поддерживающие заявленную диктором тему: «Я не военный человек, но я не могу до конца осознать, почему...».

Таким образом, механизм аргументации в данном случае реализуется лишь формально: диктор сообщает информацию и затем подкрепляет её высказываниями третьего лица. Однако с содержательной точки зрения здесь наблюдается значимое противоречие.

За счёт указания на военных как на источник информации диктор имплицитно говорит и о высоком уровне доверия к сообщаемой информации, поскольку военные являются, во-первых, представителями крупной организованной структуры, во-вторых, являются носителями знания, теми лицами, которые оперативно получают достоверную информацию о боевых действиях, кроме того, военные (независимо от их гражданской принадлежности) являются людьми долга, чести, что в наивной картине мира (для обывателя) несовместимо с ложью и/или обманом. То есть указание на военных является аргументом к авторитету. При этом следующий за этим

аргументом фрагмент по содержанию опровергает заявленное диктором указание об авторитетности источника (*Я не военный человек*). Но для адресата (слушающего и смотрящего видеоролик) это оказывается уже не важным, ведь высказывания диктора оказываются подтвержденными с формальной точки зрения, а значит можно доверять сообщаемому, несмотря на очевидную ложь.

Тактика 3. «Навешивание ярлыков». Данный случай является примером реализации речевой цели убеждения в агрессивной форме и рассчитан, вероятнее всего, в основном на широкую целевую аудиторию – на лиц, которые восприимчивы к чужой экспрессии.

Здесь автор после сопровождаемого негативной оценкой сообщения о факте гибели мирных жителей именно от рук российских военных, обращается к адресату со следующим высказыванием: «Вообще не понимаю, о чем можно спорить с человеком, который считает возможным, что украинцы сами трупы положили. Вы так считаете? Поздравляю Вас, Вы урод и сообщник». Негативная оценка, предшествовавшая данному обращению, заключалась в приписывании российским военным таких качеств, которые позволяют им совершать любые, в том числе самые отвратительные поступки в ходе боевых действий («...армия России, она на все способна»).

Таким образом, публикатор не предоставляет адресату возможности составить объективное представление о происходящем (не даёт адресату даже возможности оспорить сообщаемый факт, не даёт возможности предположить, что мирные жители могли погибнуть не от рук российских военных, а по какой-либо иной причине в результате действий украинцев). Заложенная в сообщение интенция («...украинцы сами трупы положили. Вы так считаете? Поздравляю Вас, Вы урод и сообщник») не предполагает какой-либо иной реакции, кроме согласия с авторской точкой зрения (с негативной оценкой российских военных), поскольку в норме ни один человек не желает считать себя «уродом» и «сообщником» преступления – «сообщником» уничтожения мирных жителей.

Тактика 4. «Заочный спор». Данный случай является примером реализации речевой цели убеждения и рассчитан, вероятнее всего, в основном на широкую целевую аудиторию – на лиц, интересующихся массовой культурой.

Автор создаёт текст, в котором своё сообщение комбинирует с сообщением известного представителя шоу-бизнеса (так называемой звезды), который поддержал специальную военную операцию. В таком комбинированном тексте представлены две разные точки зрения, за счёт чего у читателя появляется формальное основание считать данный текст объективным.

Однако вторая точка зрения, точка зрения оппонента, оказывается в слабой позиции. Автор может унижать и критиковать своего оппонента, приводить любые аргументы, – и всё это останется без ответа, поскольку оппонент в этом споре присутствует лишь номинально.

Эта тактика позволяет автору выглядеть объективным перед читателем, помогает завоевать его доверие, открывая перед автором возможность сообщать читателю любую информацию под видом достоверной.

Тактика 5. «Мнимая солидаризация, мнимое требование объективности». В данном случае автор якобы пытается занять позицию

своего потенциального адресата. Например, приписывает адресату вполне адекватное желание не соглашаться с тем, что российские военные совершили те действия, о которых автор уже сообщил (а именно убивали мирных граждан). Затем автор говорит и о своём таком же нежелании, например, следующим образом: *Я понимаю тех, кто не верит; Я и сама не хочу верить*. То есть таким образом пытается солидаризоваться с адресатом – в том числе с людьми, которые поддерживают «специальную военную операцию» и не готовы верить противоположной стороне.

При этом автор подробно сообщает о том, что и как сделали именно российские военные, сообщает о конкретных деталях и обстоятельствах их действий (*расстреляли без суда и следствия; бросили трупы в погребках и на обочинах; пытались закопать и сжечь*). Но, сообщая это, автор не приводит каких-либо аргументов, которые позволили бы сомневаться в достоверности этих сведений. И также не называет какого-либо иного возможного субъекта данных действий, кроме российских военных. Более того, в конце сообщения автор подвергает сомнению и саму возможность того, что данные действия могли быть совершены кем-то иным, кроме российских военных. А именно автор указывает на наличие документальных подтверждений озвученных им фактов: *уже слишком много доказательств. Сотни фотографий, видеозаписей, свидетельства очевидцев, задокументированные международными организациями*. То есть заявленный в начале публикации посыл на солидаризацию с адресатом по конкретной проблеме с развитием повествования трансформируется в совершенно противоположную позицию. Однако благодаря такому началу читатель (поддерживающий СВО) уже начал доверять автору, поскольку увидел в нём единомышленника.

Также для того, чтобы завоевать доверие читателя, автор демонстрирует мнимую объективность: заявляет о необходимости расследования уже приписанного им (автором) российским военным преступления (*Понятно, что необходимо провести расследование*). Однако далее автор показывает свою осведомленность о том, что российские военные в данном случае действовали по приказу, о том, что данный приказ был преступным (*надо привлечь к ответственности тех, кто отдавал преступные приказы*), о наличии исполнителей, о степени их участия в деянии (*от рядового исполнителя*), о наличии лица, руководившего исполнением преступления (*до самого главного преступника*). То есть, оказывается, что автору не требуется расследования – он уже заранее знает обстоятельства дела и назначил виновных.

Таким образом, заданная автором в начале сообщения интенция помогает ему преодолеть внутреннее убеждение читателя.

Итак, мы рассмотрели лишь незначительное число манипулятивных тактик из тех, с которыми экспертам-лингвистам СК России пришлось столкнуться за небольшой период экспертной практики по делам по ст. 207.3 УК РФ.

Конечно, описание этих тактик не оказывает сильного влияния на результаты заключения эксперта. Однако их исследование кажется нам важным, поскольку

позволит следствию и суду максимально объективно оценить личность автора и его уже реальные (а не только речевые) цели.

Кроме того, вскрывать и показывать механизмы реализации манипулятивных речевых тактик эксперта-лингвиста обязывает не только его моральный и нравственный долг, но и требования закона¹, в котором независимость эксперта, объективность, всесторонность и полнота исследований закреплены в качестве основополагающих принципов судебной экспертной деятельности.

Подводя итог, следует отметить, что с момента начала специальной военной операции в экспертной практике удаётся наблюдать, как при помощи различных языковых приёмов массово оказывается воздействие на убеждения и взгляды различных категорий адресатов. Манипулятивные речевые тактики позволяют авторам охватить разные по объёму и качеству целевые аудитории и реализовать глобальную манипулятивную речевую стратегию «завоевания доверия адресата». Читателю же (или зрителю/слушателю) использование таких манипулятивных тактик мешает, а иногда и вовсе не оставляет возможности принять самостоятельное, взвешенное решение относительно деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации.

Литература

1. Кукушкина О.В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43).

2. Кузнецов В.О. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о распространении заведомо ложной (недостоверной) информации под видом достоверных сообщений // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 2.

3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999.

4. Осадчий М.А. К вопросу об оценке речевой тактики автореабилитации при производстве судебной лингвистической экспертизы. Теория и практика судебной экспертизы. 2018.13(4).

Бычков В.В., Прорвич В.А.

Особенности применения специальных знаний экспертов и специалистов при разработке и применении алгоритмов для выявления признаков преступлений экстремистской направленности

Аннотация. Авторами поднимается проблема создания единого юридического алгоритмического языка, обеспечивающего возможность перехода на более высокий уровень взаимопонимания ученых и специалистов, разрабатывающих проблемы борьбы с экстремистской преступностью.

¹ См. ст. 4 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Ключевые слова: организованная группа, экстремистская организация, экстремистское сообщество.

Практика раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности позволяет выделить основные этапы и направления использования специальных знаний:

1) на этапе поисково-познавательной деятельности:

- определение развернутой уголовно-правовой характеристики преступлений экстремистской направленности на основе раскрытия диспозиции соответствующих уголовно-правовых норм с учетом положений специального законодательства;

- формирование системы юридических тождеств для идентификации обязательных и факультативных признаков составов конкретных экстремистских преступлений;

- квалификация конкретных преступлений данного вида;

- выявление и фиксация «обычных» и так называемых «замаскированных рассеянных идеальных следов» экстремистских преступлений;

2) на этапе доказывания – формирование системы доказательств с использованием специальных знаний экспертов и специалистов;

3) на этапе проверки и оценки собранных доказательств – проверка в соответствии с положениями ст. 87 УПК РФ, и оценка каждого из доказательств по критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности, установленных ст. 88 УПК РФ.

Применительно к первым трем из указанных направлений следует обратить внимание на то, что одной из наиболее острых проблем в уголовном судопроизводстве является правильная идентификация признаков преступления и его надлежащая квалификация на различных стадиях уголовного судопроизводства. Одним из направлений научных работ, нацеленных на создание проблемно-ориентированных алгоритмов и современных информационных технологий для надлежащего решения обозначенных проблем, может стать использование специальных знаний опытных юристов высшей квалификации в соответствующих областях специального законодательства. В соответствии с положениями ст. 58 УПК РФ сторона обвинения может получить разъяснения специалиста по вопросам, входящим в его профессиональную компетенцию, а каких-либо ограничений на характер используемых специальных знаний действующее законодательство не предусматривает.

Безусловно, для использования специальных знаний высокого уровня, носителями которых являются ведущие ученые и специалисты, необходима разработка соответствующих организационных мер и их научно-методического обоснования. Одним из направлений может стать разработка инструментария, применяемого в рамках соответствующих алгоритмов, созданного на основе коллективных разъяснений лучших ученых – юристов, социологов, политологов, религиоведов, IT-специалистов, по наиболее часто встречающимся вопросам правоприменителей в сфере противодействия экстремизму. В частности, могут

быть подготовлены развернутые комментарии к нормам УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления экстремистской направленности, с разъяснениями важнейших особенностей нескольких вариантов раскрытия их диспозиций с обоснованием использования конкретных положений специального законодательства.

Это позволит также устранить ряд ошибок, допущенных при идентификации обязательных и факультативных признаков составов конкретных экстремистских преступлений, а также обеспечить надлежащую квалификацию определенных совокупностей конкретных преступлений данного вида и связанных с ними преступлений в сфере компьютерной информации, указанных выше в качестве второго и третьего направления использования специальных знаний и алгоритмов их применения в составе современных информационных технологий.

Сложности выявления и фиксации замаскированных рассеянных идеальных следов специалистами во взаимодействии со следователем начинаются с раскрытия содержательных особенностей уголовно-правовой характеристики преступлений экстремистской направленности из-за смешанного характера диспозиции соответствующих уголовно-правовых норм. Для их преодоления требуются обширные профессиональные в сфере специального законодательства, которыми многие следователи в необходимой степени не обладают. Именно в этой связи возникла проблема так называемой «правовой экспертизы» в уголовном судопроизводстве, которая до сих пор не получила однозначного разрешения.

Вместе с тем, по сложившейся практике при выявлении и фиксации следов преступлений многие профессиональные судебные эксперты, а также ведущие ученые участвуют в деле в качестве специалистов. Никаких ограничений, связанных с профессиональной компетенцией специалистов в области правовых вопросов, как и по количеству привлекаемых следствием специалистов, действующее законодательство не устанавливает.

Взаимодействие со специалистами высшей квалификации позволяет следователю решить задачи по надлежащему раскрытию диспозиции смешанного характера определенной уголовно-правовой нормы, а затем и по выявлению тщательно замаскированных, «рассеянных» по различным видам документов, собранных в процессе расследования, идеальных следов конкретного экстремистского преступления. Это позволяет следствию также надлежащим образом сформировать экспертные задачи, решение которых позволяет получить необходимые доказательства по расследуемому уголовному делу, и подготовить надлежащим образом объект судебной экспертизы на основе соответствующих материалов уголовного дела.

Для оснащения следствия современными информационными технологиями, позволяющими наиболее эффективно применять специальные знания судебных экспертов и специалистов для выявления признаков преступлений рассматриваемого вида в соответствии с требованиями уголовно-процессуального

законодательства, в ряде работ предлагается использовать матричный подход с несколькими вариантами его реализации¹.

Прежде всего, рассматриваемые преступления направлены на возбуждение ненависти или вражды по экстремистским мотивам.

В этой связи возникает необходимость формализации первой группы задач, постановка и решение которых требует применения соответствующих специальных знаний. В частности, необходимо установить особенности субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений, характеризующих суть деяния подозреваемого в отношении потерпевшего при насильственном экстремистском деянии, с применением несколько видов двумерных и многомерных классификаторов и соответствующих алгоритмов. С их помощью создаются возможности осуществить необходимую следствию проблемно-ориентированную обработку документации, имеющейся в материалах уголовного дела, чтобы выявить всю совокупность обстоятельств общественно опасного деяния. При этом следует учитывать, что вред здоровью, причиненный конкретным преступлением, может относиться не только к одному из указанных в матрице потерпевших, но и носить составной характер по нескольким видам потерпевших. Это необходимо учитывать как при постановке экспертных задач, так и при разработке частных экспертных методик для их решения.

Определение признаков экстремистской деятельности (экстремизма), как задача второй группы, должно быть решено в рамках специальной матрицы, в которой алгоритмом установлен порядок определения данного понятия, закрепленного Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»².

Так как рассматриваемые преступные деяния направлены в отношении политиков, приверженцев другой идеологии, представителей других рас, национальностей, конфессий и социальных групп, то следующая группа матриц и алгоритмов информационного обеспечения для надлежащего выполнения соответствующих процессуально регламентированных действий должна быть определена по субъектам преступлений в отношении каждой «жертвенной» группы.

Отдельными матрицами необходимо предусмотреть алгоритм определения признаков: призывов к осуществлению экстремистской деятельности; действий,

¹ Прорвич В.А. О внутренних и внешних факторах развития судебно-экономической экспертизы // Мат-лы VI Междун. науч.-практич. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (19-20.01.2017). М., 2017. С. 361-366; Он же. Научно-методические и информационно-технологические основы развития судебно-экономической экспертизы в уголовном судопроизводстве // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы: сб. науч. тр. I Международного форума (7-8.06.2017). М., 2017. С. 583-590; Он же. Роль экономико-математических моделей и современных информационных технологий в методическом обеспечении судебно-экономических экспертиз // Вестник Московского университета МВД России. 2018. №4. С. 90-94; Прорвич В.А., Семенова Е.А. Матричный подход к формированию частных экспертных методик для получения доказательств при расследовании криминальных банкротств // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 1. С. 212-215.

² Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации; действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях; финансирования экстремистской деятельности; пропаганды и публичного демонстрирования нацистской атрибутики и символики, атрибутики или символики экстремистских организаций.

Во многих случаях оказывается необходимым применение проблемно-ориентированных алгоритмов и матричных классификаторов, позволяющих при обработке документов, как печатных, так и электронных, установить конкретное преступное деяние, наказание за которое предусмотрено определенной уголовно-правовой нормой.

При расследовании преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, особенно сети «Интернет» и мобильной телефонии, установить субъекта преступления проблематично. Для его установления необходимо использовать специальные информационные технологии, адаптированные к особенностям конкретного преступления данного вида. Многие из них сориентированы на поддержку соответствующих следственных действий в информационно-сетевом пространстве.

Отдельной матрицей необходимо предусмотреть алгоритм определения организованных форм экстремистской деятельности: организованная группа, экстремистская организация, экстремистское сообщество. С включением в эту же матрицу установления признаков их создания, руководства ими, участия в их деятельности, а также вовлечение в их деятельность.

В ситуации, группового совершения преступления с многочисленными жертвами необходимо использовать иерархические системы алгоритмов и ряд многомерных классификаторов, причем значительную часть таких алгоритмов применять в циклическом режиме.

Перечисленные выше информационные технологии нацелены на организацию надлежащего взаимодействия следователя с судебными экспертами и специалистами, нацеленного на установление истины по делу в рамках предварительного расследования соответствующих уголовных дел. Даже когда речь идет об информационных технологиях, которые связаны с реализацией общих и частных экспертных методик, используемых экспертом при выполнении соответствующих экспертных исследований и решении конкретных экспертных задач, а также для обоснования выводов по поставленным вопросам, использование соответствующих знаний позволяет следователю осуществить надлежащую проверку и оценку заключения эксперта, как доказательства по делу. На основе комплексного использования специальных знаний создается ряд возможностей и для создания иерархии алгоритмов, описывающих весь комплекс следственных действий, осуществляемых следователем с участием специалистов и

судебных экспертов, для выявления, раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности.

В заключении необходимо акцентировать, что проблема создания единого юридического алгоритмического языка, обеспечивающего возможность перехода на более высокий уровень взаимопонимания ученых и специалистов, разрабатывающих проблемы борьбы с экстремистской преступностью, имеет ряд новых аспектов, связанных с использованием специальных знаний для получения необходимых доказательств по соответствующим уголовным делам. Прежде всего, существенно увеличивается количество используемых специальных терминов и расширяется их тематический спектр, что создает высокий уровень рисков возникновения их неоднозначного толкования. Это еще раз показывает высокую актуальность научных исследований в данной сфере, а кроме того создание тезаурусов, позволяющих установить связи различных понятий, имеющих правовой статус и используемых в рамках процессуально регламентированных действий при выявлении признаков преступлений экстремистской направленности, их раскрытии и расследовании.

Литература

1. Прорвич В.А. О внутренних и внешних факторах развития судебно-экономической экспертизы // Мат-лы VI Междун. науч.-практич. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (19-20.01.2017). М., 2017.

2. Прорвич В.А. Научно-методические и информационно-технологические основы развития судебно-экономической экспертизы в уголовном судопроизводстве // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы: сб. науч. тр. I Международного форума (7-8.06.2017). М., 2017.

3. Прорвич В.А. Роль экономико-математических моделей и современных информационных технологий в методическом обеспечении судебно-экономических экспертиз // Вестник Московского университета МВД России. 2018. №4.

4. Прорвич В.А., Семенова Е.А. Матричный подход к формированию частных экспертных методик для получения доказательств при расследовании криминальных банкротств // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 1.

Волынский А.Ф.

Судебная экспертиза в уголовном процессе: теория и практика в историческом аспекте

Аннотация. В статье поднимаются проблемы некоторых возможных подходов к формированию в нашей стране государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: система научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, становление и развитие межведомственной судебно-экспертной службы, судебная экспертиза.

1. Судебная экспертиза возникла и развивалась как незаменимое средство доказывания в уголовном процессе России, да и в иных видах судопроизводства. Более того специально подчеркну, что в условиях рыночных социально-экономических отношений и расширяющихся международных связей судебная экспертиза все более выражено приобретает политико-правовые черты.

Имеются в виду ситуации, связанные с расследованием международных военных конфликтов, с выяснением обстоятельств межгосударственных экономических споров, с установлением фактов нарушения (не соблюдения) международных правовых актов о правах и свободах человека, в разрешении которых решающее значение зачастую имеет судебная экспертиза. Не без связи с данным обстоятельством практика судебно-экспертной деятельности стала предметом рассмотрения Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (2010 г.), которой принята резолюция «О судебной экспертной деятельности».

Положения этой резолюции имплементировали в своё законодательство Республика Беларусь и Казахстан (2012-2013 гг.). В нашей стране проект соответствующего закона, как известно, рассмотрен Государственной Думой России еще в 2013 г., но до сих пор остаётся проектом. И это, несмотря на добрый десяток проведённых за это время его публичных обсуждений на конференциях, круглых столах и иных мероприятиях, в том числе, организованных с участием представителей Государственной Думы России. Естественно, возникает сакраментальный российский вопрос: «Кто виноват и что делать?».

Ответ на этот вопрос, как нам представляется, нельзя найти без содержательного критического анализа истории возникновения и развития в нашей стране криминалистики, а в её составе и судебной экспертизы, причём в контексте тех социальных и политических процессов в России в прошлом веке, которые и предопределили противоречивые, узко ведомственные подходы к решению проблем организации и правовой регламентации как экспертно-криминалистической, так и судебно-экспертной видов деятельности (ЭКД и СЭД).

Результаты такого анализа, предвижу, не всем и не во всём могут показаться лицеприятными, но уроки истории необходимо знать и уважать. Без этого нельзя понять настоящее, тем более предвидеть будущее. Смее вас заверить в моём огромном уважении к судебной экспертизе и к тем ученым, кто посвятил проблемам её развития свои научные труды. Но в моём представлении судебная экспертиза на определённом этапе её развития отпочковалась не только от криминалистики, но и от общей системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства. В научном плане она акцентировала внимание на проблемах самоутверждения, разработки основ теории как самостоятельной

отрасли юридических знаний, а на практике откровенно претендовала на монопольное право производства судебных экспертиз, в частности, в соответствующих учреждениях Минюста России.

2. Следует заметить, что противоречивое межведомственное отношение к этому вопросу было предопределено родовой организационной неопределенностью указанных видов деятельности. В научных работах по истории отечественной криминалистики отмечаются факты исследований по заданию следственных органов, например, в целях установления причины смерти человека или исполнителя рукописи, факта подделки документов и т.п. Но говорить при этом о зарождении ЭКД и СЭД было бы большой натяжкой. Такие факты, как нам представляется, свидетельствовали, скорее всего, о случаях проявления потребностей следственной практики в помощи специалистов, но не о её системно организованном удовлетворении, что характерно для указанных видов деятельности.

Зарождение в этом отношении системы определённых криминалистических и судебно-экспертных знаний, организационного и правового обеспечения практики их использования правоохранными органами реально проявились в России как необходимость в связи с Судебной реформой (1864 г.), а как реальная практическая возможность только с ведением антропологической (1890 г.), а затем и дактилоскопической регистрации (1906 г.).

Первое время уголовной регистрации (так она называлась тогда) подлежали лица, осужденные за совершенные ими преступления и отбывающие наказание в местах лишения свободы, которые в то время находились в ведении Министерства юстиции. Для осуществления уголовной регистрации в указанных местах были созданы регистрационные бюро, деятельность которых регламентировалась приказами указанного министерства¹. Осуществление уголовной регистрации, естественно, сопровождалось производством сравнительных (идентификационных) исследований, то есть криминалистических (судебных) экспертиз.

Только в 1908 г. уголовная регистрация была передана в ведение полиции, в губернских управлениях которой были созданы, опять же, регистрационные бюро. Их специалисты стали привлекаться к осмотрам мест происшествий и к производству иных следственных действий. Для чего в их распоряжение поставлялась соответствующая техника. Как и прежде, они проводили экспертные исследования, но теперь уже и объектов, изымаемых на местах происшествий².

Вот так в условиях организационной неопределённости зарождались в нашей стране криминалистика и судебная экспертиза, а соответственно, ЭКД и СЭД, обозначая при этом причины будущих противоречивых межведомственных

¹ Колдаев Б.М. Из истории практическое криминалистики. М.: «Лекс-Эст». 2005.

² Волынский А.Ф. К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России или невыученные уроки истории // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 90-100.

отношений. Именно тогда сформировалась и до сих пор сохранилась неизменной организация деятельности ЭКП ОВД – фактически наследников регистрационных бюро, в которых по-прежнему совмещены в одном лице функции судебного эксперта и специалиста-криминалиста.

Кстати, в связи с изложенным заметим, что день экспертно-криминалистической службы (ЭКС) МВД России следовало бы ежегодно отмечать, имея в виду 1908 г., а в целом правоохранительных органов страны – 1890 г., когда в Минюсте было создано Центральное регистрационное бюро.

3. Очевидная неопределенность в понимании сущности и назначения в раскрытии и расследовании преступлений ЭКД и СЭД была продемонстрирована фактом создания уже в советское время (1919 г.) в Центррозыске России Кабинета судебных экспертиз. Правда, спустя два года дано было понять, что этой службе необходимо нечто большее, чем экспертное исследование доказательств, и «Кабинет» был преобразован в научно-технический подотдел, а затем и в отдел (НТО). Так по существу были реанимированы регистрационные бюро, а не создана принципиально новая служба, как иногда писалось даже в учебниках по советской криминалистике.

История развития НТО милиции в части организации их деятельности полна противоречивых страниц. Их неоднократно переименовывали (НТО – ОТО – ЭКП), выводили из системы подразделения уголовного розыска, передавали в подчинение справочной службы, наделяли организационной самостоятельностью и расформировывали.

Созданные в 1945 г. на базе НТО Главного управления милиции МВД СССР Научно-исследовательский институт криминалистики вскоре переименовали во ВНИИ милиции, а затем – во ВНИИ МВД СССР, с соответствующей корректировкой планов исследования и сокращения в них криминалистической тематики. Оставшиеся в этом институте три криминалистических отдела были сориентированы на исследование «фундаментальных» проблем методологического обеспечения судебно-экспертных исследований. Так уже тогда под сомнение были поставлены перспективы развития криминалистической науки.

При этом данные отделы были освобождены от производства сложных и повторных экспертиз, потребность в которых следственной практики только возрастала. Для её удовлетворения в 1977 г. в МВД СССР создаётся криминалистическая лаборатория, которая через 10 лет приобретает статус Центральной научно-исследовательской (ЦНИКЛ), действовавшей по Положению о ней на правах института. Сочетание в деятельности этой лаборатории реальной криминалистической практики (и не только производства экспертиз) с научными исследованиями, выгодно отличало её от деятельности криминалистических отделов ВНИИ МВД СССР. Это заметил министр внутренних дел СССР Н.А. Щёлоков, предписав по существу указание о создании на базе лаборатории института криминалистики, «как во всех

странах»¹. Но наступало время «перестройки» и вопреки этому указанию, ЦНИКЛ МВД СССР объединили с ВНИИ МВД СССР – «вернулись на круги своя».

4. Не лучшим образом на развитии как ЭКД, так и СЭД сказались усилия представителей судебно-экспертного сообщества дискредитировать НТО милиции в условиях идеологизированной кампании «борьбы с культом личности и преодоления его последствий» (середина 50-х – 60-е гг. прошлого века). Тогда было ликвидировано МВД СССР, а во вновь созданных республиканских министерствах охраны общественного порядка (МООП) НТО фактически были расформированы. Их штатная численность, существенно подсокращенная, была передана в состав оперативно-технических отделов (ОТО).

При этом развернулась хорошо организованная кампания обвинения этих подразделений в «нарушениях социалистической законности» и даже в причастности к репрессиям 30-х годов. Причём обвинений без доказательств и конкретных фактов, к тому же без учёта того, что репрессии в то время осуществлялись по «законам революции», то есть по социальным признакам. Для этого не требовались не эксперты, не экспертизы. Впрочем, это не дано понять некоторым ученым-криминалистом и сегодня, сочиняющим монографии о «кризисе отечественной криминалистики», вместо того, чтобы искать пути выхода из него.

Поддерживали, более того, активно участвовали в этой кампании представители Верховного суда СССР, Генеральной прокуратуры СССР и конечно, судебно-экспертного сообщества, прежде всего, соответствующих учреждений Юридической комиссии Совета Министров СССР, выполнявшей в то время функции министерства юстиции. При этом прослеживалось их доминирующее желание создать разветвленную систему государственных судебно-экспертных учреждений, а для этого уничтожить традиционно сложившуюся систему научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, важнейшим элементом которой были НТО милиции. В то время ими проводилось более 80% криминалистических экспертиз, назначаемых в стране по уголовным делам. Конкурентов, как известно, если нельзя убрать, то следует потеснить. Только этим можно объяснить инициированное в то время (1966 г.) дополнение к ст. 67 УПК РСФСР п. 3а – запрещавшим назначать экспертизы лицам, участвовавшим в осмотре места происшествия по тому же уголовному делу. При этом приказом упомянутой Юридической комиссии экспертам подведомственных ей судебно-экспертных учреждений запрещалось принимать участие в осмотрах мест происшествий. Тогда, очевидно, никто не предполагал, что спустя время, законодатель разрешит назначать и проводить экспертизы до возбуждения уголовного дела. А как их проводить без участия в осмотре места происшествия? 5. Не случайно именно в то же время «борцы с культом личности в судебной экспертизе»

¹ Волынский А.Ф. ЦНИКЛ МВД СССР: воспоминание о будущем. 85 лет Экспертно-криминалистической службе в органах внутренних дел России / М. 2004. С. 157-170.

инициировали отпочкование судебной экспертизы от криминалистики. Прямо скажем, что сама по себе эта идея тогда, что называется созрела и не вызвала особых возражений со стороны ученых-криминалистов. И дело не только в общих закономерностях развития науки, в частности, сопровождающегося интеграцией и дифференциацией знаний, и даже не в указанной кампании. Уже тогда были очевидны различия или особенности поисково-познавательной деятельности специалистов-криминалистов (ЭКД) и исследовательской деятельности судебных экспертов (СЭД). Совмещение этих видов деятельности в одном лице крайне отрицательно сказывалось и сказывается на его профессиональной подготовке как специалиста (он же эксперт!) и на производительности труда как эксперта. К тому же возникает вопрос о его процессуальной независимости.

Однако вопросы возникли в отношении процесса дифференциации криминалистических знаний и его последствий. Из криминалистики была вычленена часть знаний, имеющих важное смысловое значение для предмета этой науки – криминалистическая экспертиза, т.е. средства и методы исследования доказательств, и что ещё более важно, тогда, судя по всему не придавали значения тому, что дифференциация знаний прикладных наук, каковой является криминалистика, имеет свои принципиальные особенности. При этом «дифференцируются», а проще говоря рушатся, рвутся практически значимые, исторически сформировавшиеся интеграционные связи¹.

А «дифферентаторы» от судебной экспертизы умудрились, как уже отмечалось, добиться ещё большего - в буквальном смысле разгромить возникшую в конце XIX в. и традиционно успешно действовавшую в нашей стране систему научно-технических подразделений милиции, роль и значение которых в борьбе с уголовной преступностью была просто незаменима. Даже в форме СЭД, в организации которой изначально доминировала узкоэкспертная специализация, это оказалось невозможно. Так сложилась ситуация, когда постепенно восстанавливаемая система научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, в том числе и ЭКП ОВД, вынуждена до сих пор, образно говоря, отвечать по существу на философские вопросы: «Где экспертизы научней, а эксперты процессуально независимей?».

Сразу же заметим, такие вопросы даже не возникли бы, если бы во время дифференциации криминалистических знаний законодательно были дифференцированы организационно-правовые формы их использования в получении доказательств. Уже в то время во многих зарубежных странах, даже «социалистической ориентации», наряду с судебной экспертизой, средствами доказывания в уголовном процессе признавалось исследование специалиста², которое проводилось в порядке поисково-познавательной деятельности правоохранительных органов. В таком случае не было бы тех

¹ Волынский А.Ф. Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45).

² Бууш А., Волынский А.Ф. Экспертиза и специальные научно-технические исследования по новому УПК Социалистической Республики Румынии // Советская юстиция. 1970. № 24.

межведомственных противоречий, которые были порождены тогда в 60-70-е гг. прошлого века, а сегодня, как пример, не позволяют десять лет согласовать новый закон о СЭД.

При этом в теории судебной экспертизы, что представляется парадоксальным, обозначились попытки доказать, что современная криминалистика – это часть экспертологии. Несмотря на отпочкование судебной экспертизы от криминалистики, читаю в одной из публикаций представителя судебно-экспертного сообщества (фамилию специально не называю), их предметы «перекрываются». Следовательно, делается вывод: «Только в рамках экспертологии возможна разработка единых подходов к получению доказательственной информации с использованием специальных знаний. Судя по всему, автор этой «революционной» мысли полагает, что практика раскрытия и расследования преступлений не нуждается в таком более ёмком определении её потребностей, как научно-техническое (или технико-криминалистическое) обеспечение.

6. В настоящее время в условиях цифровизации общественных и экономико-правовых отношений проблема научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, включая ЭКД и СЭД, крайне обострилась. Необходимость в соответствующих исследованиях, начиная с осмотра места происшествия, ежегодно возрастает кратно. В форме, как нам представляется, искусственно внедренной в уголовный процесс практики назначения и производства судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела такие проблемы не решаются. Судебная экспертиза, предельно заформализованная, весьма затратная по времени и по средствам форма использования специальных знаний. А при получении сообщения о преступлении, тем более высокотехнологичного, органы дознания должны действовать безотлагательно, непрерывно и профессионально. К тому же, следует признать, что с учётом стремительности и повсеместного распространения высокотехнологичных преступлений, действующие ныне в стране судебно-экспертные учреждения системы Минюста, с их крайне ограниченными штатными возможностями, конечно же, с этой ситуацией не справятся. Распространённый в таких ситуациях чиновничий приём: «Дайте штаты, увеличьте финансирование», скорее всего, сегодня не сработает.

Очевидно, что сугубо ведомственному подходу к организации ЭКД и СЭД, межведомственным противоречиям и иным порождаемым бесконечным и бесплодным дискуссиям необходимо противопоставить формирование единой государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, что объективно обуславливает необходимость объединения сил, средств и интеллектуальных возможностей соответствующих министерств и ведомств.

Общая цель разработки такой системы – привести организацию и правовую регламентацию научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства в соответствие с современным уровнем развития науки и техники. Невозможно с преступностью XXI века успешно бороться, используя их достижения в организационно-правовых формах XIX века.

7. В этом отношении, по нашему мнению, обнадеживающие на перспективу организационные формы деятельности специалистов, в лице следователей-криминалистов и судебных экспертов во вновь созданных судебно-экспертных учреждениях сформировались в Следственном комитете России. Как известно, Институт следователей-криминалистов Следственного комитета России – это преемник ранее действовавшего (с 1954 по 2011 г.) в Генеральной прокуратуре СССР, а затем России, института прокуроров-криминалистов. Редкий случай, когда былое не разрушили, не отвергли в новых условиях деятельности следователей, а насколько это возможно укрепили, придали инерцию развития.

Важнейшей особенностью этого института является то, что следователи-криминалисты (фактически специалисты) находятся не в организационно обособленных подразделениях, а непосредственно в штате следственного подразделения и оказывают специальную технико-криминалистическую помощь другим следователям, причём в режиме текущего времени, в форме сопровождения процесса их работы по уголовным делам¹. В отличие от специалистов-криминалистов (экспертов) ЭКП ОВД, они замотивированы на конечную цель расследования, а не на выполнение отдельного, фрагментарного в этом процессе действия. Представляется, что опыт их работы следовало бы распространить и в органах внутренних дел, тем более, что в настоящее время в четверти из них нет экспертов-криминалистов.

Заслуживает внимания организация деятельности изначально формируемой (с 2019 г.) при Следственном комитете России системы ведомственных судебно-экспертных учреждений, которые организационно обособлены от других служб ведомства, в том числе, и от криминалистической. Не исключено, что в данном случае закладывается начало становления и развития межведомственной (для правоохранительных органов) судебно-экспертной службы, альтернативной действующей в системе Минюста.

Впрочем, это всего лишь возможные подходы к формированию в нашей стране государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства.

Литература

1. Колдаев Б.М. Из истории практическое криминалистики. М.: «Лекс-Эст». 2005.

2. Волынский А.Ф. К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России или невыученные уроки истории // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52).

3. Волынский А.Ф. ЦНИКЛ МВД СССР: воспоминание о будущем. 85 лет Экспертно-криминалистической службе в органах внутренних дел России / М. 2004.

¹ Техничко-криминалистическое сопровождение расследования преступлений: учебное пособие / под ред. А.М. Багмета. М.: Юрлитинформ. 2015.

4. Волынский А.Ф. Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45).

5. Бууш А., Волынский А.Ф. Экспертиза и специальные научно-технические исследования по новому УПК Социалистической Республики Румынии // Советская юстиция. 1970. № 24.

6. Техничко-криминалистическое сопровождение расследования преступлений. Учебное пособие. Под ред. А.М. Багмета. М.: Юрлитинформ. 2015.

Волкова А.М.

Возможности судебной экономической экспертизы по установлению неправомерного действия при банкротстве, преднамеренного и фиктивного банкротства

Аннотация. В статье описаны проблемы, касаемые института несостоятельности (банкротства), и сопряженные с ним возможности судебных экономических экспертиз.

Ключевые слова: институт несостоятельности, судебная экспертиза, экономические исследования.

Процедура признания субъекта экономических отношений несостоятельным (банкротом) является одним из способов оздоровления и восстановления рыночной экономики, без которой сложно представить адекватное функционирование и развитие экономических отношений.

Основным специальным законом, регулирующим данные отношения, является Федеральный Закон от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», с даты введения которого институт несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации претерпел немало изменений, но непременно набирает популярность и массовость в профессиональной экономической деятельности. Ежегодно количество возбуждаемых дел о банкротстве не перестает расти, согласно представленной статистической отчетности Судебного департамента, при Верховном суде Российской Федерации¹ только за 2021 год к производству было принято 298 259 дел о несостоятельности (банкротстве), из которых 61 042 дел подано в отношении юридических лиц, 5 648 дел в отношении индивидуальных предпринимателей, и 231 569 дел в отношении граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя. Данные показатели на 3,9% выше к 2020 году касательно корпоративных банкротств, банкротство граждан и индивидуальных предпринимателей, признанных банкротами в 2021 году на 62% больше, чем в 2020 году.

¹ Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по рассмотрению дел о банкротстве за 12 месяцев 2021 г. // <http://www.cdep.ru> (дата обращения 05.09.2022 г.)

На 2022 год сохраняется тенденция роста, только в первом полугодии 2022 года, по данным Федресурса (Единого федерального реестра сведений о банкротстве) количество открытых конкурсных производств выросло на 5,6% к первому полугодию 2021 года.

Несмотря на введенный Правительством Российской Федерации с 1 апреля 2022 года полугодовой мораторий на банкротства, инициированные кредиторами в отношении граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, за исключением застройщиков, объекты которых включены в реестр проблемных¹, во втором квартале 2022 года количество открытых конкурсных производств выросло на 4,8% ко второму кварталу 2021 года.

Данные статистические показатели являются неопровержимым доказательством актуальности и потребности функционирования института несостоятельности (банкротства) в существующих современных политико-экономических обстоятельствах.

Решение о признании предприятия или индивидуального предпринимателя несостоятельным (банкротом) относится к исключительным полномочиям арбитражного суда, в результате которого признается неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и наступают определенные права и обязанности, соответствующие полномочия должника, кредиторов, арбитражного управляющего, и иных привлекаемых лиц, по проведению особых мероприятий, предусмотренных процедурой.

При этом недобросовестные участники процедуры банкротства нередко пытаются обойти принятые в отношении них ограничения и запреты, намеренно нарушая права конкурсных кредиторов в пользу своих интересов. Такого рода злоупотребления и незаконные действия участников подпадают под составы преступления, предусмотренные ст. 195 Уголовного кодекса Российской Федерации; действий (бездействия) лиц, создающих условия увеличения неплатежеспособности (несостоятельности) (ст. 196. «Преднамеренное банкротство» УК РФ); заведомо недостоверное публичное объявление о несостоятельности лица (ст. 197 «Фиктивное банкротство» УК РФ²); непосредственным объектом которых являются отношения, регулирующие порядок и процедуру несостоятельности (банкротства) и удовлетворения имущественных обязательств перед конкурсными кредиторами.

За последние годы можно встретить мнение о нецелесообразности и неэффективности данных уголовных норм с призывом их декриминализации, поскольку их составы охватываются составами преступления по ст. 159, 160, 201 УК РФ. Однако данная позиция является ограниченной, поскольку не

¹ Постановление Правительства РФ от 28.03.2022 № 497 (ред. от 13.07.2022) «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами» // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.04.2022 г. № 14 ст. 2278.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25, ст. 2954.

подтверждается статистически, а также именно банкротные нормы содержат и охватывают действия (бездействия) лиц в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) исходя из экстраординарности самого института, его особенностей и специфики мероприятий, проводимых в ней.

Для всесторонности и полноты изучения всех обстоятельств в деле о банкротстве, анализа финансового состояния предприятия-банкрота за рассматриваемый период, вывода о наличии либо отсутствии признаков преднамеренного или фиктивного банкротства, уполномоченным органом или по ходатайству сторон может быть назначена судебная экономическая экспертиза.

Согласно российскому законодательству оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла является непосредственной задачей судебно-экспертной деятельности. Судебно-экспертное исследование несет доказательственное значение, как в рамках арбитражного процесса для выявления признаков преднамеренного или фиктивного банкротства, так и в рамках уголовного процесса по делам о несостоятельности банкротстве (ст. 195, 196, 197 УК РФ).

Исследование определения финансового состояния предприятия-банкрота позволяет на основании сопоставления различных экономических показателей определить тенденцию наступления кризисной ситуации и выделить индивидуальные особенности положения должника на исследуемый период. Родовым объектом судебной экономической экспертизы в делах о несостоятельности (банкротстве) будут являться финансово-хозяйственные документы, характеризующие имущественное положение предприятия-банкрота, его отдельные сделки с контрагентами.

Касаемо временного периода, который интересует уполномоченные лица и суд при исследовании финансового состояния банкрота, то здесь важно понимать, что нормативным законодательным сроком является трехлетний период, предшествующий до обращения с заявлением о признании несостоятельности (банкротства). Так в соответствии с ч. 3.2 ст. 64 Закона о несостоятельности (банкротстве) руководитель должника обязан предоставлять временному управляющему бухгалтерские и иные документы, отражающие экономическую деятельность должника за три года до введения процедуры наблюдения, аналогичная обязанность при процедуре назначения временной администрации (абз. 2 ч. 5 ст. 183.9 Закона о несостоятельности (банкротстве); по ч. 2 ст. 61.2 «сделка, совершенная должником в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, может быть признана арбитражным судом недействительной, если такая сделка была совершена в течение трех лет до

принятия заявления о признании должника банкротом¹» и т.д. Согласно временным правилам проверки арбитражными управляющими наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства проверка осуществляется за период не менее двух лет, предшествующих возбуждению производства по делу о банкротстве², тогда как на практике этот срок достигает того же трехлетнего периода. В рамках проведения судебной экономической экспертизы по делам о несостоятельности (банкротстве) судебный эксперт не ограничивается трехлетним периодом, поскольку для ответа на поставленные перед ним вопросы он может выходить за данный период, ведь зачастую признаки финансовой нестабильности возникают постепенно в процессе осуществления деятельности предприятия и носят как кратковременный, так и долговременный характер, в связи с чем период в три года является скорее общепринятым периодом, взятым для проведения анализа финансового состояния должника. Возможности судебной экономической экспертизы намного шире стандартного анализа со стороны арбитражного управляющего при составлении им заключения о наличии, либо отсутствии признаков фиктивного и преднамеренного банкротства.

Важнейшую роль при изучении дел о несостоятельности (банкротстве) и наличии состава преступления по ст. 195-197 УК РФ является наличие крупного ущерба, причиненного действиями (бездействиями) лиц в рамках возбужденной процедуры. Крупным ущербом признается стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей 2 250 000 (два миллиона двести пятьдесят тысяч) рублей. Соответственно, возникает потребность в установлении достоверной стоимостной оценки действий (бездействий) лиц с имуществом, имущественными правами, нематериальными активами должника, с применением возможностей судебной оценочной экспертизы в рамках дела о несостоятельности (банкротстве).

Исследование фактических данных с целью определения стоимости имущества позволяет не только сопоставить фактическое положение предприятия-должника, но и выявить несоответствия в представленных бухгалтерских и иных документах, отражающих экономическую деятельность должника.

При столь быстром развивающемся спросе института несостоятельности (банкротства) неизбежно возрастает количество недобросовестных должников, желающих избавиться от неисполненных денежных обязательств и долговой нагрузки без претерпевания свойственных данному институту последствий. Действующие уголовно-правовые нормы нацелены в первую очередь на предупреждение нарушений и различных злоупотреблений со стороны участников процедуры банкротства, а также на недопущение причинения

¹ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 28.06.2022, с изм. от 21.07.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. № 43. ст. 4190.

² Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» // СЗ РФ, 27.12.2004. № 52 (часть II). ст. 5519.

имущественного вреда финансовому сегменту общественных отношений, как частному, так и публичному, в крупном размере. Вопреки мнений, практика по ст. 195-197 УК РФ активно используется правоприменительными органами, а также пополняется новыми квалифицирующими признаками, что свидетельствует о необходимом постоянном контроле со стороны государства в данной сфере. В связи с вышеизложенным, потребность в применении специальных знаний в сфере финансово-экономической и оценочной деятельности при ответе на вопросы по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном и арбитражном судопроизводстве по делам о несостоятельности (банкротстве) является очевидно высокой. В свою очередь, возможности судебной экономической экспертизы способны в полном объеме удовлетворить возникающие запросы современных реалий и представить допустимое доказательственное обоснование.

Литература

1. Техничко-криминалистическое сопровождение расследования преступлений: учебное пособие / под ред. А.М. Багмета. М.: Юрлитинформ. 2015.
2. Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по рассмотрению дел о банкротстве за 12 месяцев 2021 г.// <http://www.cdep.ru> (дата обращения 05.09.2022 г.).

Галкин Д.В.

Экспертиза космических фотоснимков по делам о налоговых преступлениях

Аннотация. В статье описаны возможности использования спутниковых снимков при расследовании расследования налоговых преступлений.

Ключевые слова: налоговые преступления, космические снимки, заключение эксперта.

Развитие науки и технологий предоставляет новые возможности для правоохранительных органов в борьбе с преступностью, в том числе и для выяснения юридически значимых фактов, используемых в уголовном процессе в качестве доказательств места, времени, самого события и иных элементов состава преступления.

Для выявления, раскрытия и расследования преступлений оперативными и следственными подразделениями правоохранительных органов все чаще используются детальные фотографии отдельных участков земной поверхности, сделанные из космоса с помощью специальных спутников для зондирования Земли.

Интересным с точки зрения уголовно-процессуального и криминалистического подхода представляется имеющийся опыт использования

таких снимков при расследовании налоговых преступлений. На первый взгляд, возможность использования космических снимков по делам данной категории представляется неочевидной, поэтому обратимся к одному из примеров следственно-судебной практики¹.

Так, в собственности одной из коммерческих организаций города Хабаровска находилась большая промышленная база со складскими помещениями, офисными зданиями, подъездными железнодорожными путями. Основная часть зданий и сооружений на базе была построена Министерством обороны в советское время. Нынешним владельцем осуществлялись модернизация, капитальный и текущий ремонт этих зданий и сооружений, они были зарегистрированы в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН), поставлены на кадастровый учет и являлись объектами налогообложения. На территории базы также имелись здания в аварийном и руинированном состоянии – они на кадастровом учете не стояли. По итогам очередного налогового периода организация ввела в эксплуатацию новое нежилое здание, зарегистрировала его в ЕГРН и заявила требование о возмещении налога на добавленную стоимость на сумму более 3 миллионов рублей в связи с затратами, понесенными на строительство данного здания. В обоснование суммы вычета в налоговые органы были представлены первичные бухгалтерские документы о приобретении строительных материалов и оплате полного цикла строительно-монтажных работ, начиная с подготовки котлована и возведения фундамента до отделочных работ. В ходе налоговой проверки с участием подразделений УЭБиПК МВД России обоснованность требования о налоговом вычете и реальность представленных первичных документов была поставлена под сомнение. Была выдвинута версия о том, что строительство нового здания организацией не осуществлялось, фактически был произведен капитальный ремонт старого здания, уже имевшегося на территории базы и построенного предыдущим собственником более 20 лет назад. Данная версия подтверждалась опросами нескольких бывших работников базы, результатами осмотров. Среди контрагентов организации, якобы поставившей ей строительные материалы, были выявлены фирмы-однодневки, что также подтверждало версию о фиктивности данных хозяйственных операций. Тем не менее директор отрицал эту версию и настаивал на законности требований о налоговом вычете. Бухгалтер и большинство работников базы также отрицали факт подлога.

После консультации со специалистами была получена информация о возможности проверки указанной версии с помощью архивных космических снимков территории, на которой располагается спорный объект налогообложения. Получение спутниковых снимков у правообладателей и их экспертное исследование выполнили специалисты Центра космических технологий, действующего в составе Научно-исследовательского института компьютерных технологий и телекоммуникаций Тихоокеанского

¹ Пример основан на материалах, полученных в ходе преподавательской деятельности автора.

государственного университета в г. Хабаровске. Из российских и зарубежных баз данных дистанционного зондирования Земли были получены 5 разных снимков нужного участка местности (включающие территорию базы), выполненные в разные годы. На разрешение комплексной экспертизы – специалистов в области компьютерной техники, космических технологий зондирования Земли, кадастровой инженерии – были вынесены вопросы о наличии на архивных снимках современных зданий – объектов текущего кадастрового учета, времени их возведения, размерных и конструктивных характеристиках, их идентификации с фактически расположенными на местности зданиями, зафиксированными в протоколе осмотра.

Экспертным исследованием было установлено, что здание, заявленное налогоплательщиком как вновь построенное, фактически находилось на территории базы как минимум 7 лет до даты начала строительства, указанной в договорах и других первичных документах. Заключение эксперта стало основным доказательством, опровергнувшим версию налогоплательщика.

Относительно сжатые сроки истребования нужных спутниковых снимков и качество экспертного исследования в целом во многом стали возможным благодаря наличию в Тихоокеанском государственном университете специального оборудования и программного обеспечения, включая станцию спутниковой связи, позволяющую напрямую подключаться к спутникам дистанционного зондирования Земли и получать качественные фотоснимки непосредственно в Хабаровске. Станция расположена на крыше основного корпуса университета. Это относительно небольшая спутниковая антенна диаметром 3,2 метра, ее главная особенность – возможность слежения за быстролетающим аппаратом на низкой орбите, когда антенна наводится на спутник и двигается следом за ним, пока он в зоне видимости¹.

Использование космических фотоснимков по делам о налоговых преступлениях носит дискуссионный характер, в связи с наличием особых требований налогового права к доказательствам налоговых правонарушений. Налоговый кодекс императивно устанавливает исчерпывающий перечень возможных способов сбора доказательств налоговых правонарушений в статьях 90 – 100 Налогового кодекса (глава 14 «Налоговый контроль»). Не только космические, но и обычные цифровые фотографии Налоговым кодексом в качестве доказательств не предусмотрены.

Вместе с тем, уголовно-процессуальное законодательство не содержит никаких изъятий или исключительных условий при получении и использовании доказательств по делам о налоговых преступлениях (относительно иных видов преступлений). Особые процессуальные правила предусмотрены только в части порядка возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении.

Известно, что сами составы налоговых преступлений имеют бланкетную конструкцию, отсылая к нормам налогового законодательства, что определяет квалификацию преступлений данной категории. На этом основании некоторые авторы считают обязательным учитывать специфические нормы Налогового

¹ Новости ТОГУ 11.06.2014 г. Режим доступа: <http://togulife.ru/News/2179>.

кодекса не только при квалификации преступлений (что не вызывает сомнений), но и при сборе и оценке доказательств по таким делам. Здесь считаем необходимым согласиться с мнением специалистов в области налогового права о том, что процессуальный принцип свободы в оценке доказательств, и правило о том, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, дают следователю и суду право выйти за пределы перечня, установленного Налоговым кодексом и признать допустимым любое иное доказательство, если оно в совокупности с другими доказательствами в достаточной мере подтверждает налоговозначимые обстоятельства (в рассмотренных нами примерах – факт наличия объекта недвижимости, время начала и окончания его строительства или сноса)¹.

Возможности использования спутниковых снимков, естественно, не ограничиваются сферой расследования налоговых преступлений. Уже есть следственный опыт использования таких снимков, в том числе путем их экспертного анализа, по делам о преступлениях против личности, преступлениях в транспортной сфере, экологических, экономических и коррупционных преступлениях². Напротив, приведенный нами пример – передовой положительный опыт, нестандартный.

Перспективы использования космической фотосъемки как нового источника юридических доказательств обсуждались в 2021 году на организованном Верховным Судом России специальном научно-практическом семинаре. Яркой иллюстрацией современных возможностей космических технологий стало участие по видеосвязи в данном семинаре космонавта А.Н. Шкаплерова (имеющего высшее юридическое образование) прямо с борта Международной космической станции.

Во время прямой связи МКС с Верховным Судом космонавт отметил, что «развитие космических технологий открывает новые возможности для судопроизводства. Спутниковые снимки, на которых можно разглядеть номер автомобиля или лицо человека, пока существуют только в кино, но выявить незаконные постройки или другие факты незаконного использования земельных участков можно уже сегодня». Как заявил Председатель Верховного Суда В.М. Лебедев, данная информация будет востребована при подготовке правовых позиций Верховного Суда³.

¹ Сасов К.А. Доказательства в налоговом споре // СПС «Гарант». 2 февраля 2017 г. Режим доступа: <https://www.garant.ru/article/1089024/>.

² Например: Ильин Н.Н. Использование снимков дистанционного зондирования Земли при назначении и производстве транспортно-технической судебной экспертизы // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. 2020. Т. 17. № 1. С. 50–56; Галкин Д.В. Использование космических снимков в раскрытии и расследовании коррупционных преступлений, совершаемых в сфере строительства // Актуальные проблемы науки и практики: электрон. сб. науч. тр. по итогам науч.-представит. мероприятий / Дальневост. юрид. ин-т МВД России. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2021. Вып. 8. Текст: электронный. URL: <https://двюи.мвд.рф.С.444-448>.

³ Российская газета. 7.12.2021 г. Режим доступа: <https://rg.ru/2021/12/07/vs-mozhet-rekomeNedovat-ispolzovat-sputnikovye-snimki-v-ekologicheskikh-sporah.html>.

Литература

1. Новости ТОГУ 11.06.2014 г. Режим доступа: <http://togulife.ru/news/2179>.
2. Сасов К.А. Доказательства в налоговом споре // СПС «Гарант». 2 февраля 2017 г. Режим доступа: <https://www.garant.ru/article/1089024/>.
3. Ильин Н.Н. Использование снимков дистанционного зондирования Земли при назначении и производстве транспортно-технической судебной экспертизы // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. 2020. Т. 17. № 1.
4. Галкин Д.В. Использование космических снимков в раскрытии и расследовании коррупционных преступлений, совершаемых в сфере строительства // Актуальные проблемы науки и практики: электрон. сб. науч. тр. по итогам науч.-представит. мероприятий / Дальневост. юрид. ин-т МВД России. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2021. Вып. 8. Текст: электронный. URL: <https://двюи.мвд.рф>.

Галяшина Е.И.

Криминалистическая оценка достоверности заключения эксперта

Аннотация. В статье раскрываются вопросы оценки заключения эксперта, обоснован тезис о том, что криминалистические знания выступают основной для оценки достоверности заключения эксперта.

Ключевые слова: оценка заключения эксперта, криминалистика, повторная экспертиза, дополнительная экспертиза, допрос эксперта.

Вопросам оценки заключения эксперта как доказательства посвящено значительное количество работ. Тем не менее, как показывает судебная практика, наибольшую сложность у правоприменителя вызывает оценка достоверности экспертных заключений, содержательной стороны проведенного исследования и истинности сделанных экспертом выводов. Большинство исследователей исходит из возможности проверки верности заключения эксперта посредством проведения повторной или дополнительной экспертиз, привлечения специалиста для выявления процессуальных, деятельностных и научно-методических экспертных ошибок.

По мнению Немира С.В., «определение достоверности заключения эксперта в уголовном процессе происходит в результате сложной познавательной деятельности, связанной как с проверкой, так и с оценкой данного вида доказательств <...> наиболее оптимальными способами проверки достоверности заключения эксперта являются, во-первых, допрос эксперта, во-вторых, производство повторной или дополнительной экспертизы. Оценка же заключения эксперта с точки зрения рассматриваемого критерия должна ответить на вопросы о компетентности эксперта, достоверности и достаточности объектов (материалов), представленных на экспертизу,

достоверности применённой экспертной методики, достоверности содержания заключения эксперта»¹.

Использование же криминалистических знаний для оценки достоверности экспертных заключений остается за пределами внимания ученых и практиков, в программах подготовки современных следователей (судей) не представлено.

В то же время криминалистика в последнее десятилетие переживает период мощного обновления. Как никакая другая юридическая наука, она испытывает на себе особое влияние научно-технического прогресса, который в XXI веке стал чрезвычайно интенсивным и многоплановым. В эпоху больших вызовов, в условиях мультимодальности информационных процессов растет число исследователей, выбирающих инновационный, новаторский путь в науке с опорой на устоявшиеся базовые концепции, транслирующих свои научные достижения в образовательный процесс – подготовку современного высокообразованного следователя (судьи) нового поколения, блестяще знающего криминалистику, способного компетентно оценить результаты применения экспертом (специалистом) специальных знаний для установления фактов и обстоятельств, имеющих значение доказательств по делу, что чрезвычайно необходимо в условиях качественно меняющейся преступности, оснащенной последними достижениями технического прогресса.

О значении криминалистики для доказывания по уголовным делам известно с давних времен, не случайно известный французский криминалист Эдмонд Локар еще в 1931 году отмечал: «Расследование преступлений столь же старо, как человеческое общество, и исторически представляет собой долгую погоню за трудноуловимой истиной. Ни в какой другой области, однако, необходимость доказательств не была столь очевидна, как здесь, потому что здесь дело идет не о каких-либо умозаключительных построениях. Ошибка трагична, когда она затрагивает честь, свободу, жизнь, а ни в одной области человеческое мышление не было так склонно к ошибкам. То обращаясь к мистическим силам, то пытаясь найти твердое и верное решение в разуме, то добиваясь жесточайшими средствами сознания обвиняемого, правосудие убедилось, наконец, что собранные им ордалии, свидетельские показания и вырванные признания – слабые доказательства. Теперь оно ищет новых гарантий истинности в научных методах»².

Проверка заключения эксперта как доказательства производится следователем (судом) на основании статьи 87 УПК РФ путем сопоставления его с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления его источника, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

Как известно, заключение эксперта, как и другие доказательства, не имеет заранее установленной силы. Следователь (суд), руководствуясь законом, оценивает заключение эксперта по своему внутреннему убеждению,

¹ Немира С.В. Достоверность заключения эксперта в уголовном процессе. Автореферат диссертации кандидата юридических наук. Краснодар 2016 г. с.9.

² Локар Эдмонд. Руководство по криминалистике. М. : Юрид. изд. НКЮ СССР, 1941. С.8.

основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности¹.

Правила оценки доказательств (свобода которой возведена в принцип уголовного судопроизводства – ст. 17 УПК РФ), применяющиеся в уголовном судопроизводстве, установлены ст. 88 УПК РФ: каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела.

Относимость заключения эксперта как доказательства подразумевает возможность его использования как источника информации (о фактах), имеющей значение для установления входящих в предмет доказывания по конкретному уголовному делу обстоятельств (подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ) и имеющих значение для его рассмотрения и разрешения).

Допустимость доказательств в целом подразумевает их получение с соблюдением всех установленных в УПК РФ требований к соответствующему процессу и его результатам; в т.ч. к лицу, осуществляющему процесс их получения, форме и содержанию итогового документа (которым оформляется данный процесс) и т.д. Субъекты производства по делу признают доказательство недопустимым в случае, если оно подпадает под действие ст. 75 УПК РФ и нормы, закрепленной в части 2 статьи 50 Конституции РФ, не допускающей использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона при осуществлении правосудия.

Достоверность доказательства – крайне сложная категория, поскольку она восходит к философской проблематике познания (гносеологии / эпистемологии), его возможности и критериев. В комментариях к УПК РФ имеется позиция, что это «...представление об истинности заключаемых в них [доказательствах] сведений. Критерием истины может служить только опыт, практика. Поэтому достоверным знанием об обстоятельствах дела может считаться только такой вывод, в отношении которого не возникает [...] разумных сомнений»²; что «оценка доказательств с точки зрения их достоверности означает их изучение с целью ответа на вопрос, насколько сведения (фактические данные), составляющие их содержание, отвечают действительности, иначе говоря, соответствуют ли они философской категории истины»³.

Таким образом, оценка доказательств с точки зрения их достоверности зависит от критериев истинности; вне зависимости от парадигмы мышления, лежащей в основании процесса познания (материализм, позитивизм и т.д.), ими

¹ См.: Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд. перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. С. 306.

² См.: Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова // СПС КонсультантПлюс. 2012.

³ См.: Безлепкина Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 15-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2021. 640 с.

представляется обоснованным считать здравый смысл (который ввиду жизненного опыта так или иначе есть у всех) и научную картину мира (составляющую ядро компетенции любого сведущего лица).

Оценку любого доказательства принято делить на формальную и содержательную, объективную и субъективную. Как указывают А.В. Сердюков и Ю.А. Колотова, «требования допустимости формализованы и подлежат содержательной оценке, достоверность же, напротив, оценивается не по формальным признакам, а содержательно и только после установления допустимости доказательства»; они же указывают, что «М.С. Строгович отождествляет достоверность с истиной», в то время как «Л.М. Карнеева понимает под достоверностью соответствие доказательств объективной действительности», при этом «...важным требованием достоверности вывода в уголовном процессе является его доказанность. Достоверный вывод сам по себе существовать не может, он должен быть обязательно доказан». В итоге они, ссылаясь в т.ч. на мнение И.С. Кустова о том, что «достоверность выводов в уголовно-процессуальной деятельности зависит не только от предмета и объема познания, но и от средств, способов, условий, в которых происходит процесс самого познания»¹, указывают, что «одно лишь доказательство характеризует один аспект исследуемого события и не может быть положено в уголовно-процессуальной деятельности в основу вывода, который нуждается в совокупности доказательств»².

Как справедливо отмечала Т.В. Аверьянова определение достоверности вызывает наибольшее затруднение при оценке заключения эксперта, поскольку она предполагает глубокое изучение именно его содержания.³ По мнению Р.С. Белкина следователь и суд не в состоянии оценить достоверность заключения эксперта, включающую в себя научную обоснованность проведенного исследования, правильность выбора и применения методов исследования, соответствие этих методов современным достижениям соответствующей области научного знания, поскольку для такой оценки они должны обладать теми же познаниями, что и эксперт⁴. Аверьянова Т.В. дополняет этот перечень еще и такими составляющими достоверности заключения эксперта, как: логичность умозаключений эксперта; полнота и обстоятельность проведенного исследования; правильность выявленных экспертом признаков и, как результат, обоснованность сделанных им выводов; соответствие последних промежуточным результатам и проведенному исследованию в целом, их логическая непротиворечивость⁵.

¹ Кустов И.С. Законодательные гарантии достижения истины по уголовному делу. Ашхабад, 1975. 195 с. С. 195.

² См.: Сердюков А.В., Колотова Ю.А. К вопросу о достоверности доказательств в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2022. № 1. С. 29-32.

³ Аверьянова Т.В. Проблемы оценки достоверности заключения комплексного экспертного исследования. Вестник экономической безопасности. 2018;(1):12-16. С.13.

⁴ Белкин Р.С. Курс криминалистики. М.:ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право. 2001. С.623.

⁵ Аверьянова Т.В. Проблемы оценки достоверности заключения комплексного экспертного исследования. Вестник экономической безопасности. 2018;(1):12-16. С.14.

По нашему мнению, помочь следователю (суду) в оценке достоверности заключения эксперта может и должна современная криминалистическая наука. Криминалистическая оценка результатов экспертного исследования предусматривает оценку уровня владения экспертом методами и техническими средствами, знания основных закономерностей формирования характеризующих данный объект свойств и признаков, закономерности их изменения при определенных условиях, правильности выявленных совпадающих и различающихся признаков, оценку индивидуализирующей совокупности совпадающих признаков, их диагностической и идентификационной значимости, достаточности для формулирования обоснованного вывода.

Современная криминалистика – это источник инновационного криминалистического знания о новых способах совершения преступлений, она выступает в качестве исходного средства познания действительности, обеспечивающего получение доказательственной информации, и служит основанием принятия криминалистических (методических, тактических, технико-криминалистических) и процессуальных решений. Именно криминалистика позволяет выявить гносеологические ошибки эксперта на всех этапах экспертного исследования.

Криминалистика, как наука о борьбе с преступностью, исследуя закономерности преступных деяний, механизма их отражения в источниках информации, разрабатывая на основе данных юридических и иных наук (гуманитарных, естественно-научных и т.п.) средства и методы раскрытия, расследования и предупреждения всех видов преступлений с целью обеспечения надлежащего применения процессуальных и материальных правовых норм тесно связана с практической деятельностью судебных и следственных органов¹.

В процессе расследования преступления принципиально важным является то, что получение криминалистически значимого знания (релевантной информации об исследуемом событии, значимой для раскрытия и расследования преступления) является научно-практической основой для правильного разрешения уголовно-правовых задач и принятия обоснованных уголовно-процессуальных решений.

Процессуальное знание о преступлении (информация о предмете доказывания) может быть получена только на основе исследования судебных доказательств при осуществлении строго регламентированных уголовно-процессуальным законом процессуальных действий. Криминалистика обогащает науку уголовного процесса своими данными с целью усовершенствования уголовно-процессуального законодательства. Так, например, понятия первичного и производного доказательства применительно к акустическим (звуковым) следам, запечатленным на фонограмме, могут быть уточнены на основе криминалистического знания о распознавании

¹ Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития. Отв. Ред. Ищенко Е.П. -П.: Проспект, 2019.

перцептивных образов посредством слухового восприятия на основе хранящихся в памяти человека звуковых эталонов, а оценка достоверности доказательства может быть соотнесена с установлением аутентичности его информационного наполнения.

Как наука криминалистика изначально тесно связана с естественными и техническими науками, преломляя их знания через призму своей криминалистической сущности как юридической науки прикладного характера.

В завершении приведу высказывание Ганса Гросса: «... следует иметь в виду, что не всегда судебный следователь имеет дело с экспертами, стоящими на высоте науки...никогда не следует забывать, что даже самый лучший эксперт не есть уголовный судья и что заключение эксперта только тогда получает надлежащую цену, когда оно исходит как бы от лица самого судебного следователя, в котором предполагаются соединенными все специальные знания...»¹.

Литература

1. Немира С.В. Достоверность заключения эксперта в уголовном процессе. Автореферат диссертации кандидата юридических наук. Краснодар 2016 г.

2. Локар Эдмонд. Руководство по криминалистике. М. : Юрид. изд. НКЮ СССР, 1941. С.8.

3. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд. перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018.

4. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова // СПС КонсультантПлюс. 2012.

5. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 15-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2021. 640 с.

6. Кустов И.С. Законодательные гарантии достижения истины по уголовному делу. Ашхабад, 1975.

7. Сердюков А.В., Колотова Ю.А. К вопросу о достоверности доказательств в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2022. № 1.

8. Аверьянова Т.В. Проблемы оценки достоверности заключения комплексного экспертного исследования. Вестник экономической безопасности. 2018.

9. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М.:ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право. 2001. С.623

10. Аверьянова Т.В. Проблемы оценки достоверности заключения комплексного экспертного исследования. Вестник экономической безопасности. 2018.

¹ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – Новое изд. Перепеч. С изд. 1908 г. – М.: ЛнексЭст, 2002. с. 3-5.

11. Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития. Отв. Ред. Ищенко Е.П. -П.: Проспект, 2019.

Говоров А.А., Иванова Ю.Ю.

О комплексном подходе при производстве судебных экспертиз материалов документов

Аннотация. В статье описаны некоторые проблемы применения комплексного подхода в технико-криминалистической экспертизе документов с целью наибольшего получения развернутых и детальных отчетов исследований.

Ключевые слова: объекты исследования, экспертиза, печати и штампы.

Несмотря на повсеместное внедрение технологий электронного документооборота, ежегодный прирост количества технико-криминалистических экспертиз свидетельствует о том, что документы – вещественные доказательства остаются на ведущих позициях в раскрытии и расследовании преступлений.

По мнению Н. Соклаковой и В. Хрусталева все технико-криминалистические исследования документов возможно подразделить на три вида:

- реквизитов документов (фотоснимки, надписи, подписи);
- оттисков печатных форм;
- материалов документов¹.

Полное криминалистическое исследование документов является прерогативой экспертов криминалистов-материаловедов, однако и эксперты, проводящие исследование реквизитов документов, должны обладать определенными знаниями, умениями и навыками исследования материалов документов². Это диктуется следующими соображениями:³

- при выполнении всестороннего изучения представленных образцов, необходимо складывать воедино данные, полученные в ходе экспертиз как реквизитов, так и материалов, делая единое заключение;

- для экспертов важно уметь установить факты различия /сходства на этапе ранней проверки документов в тех случаях, где не требуется более глубоких познаний и наличия специфических устройств анализа, реагентов к ним. Данный вид анализа показывает отличительные признаки и позволяет определить принадлежность образцов к единому или не единому источнику.

¹ Соклакова Н.А. Криминалистическое исследование материалов документов / Н.А. Соклакова, В.Н. Хрусталева. СПб, 2005. С. 7.

² Канкулов А.Х., Гордиенко В.В. Компьютерные технологии в криминалистическом исследовании документов /пробелы в российском законодательстве. Том.13. 2020. № 5. С. 284.

³ См.: Митричев В.С., Хрусталева В.Н. Основы криминалистического исследования материалов, веществ и изделий из них: учеб. пос. СПб.: Питер, 2003. С.156.

Экспертизы материалов документов в системе судебных экспертиз, является составной частью технико-криминалистической экспертизы документов¹. Исследование материалов документов – это «пограничный» вид судебной экспертизы, объединяющий возможности технико-криминалистической экспертизы документов и криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий.

Материалы документов исследуются при многочисленных задач ТКЭД. Исследование материалов документов в рамках ТКЭД решается путём комплексного использования достижений естественных, технических наук и различных отраслей криминалистических экспертиз других родов. Это регулируется посредством статьи 23 закона № 73-ФЗ, где говорится, что в ходе проведения исследования должны привлекаться специалисты различных областей, каждый из них предоставляет отдельное заключение, основанное на проведенных им анализах строго в рамках собственной компетенции. Заключение отражает полное описание проведённых анализов, полученных результатов, а также их интерпретацию. Состав специалистов не ограничивается экспертами-криминалистами, в ее состав привлекаются материаловеды. Их специализация позволяет проводить исследования красителей, использованных на некой тканевой, бумажной или искусственной основе, а также других химических соединений, схожих по составу. Именно близость молекулярной формулы даёт возможность экспертам осуществлять оценку в ходе ТКЭД. Нередко методики, используемые при экспертизе материалов документов, находят применение в смежных областях (к примеру, при изучении крафтовых пакетов, бумажных упаковок и пр.). По этой причине экспертиза материалов документов применима как в ходе технико-криминалистической экспертизы документов, так и в анализе веществ других предметов.

Выполнение анализа документа в рамках ТКЭД подразумевает диагностические (порядок производства объекта, технологии изменения его, установление исходных данных, определение скрытых частей содержания), опознавательные приёмы анализа (дифференциация и соотношение по роду, виду и группе элементов документа, оценка общего вида), выявление единых источников происхождения, хранения, эксплуатации, определение одинаковых элементов. Для этого необходимо достоверно выяснить состав, принадлежность его к определенной категории, происхождение на конкретном производстве. Одним из примеров может являться определение родства нескольких фрагментов друг к другу: для проверки данной гипотезы производится анализ материалов письма, бумажной основы и прочих фрагментов.

Вне зависимости от выбранных методов анализа, технико-криминалистическая экспертиза документа проходит определенные ступени, каждая из которых воспроизводит характеристики исследуемого материала. Таким образом, становятся известны физические, химические и функциональные показатели объекта, что позволяет идентифицировать его всё

¹ Далее – ТКЭД.

в меньшей и меньшей группе предметов, в конечном итоге приводя к уникальному определяемому источнику.

Объектами экспертизы материалов документов являются материалы письма; бумага, картон, изделия и детали изделий их бумаги и картона; материалы, используемые для скрепления фрагментов документов (нитки, клей, проволока и т.п.), отделки документа, удаления штрихов; травящие и смывающие вещества, используемые подозреваемыми для подделки документов. Они могут быть самостоятельным объектом исследования, когда возникает необходимость определения или сравнения их состава, установления общности происхождения. Потребность в исследовании материалов документов существует в случаях идентификации орудий письма, установления принадлежности частей единому документу, время его изготовления, относительной давности выполнения отдельных фрагментов, изменения содержания путём дописки. С предварительным исследованием материалов документов связано определение последовательности нанесения пересекающихся штрихов, выявление подчищенных, а также невидимых записей.

Порой возникает необходимость рассматривать материалы документов отдельно друг от друга. Это бывает важно при установлении химического состава, сопоставлении образцов, а также выявления схожести исходных материалов. Таким образом выявляется способ нанесения информации, временной промежуток исходной части и дополнений, наличие или отсутствие последующих изменений. Также устанавливаются факты наслаивающихся линий, замечания об удалении части письма, добываются сведения о скрытых маркерах.

Криминалистическое исследование материалов документов, независимо от рода решаемых задач (диагностические или идентификационные), представляет собой многоступенчатый процесс, на отдельных стадиях которого выявляются признаки, отражающие специфику состава и свойств исследуемого материала и позволяющие отнести его к группе со все более сужающимся объемом: множеству материалов одного назначения, одной химической природы (классу, роду), виду внутри рода, марке, группе, обусловленной общностью происхождения и, наконец, индивидуально определенному объему.

Основной проблемой на пути анализа материалов стоит обширный химический состав исследуемых объектов (к примеру, текстовый документ содержит помимо красящего пигмента, ещё и растворяющее вещество, консерваторы и пр.). Некоторые примеси отсутствуют в регламентированных составах, что ещё больше затрудняет определение свойств материалов. Также с объектом на протяжении его существования происходят некие преобразования, причиной которых является влияние внешних факторов. Всё это, с одной стороны усложняет задачу эксперта, а с другой позволяет точнее ответить на ряд задаваемых вопросов.

У криминалистической экспертизы материалов документов есть свой предмет, отличный от предмета криминалистической экспертизы реквизитов документов. Именно поэтому в системе экспертно-криминалистических

подразделений органов внутренних дел России, предусмотрено получение отдельных допусков на право самостоятельного производства экспертиз материалов документов. В системе судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации экспертиза материалов документов также рассматривается в качестве самостоятельной, а исследование материалов документов фигурирует в качестве самостоятельной экспертной специальности.

В результате можно прийти к выводу, что экспертиза материалов документов существует в структуре технико-криминалистической экспертизы документов в подклассе традиционных исследований, а также пребывает самостоятельной единицей подкласса криминалистической экспертизы веществ, материалов и изделий. Областью использования является в следствиях по уголовным, гражданским процессам, где устанавливает факты фальсификации документов. Однако судебная система и следствие не ограничиваются только данными исследованиями, а назначают комплексные экспертизы в отношении объектов проверки.

Резюмируя приведенное выше, можно говорить об необходимости применения комплексного подхода в ТКЭД, чтобы получать наиболее развернутые и детальные отчёты исследований. Анализ печатей, штампов путём криминалистической экспертизы документов, дополненный экспертизой материалов, даёт наиболее грамотный подход к получению результатов исследований и, соответственно, повышению качества дальнейшей работы и получению точных выводов.

Литература

1. Соклакова Н.А. Криминалистическое исследование материалов документов / Н.А. Соклакова, В.Н. Хрусталев. СПб, 2005.
2. Канкулов А.Х., Гордиенко В.В. Компьютерные технологии в криминалистическом исследовании документов / пробелы в российском законодательстве. Том.13. 2020. № 5.
3. Митричев В.С., Хрусталев В.Н. Основы криминалистического исследования материалов, веществ и изделий из них: учеб. пос. СПб.: Питер, 2003.

Голикова В.В.

Актуальные вопросы судебной налоговой экспертизы в уголовном процессе

Аннотация. В статье описаны некоторые проблемы тактики назначения и производства судебной налоговой экспертизы.

Ключевые слова: налоговая экспертиза, вопросы эксперту, исчисление и уплата налогов, страховых взносов и сборов в бюджет.

Порядок назначения судебной налоговой экспертизы не отличается от порядка назначения экспертизы иного рода (вида). Судебная налоговая экспертиза в соответствии с ФЗ от 4 марта 2013 г. может быть назначена и произведена как до возбуждения уголовного дела, так и после возбуждения уголовного дела¹.

Расследование налоговых преступлений во многом зависит от умелого использования следователями и судами возможностей судебной налоговой экспертизы. Однако в настоящее время следователи и суды не располагают конкретными рекомендациями по назначению судебных налоговых экспертиз. Это является одной из причин того, что следователи и суды не могут в полной мере использовать возможности судебных налоговых экспертиз при назначении и подготовке материалов для нее, имеют ряд недостатков.

Перед решением вопроса о назначении судебной налоговой экспертизы следователю необходимо изучить имеющиеся в деле материалы. Придя к выводу, что по делу необходимо назначить судебную налоговую экспертизу, следователь приступает к формулированию вопросов, которые следует поставить перед экспертом.

При назначении судебной налоговой экспертизы большое значение имеет правильная формулировка вопросов, выносимых на разрешение эксперта. Вопросы в первую очередь должны быть конкретными, излагаться в строгой логической последовательности, исключая различное их толкование, потому что в большинстве случаев вопросы, поставленные на разрешение эксперта, формулируются некорректно. В данном случае рекомендуется предварительно, до назначения экспертизы, ознакомить специалиста с обстоятельствами дела и согласовать вопросы во избежание их неправильной формулировки.

Требования, которым должны соответствовать вопросы:

1) вопросы должны быть существенными для рассматриваемого уголовного дела;

2) вопросы должны относиться к области налогов и налогового законодательства, а для ответа на поставленные вопросы необходимо использование специальных знаний в данной области, например:

– какова сумма налога, подлежащего уплате в бюджет за исследуемый период, и какова сумма уплаченного налога (*вопрос относится к области судебной налоговой экспертизы*);

– имеется ли задолженность (наименование организации) перед поставщиками (если да, то в какой сумме и за какой товар) (*вопрос относится к области судебной бухгалтерской экспертизы*);

– какое количество хлыстов и на какую сумму по бухгалтерским документам, представленным ЗАО «...», находилось на складе на дату пожара (*вопрос относится к области судебной бухгалтерской экспертизы*);

¹ См.: Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

– какими документами учета ЗАО «...» подтверждаются данные инвентаризационной описи от 31 мая 2021 г. № 3 (*вопрос относится к области судебной бухгалтерской экспертизы*);

– каково финансовое положение ОАО «Комбинат БИН» на 1 января 2020 года и 24 октября 2021 года и как оно менялось в указанном периоде (*вопрос относится к области судебной финансово-экономической экспертизы*);

3) следователь или суд не может сам ответить на вопросы, относящиеся к области налогов и налогового законодательства, например:

– какую систему налогообложения применяет ООО «Р» на 31 марта 2021 года (*для ответа на вопрос о применении организацией той или иной системы налогообложения [УСН, ОСНО] не предполагается проведение исследования*);

4) вопросы из области налогов и налогового законодательства могут быть разрешены только путем проведения судебной налоговой экспертизы, например:

– в соответствии ли с требованиями налогового законодательства принят к вычету НДС в I квартале 2021 года по операциям, связанным с приобретением товаров у контрагента ООО «З», и какова сумма НДС, исчисленная к возмещению из бюджета за I квартал 2021 года;

– имеется ли документальное подтверждение операций по погашению займов... (идентификационные признаки каждого займа) (если нет, то как это повлияло на формирование налоговой базы по налогу на прибыль, полученную организацией ООО «МФК „А“», за налоговый [отчетный] период *x*;

5) вопросы не должны содержать условие или исходные данные, установленные следователем (судом) в результате проведенных следственных или судебных действий, например:

– как исключение из оборотов налогового учета ООО «П» сумм, ранее принятых в качестве налогового вычета по финансово-хозяйственным операциям с ООО «З», повлияет на сумму НДС, подлежащего уплате в бюджет, отраженную в налоговых декларациях ООО «П» за исследуемый период» (*в данном случае в формулировке вопроса содержится условие, которое требует проверки проведением исследования с применением специальных знаний с целью определения обоснованности применения налогоплательщиком налоговых вычетов*);

– как повлияло при исчислении к уплате в бюджет налога на прибыль организации ООО «Х» за период с 1 января 2016 года по 20 июля 2018 года отнесение в состав расходов, уменьшающих доходы при определении налоговой базы по данному налогу сумм затрат, понесенных по взаимоотношениям с организациями ООО «С», ООО «М» (*вопрос сформулирован так, что носителем знаний в области налогообложения выступает сам следователь, поскольку он заведомо знает и указывает эксперту на отнесение в состав расходов, уменьшающих доходы при определении налоговой базы по налогу на прибыль сумм затрат, понесенных по взаимоотношениям с контрагентами; тем самым становится бессмысленным производство экспертизы, ведь судебная экспертиза — самостоятельная*

процессуальная форма получения новых и проверки [уточнения] имеющихся доказательств, ее назначают и проводят в случаях, когда обстоятельства [доказательства], относимые к уголовному делу, могут быть получены, проверены или уточнены в результате исследования соответствующих объектов)¹;

б) вопросы, поставленные перед экспертом, могут быть разрешены только при достаточности предоставленных на исследование документов, так как следователь (суд) для того, чтобы назначить судебную налоговую экспертизу по делам, связанным с уклонением от уплаты налогов и страховых взносов, а эксперт — полно и объективно ответить на поставленные вопросы, должны располагать достаточным перечнем учетных документов, отражающих информацию об элементах налогообложения;

7) вопросы не должны нацеливать эксперта на самостоятельное исследование — такие формулировки вопросов категорически недопустимы (например, эксперту поставлен вопрос, редакция которого подразумевала произвести определенное арифметическое действие, но в данном случае носителем знаний в области бухгалтерского учета и налогового законодательства выступает сам следователь [суд], поскольку он заведомо знает и указывает эксперту, какие именно расчеты следует произвести; так, по заданию следователя в формулировке вопроса было указано, что налоговые вычеты следует исключить из оборотов налогового учета);

8) вопросы, которые ставит следователь (суд) на разрешение эксперта, должны быть четко, ясно и исчерпывающе изложены и не допускать их различных толкований, между тем они нередко формулируются неправильно, например:

– кто персонально из должностных лиц ответственен за исчисление и уплату налогов (*поставленный вопрос относится к компетенции органов следствия и суда, а не эксперта судебной налоговой экспертизы, который не вправе рассматривать вопросы об ответственности ни должностных, ни других лиц*);

9) вопросы, носящие справочный и правовой характер, могут быть поставлены на разрешение эксперта судебной налоговой экспертизы. При этом необходимо отметить, что правовой характер вопросов должен заключаться только в выявлении нарушения налогового законодательства, которое не должно расцениваться как правонарушение (преступление). Правовые вопросы, связанные с различными видами правовой оценки действий хозяйствующего субъекта или должностного лица, не допустимы для постановки эксперту. Следствие и суды не должны допускать постановку перед экспертом, а эксперт в свою очередь не должен решать, например, следующие вопросы:

– имело ли место *уклонение* от уплаты налогов с организации за определенный период, и если да, то в каких размерах (*в данном случае вопрос*

¹ См.: Корухов Ю.Г. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Практическое пособие для экспертов и судей. М.: Библиотека эксперта, 2009.

поставлен относительно того, имело ли место совершение противоправного деяния юридическим лицом);

– причинен ли ущерб государству уплатой ООО «Н» налога на прибыль по операциям, связанным с получением от ООО «С» штрафов в III квартале 2021 года вместо оплаты с этой налоговой базы налога на добавленную стоимость (*неправомерность постановки вопроса очевидна, поскольку вопрос о величине ущерба требует оценки всех имеющихся по делу доказательств и, следовательно, его решение является прерогативой следствия и суда; во вводной части заключения эксперт должен указать, что определение размера ущерба не входит в его экспертную компетенцию*)¹.

Пленум ВС СССР в постановлении от 5 сентября 1986 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности» в общей форме разъяснил, что «решая вопрос о квалификации действий виновного по признаку причинения преступлением значительного ущерба потерпевшему, следует учитывать стоимость похищенного имущества, а также его количество и значимость для потерпевшего, материальное положение последнего». Ущерб устанавливается с учетом всех имеющихся по делу доказательств, и, следовательно, решение является прерогативой следствия и суда. Как сам ущерб, так и его размер следует расценивать как составную часть признака объективной стороны состава преступления (общественно опасных последствий), т.е. как правовую категорию. В свою очередь, и Пленум ВС РФ в постановлении от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» разъяснил: «Для определения размера ущерба бюджетной системе, причиненного налоговым преступлением, суд должен устанавливать действительный размер обязательств по уплате налогов, сборов, страховых взносов в соответствии с положениями законодательства о налогах и сборах, учитывать в совокупности все факторы, как увеличивающие, так и уменьшающие размер неуплаченных налогов, сборов и страховых взносов».

Постановка вопросов, связанных с выявлением нарушений налогового законодательства, допустима, так как исчисление и уплата налогов, страховых взносов и сборов в бюджет регламентируются нормами налогового законодательства, которыми руководствуется налогоплательщик при исчислении и уплате налогов в бюджет. Отступление от норм законодательства приводит к тому, что физические лица и организации впоследствии уклоняются от уплаты налогов и (или) страховых взносов. Поэтому факты отступления от норм налогового законодательства, а также установление, соблюдены ли требования налогового законодательства при определении элементов налогообложения, должны выявляться в рамках производства судебной налоговой экспертизы.

¹ См.: постановление Пленума ВС РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

Литература

1. Корухов Ю.Г. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Практическое пособие для экспертов и судей. М.: Библиотека эксперта, 2009.

Громова А. В., Ошкуков С.С.

Современные возможности автороведческой идентификационной экспертизы по материалам интернет-переписок

Аннотация. В статье описаны некоторые проблемы экспертной практики в отношении объектов экспертного исследования - интернет-переписок.

Ключевые слова: интернет-переписки, новый объект автороведческой экспертизы, экстремистская деятельность.

Тексты, создаваемые в ходе интернет-переписок, — новый объект автороведческой экспертизы. При совершении или подготовке преступления зачастую используются интернет-платформы, позволяющие сохранить анонимность участников диалогического общения. Интернет-переписка рассматривается в качестве доказательств при расследовании преступлений, совершаемых с использованием IT-технологий, в том числе связанных с незаконным оборотом наркотических средств, вовлечением в экстремистскую деятельность, осуществлением развратных действий в отношении малолетних, склонением к самоубийству, мошенническими действиями.

Такие тексты имеют характерные особенности, обусловленные спецификой разговорной письменной речи при дистанционной коммуникации. Сложность обнаружения индивидуализирующих признаков автора обусловлена увеличением количества групповых признаков, характерных в целом для языка интернет-коммуникации. Например, использование разговорной лексики, сленга, инициация высказываний со строчной буквы, использование принципа «фонетизации письма» как способа передачи эмотивности и др. Однако, как показывает накопленная практика исследования таких текстов в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России, в условиях цифровизации наблюдается появление новых признаков, детерминированных авторским выбором как языковых, так и неязыковых средств при ведении диалогов в режиме реального времени. При этом идентификационно значимые признаки, предлагаемые существующими методиками производства автороведческих экспертиз, выделены на материале монологических текстов и не охватывают те новые признаки, которые появляются в связи с диалогической коммуникацией в интернет-переписке. Так, к признакам,

обусловленным современными средствами общения¹, относятся также различные графические знаки, мультимедийные средства. Например, авторские предпочтения в использовании знаков пунктуации, заглавных букв, цифр, иных элементов раскладки клавиатуры, постановке пробелов. Выявляются также графические особенности передачи эмоций, анализируется разнообразие и частотность используемых эмотиконов, «смайлов»² и др.

В 2021 году ЭКЦ МВД России при участии Института криминалистики Центра Специальной техники ФСБ России, ЭКЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю завершена научно-исследовательская работа³, по результатам которой подготовлены методические рекомендации «Идентификация автора по текстам, создаваемым в ходе переписок в мессенджере».

Данная работа направлена на решение задачи, продиктованной самим временем – обеспечить экспертные подразделения методическими подходами установления авторства электронных текстов.

В рамках этой работы выполнено следующее:

– впервые предложены научные основы криминалистической идентификации автора по диалогическим печатным текстам, реализованным с использованием программ для мгновенного обмена сообщениями;

– сформулировано определение диалогической печатной (письменной) речи, расширяющее понятийный аппарат криминалистического автороведческого инструментария для исследования текстов переписок;

– впервые предложена классификация признаков диалогической печатной речи, включающая признаки коммуникативного и графического уровней;

– доказана целесообразность применения количественно-статистических параметров текста в качестве дополняющих признаки, выявленные при лингвистическом анализе, и позволяющие визуализировать и объективизировать полученные данные.

– разработаны научно обоснованные методические подходы к проведению экспертного исследования по материалам интернет-переписок;

– на основе анализа отечественных и зарубежных научных источников, обобщения опыта производства автороведческих экспертиз по материалам переписок в мессенджерах, а также результатов проведения серии экспериментальных исследований впервые выделены признаки диалогической

¹ Громова, А. В. Переписка в мессенджере: идентификация автора по тексту в условиях трансформации индивидуализирующих признаков / А. В. Громова. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 87–98; 3. Громова, А. В. Особенности предоставления объектов для производства автороведческих экспертиз (по материалам переписок в мессенджерах) / А. В. Громова, П. А. Манянин, М. А. Бердникова. – Текст : непосредственный // Вестник МВД России. – 2020. – № 5. – С. 31–37.

² Эмотиконы – иконические знаки, используемые в интернет-общении для передачи эмоционального компонента коммуникации. См., в частности: *Крылов Ю.В.* Семантика эмодзи в виртуальном диалоге // Гуманитарные исследования. 2017. № 2 (15). С. 50–52.

³ Особенности автороведческого исследования текстов, созданных в ходе электронной переписки. Подготовлена в соответствии с п. 8 (20-9) Плана НИР-2021 ЭКЦ МВД России.

печатной речи (более 250) для решения задачи криминалистической идентификации автора;

– введены 2 новых уровня анализа текста, реализованных в печатном диалоге: коммуникативный и графический;

– апробирован и применен принципиально новый подход в криминалистическом автороведении – квантитативный, включающий вычисление количественных параметров текста, в рамках которого определяются статистические особенности использования автором тех или иных знаков (для реализации данного подхода в авторский коллектив вошел специалист, имеющий высшее образование в области математики и информатики);

– разработан алгоритм действий эксперта при идентификации лиц по перепискам в мессенджере, включающий оценку пригодности таких объектов, проведение отдельного и сравнительного анализа, а также принятие решения по результатам проведенного исследования.

В методических рекомендациях для исследования количественно-статистических характеристик речи предложены новейшие методы, изложенные в современных научных источниках¹. В ходе выполнения исследования авторами рекомендаций проводилась апробация в целях поиска релевантных параметров для анализа диалогической письменной (печатной) речи. В результате были выделены такие параметры, как: коэффициенты лексического разнообразия; средняя длина слов; среднее количество знаков пунктуации; частота коротких и длинных слов; количество уникальных слов; частота служебных слов, частота частей речи; частота клавиатурных и графических смайлов; частота пунктуационных n-грамм символов и др.

Совершенствование методики автороведческого исследования текста дополнением лингвистических методов анализом количественных параметров и выработка критериев для их интерпретации представляются актуальными задачами, требующими дальнейшего изучения. Использование современного инструментария способствует повышению наглядности и объективизации данных, полученных при лингвистическом анализе иными методами. На данном этапе развития науки и техники квантитативные методы (основанные на использовании возможностей автоматизированной обработки данных) при решении задач криминалистического автороведческого исследования рассматриваются как дополняющие исследование, проводимое экспертом с применением классических методов лингвистического анализа.

Производство указанного вида экспертных исследований с применением современных средств, предлагаемых новыми методическими рекомендациями апробировано в ходе расследования уголовных дел Следственным департаментом МВД России и внедрено в деятельность территориальных

¹ Литвинова, Т. А. Компьютерные технологии в судебной автороведческой экспертизе: проблемы и перспективы использования / Т. А. Литвинова, А. В. Громова. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 77–88.

следственных органов системы МВД России в качестве положительного опыта¹.

Так, при расследовании уголовного дела в отношении участников преступного сообщества, осуществлявших сбыт наркотических средств через интернет-магазины, у ряда обвиняемых в их коммуникационных устройствах была обнаружена и изъята переписка с лицом, отдающим им указания и использующим никнейм «М». Впоследствии, спустя длительное время после возбуждения уголовного дела, при проведении оперативно-розыскных мероприятий был задержан гражданин «Иванов И.И.»², который предположительно и являлся лицом, выступавшим в переписках под вышеуказанным никнеймом.

В то же время, при осмотре мобильных устройств связи, изъятых у «Иванова И.И.», следов осуществления им переписки под никнеймом «М» не обнаружено, однако извлечена переписка под другими регистрационными данными, в том числе личная (со знакомыми и родственниками) на производственные, бытовые и другие темы. Данная переписка была использована в качестве образцов для сравнительного исследования.

Для производства экспертных исследований были отобраны значимые тексты, извлеченные из мобильных устройств соучастников, и назначены семь автороведческих экспертиз. Согласно полученным выводам, тексты, отправленные под никнеймом «М», выполнены «Ивановым И.И.».

Результаты указанных экспертных исследований стали одними из основных доказательств осуществления «Ивановым И.И.» руководящей роли в составе преступного сообщества. Фигуранту предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.210 УК РФ.

Таким образом, современные методические подходы, имеющиеся на вооружении экспертно-криминалистических подразделений системы МВД России, позволяют устанавливать совокупность индивидуализирующих признаков речи автора текста, представленного в формате диалога, реализованного посредством интернет-переписки.

Литература

1. Громова, А. В. Переписка в мессенджере: идентификация автора по тексту в условиях трансформации индивидуализирующих признаков / А. В. Громова. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 2.

2. Литвинова, Т. А. Компьютерные технологии в судебной автороведческой экспертизе: проблемы и перспективы использования / Т. А. Литвинова,

¹ О положительном опыте проведения автороведческих экспертиз по переписке в интернет-мессенджерах. – Экспресс-информация № 1. –ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России», 2021.

² Данные фигуранты изменены в целях обеспечения тайны следствия.

А. В. Громова. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 1.

3. Громова, А. В. Особенности предоставления объектов для производства автороведческих экспертиз (по материалам переписок в мессенджерах) / А. В. Громова, П. А. Манянин, М. А. Бердникова. – Текст : непосредственный // Вестник МВД России. – 2020. – № 5.

4. Крылов, Ю. В. Семантика эмодзи в виртуальном диалоге / Ю. В. Крылов. – Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования. – 2017. – № 2 (15).

Дёмин К.Е.

Становление и перспективы развития трасологической отоскопии

Аннотация. В статье рассматривается ряд аспектов истории становления и современное состояние криминалистической отоскопии, указаны основные тенденции развития данной области знаний, приведено авторское определение данной отрасли гомеоскопии.

Ключевые слова: идентификационный признак, идентификационное экспертное исследование, криминалистическая отоскопия, судебно-трасологическая экспертиза, следы ушных раковин.

Криминалистическая отоскопия – это относительно новый метод идентификации личности, который включает в себя изучение следов ушной раковины человека¹.

Еще на заре криминалистики французский ученый Альфонс Бертильон 1885 году применил скользящий циркуль для измерения ширины и длины ушной раковины человека с последующей фиксацией полученных данных в карту регистрации преступника с целью последующей идентификации человека. Кроме измерения он описал структуру ушной раковины, до сих пор актуальным является его изречение: «Ухо, благодаря этим многочисленным небольшим долинам и холмам, которые пересекают его, является наиболее значимым фактором с точки зрения идентификации. Неизменный по своей форме с самого рождения и устойчивый к влияниям окружающей среды, этот орган остается на протяжении всей жизни, как нематериальное наследие наследственности и внутриутробной жизни»².

За последнее время в криминалистике были разработаны несколько систем идентификации человека по ушной раковине, остановимся на некоторых из них. Система американского криминалиста А.В. Ианнарелли, основанная на классификации ушных раковин исходя из их деления по видам, формам, а также признакам пола и расовым типам, позволяет решать задачи идентификации и диагностики, а также использование этих признаков для

¹ Криминалистическая техника: учебник для вузов / К. Е. Дёмин [и др.]; ответственный редактор К. Е. Дёмин — М.: Издательство Юрайт, 2021.

² A Survey on Ear Biometrics [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<https://www.researchgate.net/publication/262276608> (дата обращения: 14. 10. 2022 г.).

регистрации под учётного контингента. А.В. Ианнарелли также исследовал разницу в строении ушей у разнояйцовых и однояйцевых близнецов. Он показал, что даже при том, что структуры их ушных раковин были похожи, они все же были четко различимы. Результаты этих исследований подтверждают гипотезу об уникальной физиологической структуре уха. Американский учёный В. К. Филдс (1960 г.) предпринял попытку идентифицировать новорожденных в больницах. Он визуально оценивал фотографии ушей и пришел к выводу, что морфологическое постоянство уха может быть использовано для установления личности новорожденного. В настоящее время не существует точной биометрической системы этого учёного для идентификации или проверки личности людей с помощью биометрических данных их ушей. В 2000 году Бурдж и Бугэ пытались разработать ушной биометрический метод, который исследовали многие ученые в литературных материалах. Они определяли местоположение уха, используя деформируемые контуры на гауссовой пирамиде на основе представления градиента изображения. Затем они построили графическую модель из ребер и кривых внутри уха и использовали алгоритм сопоставления на основе графика. Однако, о каких-либо показателях эффективности предложенной системы обнаружено не было.

Американский исследователь Я. Л. Морено совместно с другими учёными были первыми, кто описали полностью автоматизированную систему исследования ушей. Они использовали множество функций и объединили результаты классификационных данных при помощи нейронных сетей. Их вектор признаков включал точки внешнего уха, форму уха и морщины, а также макроэлементы, извлеченные с помощью сети сжатия (задача, решаемая нейронными сетями). Чтобы протестировать эту систему, были получены два набора изображений. Первый набор состоял из 168 изображений, относящихся к 28 предметам, по 6 фотографий на предмет. Второй набор состоял из 20 изображений, соответствующих 20 разным людям. Позже к 2004 году другие американские исследователи расширили этот метод. Они представили вектор характеристики уха как комбинацию формы внешнего уха и структуры внутреннего уха. Затем использовали нейронную сеть для классификации. Этот метод можно рассматривать как упрощенную автоматизацию системы А.В. Ианнарелли.

Британская система, созданная ученым Ричардом Никсоном, которая реализуется на биометрии уха и сводится к «обстреливанию» фотографии многоцветными лучами («лучевое преобразование фотографии»), это позволит определить все специфические особенности ушной раковины с точностью до 99,5 % и зафиксировать их в цифровом формате.

Польский учёный И. Каспаржак в начале 90-х годов XX века предложил собственную систему основой, которой является систематизация признаков ушной раковины человека в зависимости от ее типа. Исследовательский проект охватывал период в 10 лет, а учебный материал включал население 1500 человек в возрасте от 15 до 60 лет (910 мужчин и 590 женщин). Были детально изучена природа следов ушных раковин, установлена неизменяемость

морфологических особенностей строения и разработана классификацию общих и частных признаков ушной раковины. От каждого человека по было взято по 3 отпечатка левого и правого уха с различным уровнем давления 1kG, 2 kG и 3 kG, измеренного с помощью специального прибора - отометра, который был изобретен специально для нужд данного исследования и позволяющего производить сбор ушных оттисков с контролируемым давлением (слабый, средний и сильный нажим, т.е. разное по плотности прилегание). Предложенная система считается многоуровневой, так как включает в себя сопоставление следа и сравниваемого образца на пригодность для идентификации, определение групповой принадлежности, сопоставление признаков, технику контура, установление общих идентификационных признаков, анализ результатов¹. Согласно этой методике, каждый ушной отпечаток разделяется на 24 информационных поля с указанием отдельных признаков, для дачи категорического вывода о том, что исследуемый след уха принадлежит конкретному подозреваемому, требуется подтверждение совпадения не менее 6 полей.

В Российской Федерации необходимо выделить исследования медиков Я.С.Песикова и С.Я.Рыбалко², которые подробно детали строения ушных раковин с точки зрения их анатомического строения, в результате исследований ими было выделено более 40 разновидностей строения двенадцати основных элементов ушной раковины и составлена статистически достоверная частотная характеристика. Согласно их исследованию, наиболее часто встречаются различия строения и формы в следующих элементах ушной раковины: ножки завитка, противозавитка, его ствола и ножек, бугорка ушной раковины (дарвинова бугорка), треугольной ямки, ладьи, козелка, противокозелка, межкозелковой вырезки.

Стоит отметить, что следы ушной раковины человека в настоящее время недостаточно изучены российскими специалистами, они не всегда изымаются с мест преступлений и, соответственно, по данным следам очень редко назначаются судебно-трасологические экспертизы. В нашей стране имеется недостаточный опыт назначения экспертиз по следам ушной раковины, в отличие от зарубежных стран, где проведение идентификации личности по этим следам давно уже не является новинкой³. Вместе с тем, на практике встречаются единичные случаи успешного использования криминалистически значимой информации об ушную раковину человека для раскрытия и расследования преступлений. Так судебно-экспертные подразделения ГУ МВД по Кировской области наглядно показали эффективность использования трасологической идентификации преступника по следу ушной раковины,

¹ Kasprzak J. Otoskopia kryminalistyczna: System identyfikacji, zagadnienia dowodowe//Wydaw. Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego. — Olsztyn, 2003.

² Песиков Я.С., Рыбалко С.Я. Атлас клинической аурикулотерапии. – М.: Изд-во «Медицина», 2000.

³ Дёмин, К. Е. Особенности составления заключения эксперта при выполнении трасологических экспертиз : учеб. пособие / К. Е. Дёмин. — М. : Юридический институт МИИТ, 2016.

оставленного им на полотне входной двери в квартиру жертвы серийного убийцы¹.

Таким образом, мы предлагаем назвать данное направление как «криминалистическая отоскопия», под которым следует понимать раздел гомеоскопии, в котором изучаются свойства и анатомические характеристики ушных раковин человека при их следовом отображении и разрабатывающий научно-технические средства, приемы и методы обнаружения, фиксации, изъятия и исследования этих следов с целью раскрытия, расследования преступлений.

Литература

1. Криминалистическая техника: учебник для вузов / К. Е. Дёмин [и др.]; ответственный редактор К. Е. Дёмин — М.: Издательство Юрайт, 2021

2. A Survey on Ear Biometrics [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<https://www.researchgate.net/publication/262276608> (дата обращения: 14. 10. 2022 г.).

3. Kasprzak J. Otokopia kryminalistyczna: System identyfikacji, zagadnienia dowodowe//Wydaw. Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego. — Olsztyn, 2003.

4. Песиков Я.С., Рыбалко С.Я. Атлас клинической аурикулотерапии. – М.: Изд-во «Медицина», 2000.

5. Дёмин, К. Е. Особенности составления заключения эксперта при выполнении трасологических экспертиз : учеб. пособие / К. Е. Дёмин. — М. : Юридический институт МИИТ, 2016.

6. Серийного маньяка нашли по отпечатку уха [Электронный ресурс] <http://www.ntv.ru/novosti/54884/> (дата обращения: 23.09.2022).

Дуга С.В., Сиделёва Е.Н.

Участие специалистов в области компьютерной техники и экономики в ходе проведения изъятия и осмотра данных из информационной базы «1С: Предприятие»

Аннотация. в статье анализируется тактика привлечения специалистов в области компьютерной техники и экономики к следственным действиям, связанным с обнаружением, изъятием, фиксацией и осмотром сведений из информационной базы «1С: Предприятие». Описываются действия специалиста в области компьютерных технологий по обнаружению источника информации, анализу первичных исходных данных, в том числе возможность удаленного доступа и управления, а также по выгрузке и копированию информации из интересующей базы данных. Отражается порядок действий специалиста в области экономики в целях предварительного анализа информационной базы, выявления в ней требуемой для следствия информации, а также по формированию документов для копирования и выгрузки.

¹ Серийного маньяка нашли по отпечатку уха [Электронный ресурс] <http://www.ntv.ru/novosti/54884/> (дата обращения: 23.01.2019).

Ключевые слова: специалист, специальные знания, следственное действие, информационная база «1С: Предприятие».

В 2021 году наиболее значительная доля зарегистрированных преступлений (41%) относится к сфере экономической деятельности. Почти каждое пятое преступление (17,5%) было направлено против государственной власти и интересов госслужбы, около 6% составили налоговые преступления¹.

Основные доказательства по уголовным делам в сфере экономической деятельности отражаются в бухгалтерском и налоговом учете организации, ведущейся в настоящее время с помощью компьютерной техники, которая представляет собой multifunctional вычислительно-коммуникационный инструмент ведения финансово-хозяйственной деятельности.

Компьютерная информация применительно к процессу доказывания может быть определена как фактические данные, обработанные компьютерной системой и доступные для восприятия, на основе которых в определенном законом порядке устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного, гражданского или административного дела². Изъять и приобщить к материалам дела непосредственно информацию нельзя, но поскольку она неотделима от носителя, именно носители становятся особой категорией объектов криминалистического исследования³.

Ведение бухгалтерской и налоговой отчетности осуществляется организациями как в бумажном, так и в электронном виде в информационных базах и одна из самых распространенных баз это «1С: Предприятие».

Информационная база «1С: Предприятие», содержащая сведения о финансово-хозяйственной деятельности юридического или физического лица, сохраняется в соответствии с требованиями ведения бухгалтерского учета организаций в Российской Федерации. Система программ «1С: Предприятие» состоит из технологической платформы (ядра), разработанных на ее основе прикладных решений («конфигураций»)⁴. Для хранения данных предметной области, поддерживаемых конфигурацией, используются информационные базы, которые включают конфигурацию, базу данных, а также дополнительную информацию необходимую для администрирования⁵. Схематично информационная база представлена на рисунке 1.

¹ Генеральная Прокуратура Российской Федерации, Портал правовой статистики // <http://crimestat.ru/a№alytics>.

² Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика. Учебник для вузов. Под ред. Р.С.Белкина. М.: НОРМА-ИНФРА. М, 2000. С. 954.

³ Россинская Е.Р., Семикаленова А.И., Рядовский И.А., Сааков Т.А., Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: Монография, М.: Проспект, 2022. С. 42.

⁴ Система программ 1С: Предприятие, официальный сайт // <https://v8.1c.ru/tekh№ologii/overview/>.

⁵ Система программ 1С: Предприятие, официальный сайт // <https://its.1c.ru/db/v8devgloss/co№te№et/16/hdoc>

Рис.1 Информационная база программы «1С: Предприятие».

Взаимодействие пользователей с информационной базой осуществляется посредством клиентского приложения, которое осуществляет подключение к файлу базы данных, кластеру серверов «1С: Предприятие» или к веб-серверу.

При использовании файловой базы данных все данные хранятся в одном файле. Указанный файл может располагаться как на компьютере пользователя, так и на сетевом ресурсе в локальной сети. Данный вариант работы предполагает небольшое количество работающих с базой данных пользователей.

По мнению О.Ю. Антонова и А.Г. Себякина, такая база может быть обнаружена самим следователем самостоятельно, без привлечения специалиста в области компьютерной техники методом контекстного поиска¹. Однако, в ходе подготовки к проведению следственного действия, направленного на обнаружение данной базы, не всегда имеется доказательственная информация о ее ведении таким образом на конкретном компьютере пользователя, а возможны следующие варианты:

Рис.2 Вариант работы с использованием файловой базы данных программы «1С: Предприятие»².

¹ См.: Антонов О.Ю., Себякин А.Г. Особенности использования специальных знаний в области экономики и компьютерной техники при расследовании экономических преступлений // Вестник Удмуртского университета. Серия экономика и право. 2017. Т. 27, вып. 5. С. 101-102.

² Система программ 1С: Предприятие, официальный сайт // <https://its.1c.ru/db/v8devgloss/coNoteNet/102/hdoc/01>

Клиент-серверный вариант работы является более производительным и рассчитан для работы большего числа пользователей. По архитектуре клиент-серверный вариант состоит из следующих взаимодействующих частей (рис. 3):

- клиентское приложение;
- кластер серверов «1С: Предприятие»;
- система управления базами данных.

Рис.3 Клиент-серверный вариант работы программы «1С:Предприятие»¹.

Вариант работы посредством веб-сервисов позволяет организовать удалённый доступ, в том числе через сеть Интернет, для работы с информационной базой (рис.4).

Рис.4 Вариант работы программы «1С:Предприятие» посредством веб-сервисов².

Для пользовательской работы с программой предусмотрены следующие клиентские приложения, реализующие пользовательский интерфейс:

- «Толстый клиент»;
- «Тонкий клиент»;
- «Веб-клиент».

¹ Там же.

² Система программ 1С: Предприятие, официальный сайт // <https://v8.1c.ru/platforma/web-servisy/>

Использование в качестве пользовательского интерфейса «Толстый клиент» и «Тонкий клиент» предполагает установку клиентского приложения на компьютер пользователя. При этом «Толстый клиент» не предусматривает использование сети Интернет для подключения к информационной базе. В свою очередь, «Тонкий клиент» предоставляет возможность подключаться к информационной базе как по локальной сети, так и через сеть Интернет. В отличие от предыдущих клиентских приложений, «Веб-клиент» не требует установки клиентского программного обеспечения на компьютер пользователя, для доступа к информационной базе используется веб-браузер.

Кроме того, существует возможность удаленного подключения к компьютеру/серверу как при помощи специализированных программ для удаленного доступа, так и при помощи встроенных в операционную систему средств (рис. 5).

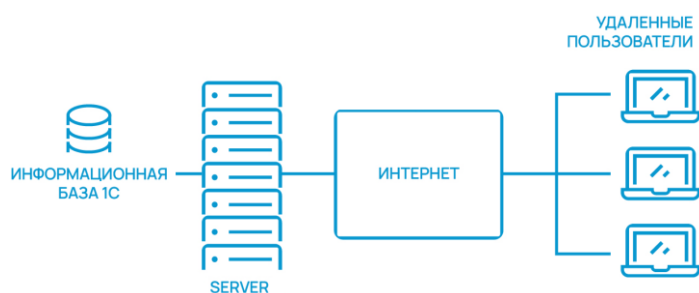

Рис.5 Вариант работы программы «1С:Предприятие» посредством виртуальных рабочих мест.

Для примера можно привести приложение «Удаленный рабочий стол», входящий в состав операционной системы «Microsoft Windows». На основе данного приложения создаются виртуальные рабочие места с программами, файлами и т.д., при этом вся информация хранится на сервере. Данный пример выбран не случайно, именно такой вариант подключения на практике встречается наиболее часто.

Из вышесказанного следует:

1) при использовании интерфейса «Толстый клиент» и «Тонкий клиент» на компьютер пользователя устанавливается клиентское приложение, что в свою очередь повлечет создание файлов приложения и иной информации на компьютере;

2) при использовании интерфейса «Веб-клиент» клиентское программное обеспечение на компьютере пользователя не устанавливается, файлы приложения не создаются, однако сведения о работе сохраняются в браузере;

3) при использовании виртуального рабочего места на компьютере пользователя отсутствует какая-либо информация о работе с файлами и программами, однако присутствуют сведения о подключении к удаленному рабочему месту.

Ввиду вышеизложенного, как показывает практика, при изъятии информационных баз без участия специалиста в области компьютерной техники в некоторых случаях следователем неверно определяется используемая

архитектура и способ доступа к базе, в результате чего информация копируется не в полном объеме или вовсе не копируется.

Таким образом, при производстве следственных действий, целью которых является обнаружение и копирование информационных баз, считаем необходимым привлечение специалиста в области компьютерной техники:

- для выявления используемой архитектуры;
- установления способа работы с информационной базой.

Также целесообразно привлекать специалиста в области экономики для выгрузки из базы данных только необходимых в рамках расследуемого дела сведений, поскольку копирование всей базы может занять значительное время, а в случае ее удаленного использования – просто невозможно.

Основываясь на практике и позиции О.Ю. Антонова и А.Г. Себякина, согласно которой оптимальной процессуальной формой использования специальных знаний в целях поиска и обнаружения компьютерной информации в ходе расследования экономических преступлений является участие в следственных действиях, направленных на обнаружение, фиксацию, изъятие и осмотр электронных документов бухгалтерской и налоговой отчетности (обыск, выемка, осмотр места происшествия, осмотр документов) специалиста в области экономики совместно со специалистом в области компьютерной техники¹, рекомендовано следователям Следственного комитета Российской Федерации (далее – Следственный комитет, СК России) привлекать к производству в качестве специалистов сотрудников Судебно-экспертного центра СК России (далее – СЭЦ), который в соответствии с организационно-распорядительными документами Следственного комитета осуществляет экспертное сопровождение предварительного следствия.

Основными задачами данных следственных действий является обнаружение информационной базы «1С: Предприятие» конкретной организации, в отношении сотрудников которой производится предварительное расследование, а также извлечение и копирования из нее необходимой информации. Отдельно следует отметить специфику обыска, который как правило сопряжен с активным противодействием со стороны лиц, в помещении где он проводится.

Основанием для проведения рассматриваемых следственных действий являются данные, установленные в ходе расследования преступления экономической направленности о наличии у конкретного лица или в месте нахождения конкретной организации информационной базы «1С: Предприятие», содержание которой имеет значение для уголовного дела. При этом оптимально в рамках подготовки к проведению следственного действия выяснить, в каком из перечисленных выше вариантов ведется искомая база, какова используемая архитектуры системы «1С: Предприятия», получить сведения о наличии/отсутствии сервера, его местоположении, рабочих местах конкретных пользователей.

¹ См.: Антонов О.Ю., Себякин А.Г. Указ. раб. С. 109.

Как было указано, первая задача следственного действия решается специалистом в области компьютерной техники, а после ее разрешения вторая – специалистом в области экономики. Следует отметить, что сотрудники подразделений судебно-экономических исследований СЭЦ имеют свидетельства о пройденных сертифицированных курсах по изучению работы с информационной базой «1С: Предприятие», что подтверждает получение навыков и знаний в работе с данной информационной базой.

Первоначально следует установить рабочее место, с которого осуществлялась работа в системе «1С: Предприятие». Для этого необходимо:

- определить наличие/отсутствие установленного клиентского приложения;
- произвести поиск файлов информационных баз;
- определить наличие/отсутствие программ для удаленного доступа;
- проанализировать историю посещений браузеров.

При анализе клиентского приложения следует обратить внимание на перечень информационных баз пользователя. Необходимо установить место расположения информационной базы, которая может располагаться, как было показано ранее, на этом же компьютере, в локальной сети, веб-сервере, сервере «1С: Предприятие». При наличии нескольких зарегистрированных в операционной системе пользователей необходимо выполнить вышеперечисленные процедуры поиска для каждого пользователя.

В то же время следует учитывать, что при сетевом расположении информационной базы не всегда возможно осуществить копирование в полном объеме:

- сетевой доступ может быть утрачен в процессе копирования;
- отсутствие необходимых пользовательских прав;
- большой объем информации и/или низкая пропускную способность канала связи.

Таким образом, может сложиться ситуация, когда доступ к базе данных есть, но:

- он ограничен по времени;
- имеются ограничения учетной записи, не позволяющие произвести копирование в полном объеме;
- канала связи не позволяет скопировать имеющийся объем данных в разумные сроки.

Перечисленные примеры показывают, что при производстве следственных действий в целях обнаружения базы «1С: Предприятие» необходимо привлекать специалиста в области компьютерной техники, после достижения которой целесообразно привлекать специалиста в области экономики для выгрузки из базы данных только сведений, необходимых в рамках расследуемого уголовного дела.

Задача специалиста в области экономики произвести осмотр Панели функций информационной базы, проанализировать имеются ли в данной информационной базе сведения по интересующей организации; в соответствии с поставленной следователем задачей выбрать необходимый участок учета для работы («Предприятие», «Банк», «Касса», «Покупка», «Продажа», «Склад»,

«Производство», «Основные средства», «Нематериальные активы», «Зарплата», «Кадры»). Находясь на нужной закладке Панели функций специалист в области экономики формирует за интересующий следствии период справочники, отчеты, журналы, сводные и первичные документы, присущие конкретному разделу учета.

Дополнительно, руководствуясь научным подходом о том, что в рамках преступной деятельности кроме основного состава преступления, по которому производится расследование, могут совершаться иные взаимосвязанные преступления¹, следует отметить, что в ходе проводимого в рамках следственного действия изучения обнаруженной информационной базы «1С Предприятие» специалистом в области экономики может быть получена следующая информация, требующая дополнительной проверки, к примеру:

- при сверке налогового учета и отчетности – показатели занижения налоговой базы по налогам, сборам, страховым взносам;
- при сверке контрагентов – сомнительные организации и операции, свидетельствующие о совершении правонарушений, хищений;
- при сверке бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности – показатели, свидетельствующие о фиктивном или преднамеренном банкротстве;
- при сверке договоров и приказов – нарушения законодательства в области заключения государственных контрактов, притворных и мнимых сделок (например, когда юридически контрагента не существует вовсе, либо он прекратил свою деятельность до заключения договора).

Однако объем такой дополнительной информации и возможности выявления по ней дополнительных преступлений требуют самостоятельного научного исследования и экспертной оценки.

Сформированные специалистом в области экономики документы из информационной базы «1С: Предприятие» печатаются на бумажном носителе либо сохраняются в электронном виде, трансформированные в формат Microsoft Excel на не перезаписываемый носитель.

Таким образом, считаем обоснованным и необходимым следователям СК России привлекать к проведению следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятию данных из информационной базы «1С: Предприятие», специалистов в области компьютерной техники и экономики из числа сотрудников СЭЦ СК России в предложенном в настоящей статье порядке.

Литература

1. Генеральная Прокуратура Российской Федерации, Портал правовой статистики // <http://crimestat.ru/analytics>.

¹ См.: Антонов О.Ю. Криминалистическая структура взаимосвязанных видов преступлений: содержание, классификация и использование в целях разработки комплексных методик расследования преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94). С.161-170.

2. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика. Учебник для вузов. Под ред. Р.С.Белкина. М.: НОРМА-ИНФРА. М, 2000.

3. Россинская Е.Р., Семикаленова А.И., Рядовский И.А., Сааков Т.А., Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: Монография, М.: Проспект, 2022.

4. Система программ 1С: Предприятие, официальный сайт // <https://v8.1c.ru/tekhnologii/overview/>.

5. Система программ 1С: Предприятие, официальный сайт // <https://its.1c.ru/db/v8devgloss/content/16/hdoc>

6. Антонов О.Ю., Себякин А.Г. Особенности использования специальных знаний в области экономики и компьютерной техники при расследовании экономических преступлений // Вестник Удмуртского университета. Серия экономика и право. 2017. Т. 27, вып. 5.

7. Система программ 1С: Предприятие, официальный сайт // <https://its.1c.ru/db/v8devgloss/content/102/hdoc/01>

8. Система программ 1С: Предприятие, официальный сайт // <https://v8.1c.ru/platforma/web-servisy/>

9. Антонов О.Ю. Криминалистическая структура взаимосвязанных видов преступлений: содержание, классификация и использование в целях разработки комплексных методик расследования преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94).

Жаворонков В.А.

**Информационные технологии в судебной экспертизе
маркировочных обозначений транспортных средств
как средство получения весовых доказательств по делу**

Аннотация. В статье рассмотрены потенциальные возможности повышения эффективности экспертной работы государственными экспертными учреждениями в аспекте информационного обеспечения процесса производства экспертиз.

Ключевые слова: экспертная деятельность, маркировочные обозначения, информационные массивы заводов-производителей.

Внедрение в экспертную практику последних достижений науки и техники предполагает в дальнейшем получение определенных положительных результатов: повышение эффективности работы экспертно-криминалистических подразделений (далее – ЭКП) МВД России, сокращение сроков производства экспертиз, однозначности выводов по результатам проведения исследований и пр. По мнению ведущих криминалистов страны, с чем, безусловно, стоит согласиться, в современных условиях судебно-экспертная деятельность (далее – СЭД) вообще невозможна без внедрения последних

научных достижений, в том числе и в информационной сфере¹. В связи с тем, что на ЭКП ОВД возлагаются задачи, без решения которых невозможно расследование практически ни одного уголовного преступления, производство судебных экспертиз можно отнести к узловым моментам предварительного следствия. В результате проведенных экспертиз и исследований следствие получает весомые и неопровержимые доказательства, изобличающие преступников в совершении преступлений, именно выводы эксперта позволяют подтвердить или опровергнуть те или иные следственные версии и, в конечном счете, повысить результативность деятельности самих следственных аппаратов.

Наряду с необходимостью соблюдения основных принципов СЭД при производстве судебных экспертиз, обязательным условием качественной работы ЭКП является соблюдение сроков их производства, что зачастую зависит от достаточно большого количества факторов не поддающихся предварительному учету и анализу, например, необходимости обращения к внешним источникам информации: направлением запросов в различные организации и на предприятия, продолжительный периодом ожидания представления запрашиваемых сведений, а возможно и повторное осуществление этих действий.

В связи с современными особенностями способов криминального изменения первичной идентификационной маркировки транспортных средств (далее – ТС), производство судебных экспертиз маркировочных обозначений (далее – МО) ТС в настоящее время практически невозможно без обращения к информационным массивам заводов-изготовителей, что связано с увеличением сроков производства экспертиз. Безусловно, внутриведомственные приказы и инструкции предусматривают сроки производства экспертиз и исследований в зависимости от их сложности и объема тех исследований, которые они включают в себя, а в необходимых случаях предполагают увеличение сроков производства экспертиз. Однако в рассматриваемом виде судебной экспертизы очень часто складываются ситуации, не позволяющие конкретизировать эти сроки. Это связано с необходимостью получения сведений, хранящихся в базах данных, которые неподведомственны правоохранительной системе вообще и МВД России в частности. Обращение к этим информационным массивам предполагает достаточно длинную цепочку последовательных процессуальных действий, порядок и сроки выполнения которых не зависят от деятельности сотрудников правоохранительных органов и являются трудно контролируемыми с их стороны. Между тем необходимо помнить, что своевременность выполнения судебных экспертиз – это один из основных показателей эффективности работы ЭКП, который опосредованно влияет и на показатели работы следователей, качество работы которых (как один из

¹ Россинская, Е. Р. Современное состояние и перспективы цифровизации судебно-экспертной деятельности / Е.Р. Россинская // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. Материалы VII Международной научно-практической конференции (г. Москва, 17-18 января 2019 г.), – М.: РГ-Пресс, 2019. С. 409.

основных показателей) оценивается по количеству законченных и направленных в суд уголовных дел.

Поэтому своевременное получение необходимой для производства судебных экспертиз информации, является необходимым условием успешного решения задач, поставленных перед ЭКП, а также перед подразделениями, которые непосредственно связаны с расследованием преступлений. Активное внедрение в экспертную практику информационных и цифровых технологий, а также обеспечение эффективного функционирования механизма получения информации из различных источников позволит использовать их как инструмент успешного и оперативного решения задач, стоящих перед ЭКП ОВД, строго соблюдать сроки производства судебных экспертиз и во многом упростить работу исполнителей, освободив их от анахронизма бумажной волокиты.

Раскрытие и расследование преступлений, предусмотренных ст. 326 УК РФ¹ остается весьма актуальной проблемой на современном этапе борьбы с преступностью. В соответствии с российским уголовным законодательством подделка или уничтожение идентификационного номера ТС образует самостоятельный состав преступления. Вместе с тем, очень часто это преступление тесно связано с другими, представляющими повышенную общественную опасность деяниями: кража (ст. 158 УК РФ), грабеж (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ), образуя в совокупности с ними достаточно сложные преступные схемы, в которые вовлекается, порой, достаточно большое количество лиц. Изменение первичной идентификационной маркировки ТС, в этом случае, является лишь одним из промежуточных этапов этой преступной схемы; основной же ее целью – перепродажа похищенного ТС как целого изделия или его разукomплектование и продажа деталей, узлов и агрегатов по отдельности. Первый вариант для преступников, безусловно, является более предпочтительным, поскольку приносит наибольший доход.

Для того, чтобы сбыть похищенное ТС, помимо самой кражи преступникам необходимо провести целый комплекс подготовительных мероприятий по его легализации: изменить маркировочные данные на кузове (раме), двигателе и других агрегатах ТС, изготовить поддельные регистрационные документы (изготовить новые или внести изменения в имеющиеся), подыскать покупателя, разработать легенду на случай возникновения у него каких-либо подозрений и пр. При наличии у преступников подлинных документов регистрационного учета на ТС, которое, например, попало в серьезное дорожно-транспортное происшествие и не подлежит восстановлению или пострадало в результате стихийных бедствий (пожара, наводнения и пр.), задача значительно упрощается. Приобретая такое ТС за бесценок, преступники получают легальные документы, которые не вызовут подозрений ни у сотрудников полиции, ни у потенциальных покупателей, и им остается только изменить МО на похищенном ТС.

¹ Подделка или уничтожение идентификационного номера транспортного средства.

Несмотря на то, что совершение угонов и хищений ТС в России в последние годы имеет некоторую тенденцию к сокращению¹, их количество пока остается на достаточно высоком уровне: по данным аналитических агентств нашей страны за 2021 год в России было совершено 13 549 хищений ТС, причем, их большая часть именно с целью последующей перепродажи. Нельзя забывать и о повышенной общественной опасности части преступлений, объектом которых являются ТС; помимо причинения достаточно значительного материального ущерба, их совершение зачастую сопряжено с насильственными действиями, представляющими угрозу для жизни и здоровья потерпевших, а иногда и окружающих, если при их совершении, например, используется огнестрельное оружие.

При проведении экспертиз и исследований с целью установления первичной (заводской) идентификационной маркировки ТС эксперту приходится сталкиваться со многими проблемами, затрудняющими решение поставленных перед ним вопросов. Одна из основных на сегодняшний день – отсутствие непосредственного доступа к информационным массивам заводов-производителей. Дело в том, что в последнее время произошла кардинальная переориентация в выборе способов криминального изменения первичной (нанесенной на заводе-изготовителе) маркировки ТС. Так, если в конце 1990-х начале 2000-х годов маркировочные обозначения в основном подвергались частичному изменению: изменялись элементы знаков, отдельные знаки или их группа (часть маркировочного обозначения), то в настоящее время в подавляющем большинстве случаев (по оценкам экспертов-практиков – это 80–85%) заводская маркировка уничтожается полностью. Все известные исполнителям элементы комплектации с дополнительной и производственной маркировкой при этом демонтируются или уничтожаются. В результате таких действий процесс идентификации ТС при исследовании самих МО на кузове (раме) и двигателе в подавляющем большинстве случаев просто невозможен; традиционные методы установления измененной маркировки (метод химического травления, метод магнитооптического контроля и пр.), хорошо зарекомендовавшие себя на практике, при описанных выше обстоятельствах становятся абсолютно неэффективными. В этом случае непосредственный доступ экспертов к базам данных заводов-производителей становится просто необходимым средством, не только расширяющим возможности экспертных учреждений по решению задач, связанных с идентификацией ТС в новых условиях, но и во многих случаях единственным средством, позволяющим однозначно ответить на поставленные перед экспертом вопросы.

Решение обозначенных проблем в первую очередь лежит в плоскости разработки нормативно-правовой базы механизма непосредственного доступа сотрудников государственных экспертных учреждений к соответствующим информационным массивам, поскольку положения существующих

¹ См.: Жаворонков, В. А. Информационно-компьютерное обеспечение судебной экспертизы маркировочных обозначений транспортных средств : учебное пособие. – М. : Издательство Юрлитинформ. – 2020.

нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность ЭКП в этой области, существенно отстали от требований времени. Учитывая новейшие тенденции в сфере информационных и цифровых технологий, необходимо по-новому взглянуть на потенциальные возможности повышения эффективности работы с информацией, предоставив больше самостоятельности государственным экспертным учреждениям в информационном обеспечении процесса производства экспертиз и исследований.

Литература

1. Россинская, Е. Р. Современное состояние и перспективы цифровизации судебно-экспертной деятельности / Е.Р. Россинская // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. Материалы VII Международной научно-практической конференции (г. Москва, 17-18 января 2019 г.), – М.: РГ-Пресс, 2019.

2. Жаворонков, В. А. Информационно-компьютерное обеспечение судебной экспертизы маркировочных обозначений транспортных средств : учебное пособие. – М. : Издательство Юрлитинформ. – 2020.

Захарова В.О.

Особенности допроса эксперта

Аннотация. В статье поднимаются проблемы допроса эксперта, предложены различные классификации этого действия. Автором выделены основные запреты на допрос эксперта на стадии предварительного расследования, предложены рекомендации по производству допроса эксперта, особо подчеркиваются типичные следственные ошибки, допускаемые следователями в ходе производства допроса эксперта.

Ключевые слова: эксперт, допрос, следователь, ошибки при допросе, рекомендации при допросе.

Истории предварительного расследования не известны факты, когда установление истины происходило без такого важного следственного действия как допрос. Конечно, в первую очередь, речь идет от допросе потерпевшего и свидетеля, подозреваемого и обвиняемого¹.

По ряду уголовных дел возникает необходимость в допросе эксперта. Есть следователи, которые злоупотребляют своим правом на допрос эксперта и допрашивают этого участника уголовного судопроизводства когда надо и когда не надо. В том числе по этой причине (чтобы не допустить неправомерных допросов эксперта) эта деятельность получила достаточно подробную регламентацию в ст. 205 УПК РФ.

¹ См.: Захарова В.О. Допрос эксперта: рекомендации и ошибки // Российский следователь. – 2020. - № 5. – С. 21-24.

Но не только следователь может быть инициатором допроса эксперта. Этим правом обладают и другие участники уголовного судопроизводства.

Во-первых, с ходатайством к следователю может обратиться:

- потерпевший (его представитель);
- подозреваемый (обвиняемый) и их защитник;
- свидетель (если экспертиза производилась в его отношении)¹.

Во-вторых, допрос эксперта может быть произведен по инициативе:

- руководителя следственного органа;
- прокурора.

В-третьих, эксперт может быть допрошен по косвенной инициативе суда (в ходе возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом)².

Несмотря на то, что показания эксперта являются самостоятельным доказательством, они неразрывно связаны с заключением эксперта. Иными словами, допрос эксперта может быть произведен только после представления им заключения и в связи с ним.

Решение о производстве допроса эксперта принимается в связи с необходимостью:

- разъяснения данного заключения,
- повышения доказательственного значения заключения,
- получения новых доказательств.

Основные запреты на допрос эксперта на стадии предварительного расследования	
	• до возбуждения уголовного дела;• после уведомления об окончании предварительного расследования;• после принятия решения о приостановлении или прекращении уголовного дела;
	до представления экспертом заключения;
	по поводу сведений, ставших эксперту известными в связи с производством судебной экспертизы, если они не относятся к предмету данной судебной экспертизы

В ряде случаев допрос эксперта может повлечь процессуальные нарушения (например, когда вместо допроса эксперта необходимо было назначить повторную или дополнительную судебную экспертизу).

Кроме того, по отдельным уголовным делам в ходе допроса эксперта могут быть выявлены:

- основания для отвода эксперта (предусмотренные ст. 70 УПК РФ);
- некомпетентность эксперта в поставленных перед ним вопросах¹.

¹ См.: Захарова В.О. О следственных ошибках, связанных с участием свидетеля в расследовании уголовного дела // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – Т. 16. - № 16. - № 1. - С. 171-174.

² См., например: Захарова В.О. О некоторых требованиях к осуществлению прокурорского надзора за предварительным следствием // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2017. - № 2(16). – С. 99-102.

Криминалистические рекомендации по производству допроса эксперта	
1	тактически верно определить место допроса эксперта: - обычно - это служебный кабинет следователя, реже – служебный кабинет эксперта (допрашивать эксперта в служебном кабинете его руководителя либо на дому – не рекомендуется, хотя, как исключение – возможно (например, если в кабинете эксперта производится ремонт либо он находится на больничном с переломом конечности, а получить от него показания очень важно);
2	способ вызова на допрос эксперта необходимо выбирать в зависимости от конкретной ситуации (чаще всего - через руководителя экспертного учреждения либо по телефону; как вариант - путем направления (вручения) повестки) ² ;
3	надлежит тщательно изучить заключение эксперта; сопоставить его с другими материалами уголовного дела; выявить противоречия или неясные следователю формулировки;
4	тщательно подготовиться к допросу; заранее составить вопросы, которые необходимо задать эксперту; в случае необходимости, следователю получить консультацию у специалиста;
5	к участию в допросе эксперта при необходимости (а при наличии заключения эксперта по высокотехнологичным видам судебных экспертиз: компьютерно-технических и т.п. – желательно) привлекать специалиста ³ ;
6	к участию в допросе эксперта, при необходимости, привлекать руководителя следственного органа либо руководителя или члена следственной группы ⁴ (то есть производить так называемый перекрестный допрос);
7	подготовить материалы уголовного дела и вещественные доказательства, которые могут быть предъявлены эксперту в ходе производства его допроса;
8	при необходимости, в ходе производства допроса эксперта проводить аудио- и (или) видеозапись;
9	в протоколе допроса указывать следующие данные эксперта: образование, наличие ученой степени (ученого звания), прохождение повышения квалификации, место работы и должность, стаж работы (в т.ч. экспертной), наличие (отсутствие) оснований для отвода;
10	желательно излагать: - показания эксперта - в виде «вопрос-ответ»; - дополнения и уточнения эксперта – собственноручно (при необходимости);
11	приветствовать изготовление экспертом в ходе допроса схем, чертежей, рисунков, диаграмм, предлагать ему их изобразить, но не настаивать в этом.

¹ См.: Захарова В.О. О допросе эксперта на стадии судебного производства: уголовно-процессуальные, криминалистические и организационные аспекты // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2016. - № 1(11). – С. 159-164.

² См.: Захарова В.О. О способах вызова на допрос следователем // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2016. - № 3(13). – С. 85-87.

³ См., например: Использование специальных знаний при расследовании преступлений: учебное пособие / под ред. А.И. Бастрыкина. – М., 2016.

⁴ См.: Захарова В.О. Осуществление уголовного преследования следственной группой // Lex russica (Русский закон). – 2016. - № 2(111). – С. 110-121.

В этой связи можно выявить типичные следственные ошибки, допускаемые следователями в ходе производства допроса эксперта:

1) допрос эксперта производить на этапе доследственной проверки, а также после окончания предварительного расследования;

2) необоснованно игнорировать ходатайства участников уголовного судопроизводства о необходимости допроса эксперта¹;

3) подменять допрос эксперта назначением дополнительной или повторной судебной экспертизы;

4) вместо назначения судебной экспертизы – допрашивать эксперта;

5) не разъяснять эксперту права, обязанности, не предупреждать об ответственности;

6) задавать вопросы, не относящиеся к предмету исследования;

7) нарушать этические нормы и правила в ходе допроса эксперта².

Всегда необходимо помнить, что любая, даже самая незначительная следственная ошибка, может привести к безнаказанности виновного и привлечению к ответственности невиновного лица³.

Литература

1. Использование специальных знаний при расследовании преступлений: учебное пособие / под ред. А.И. Бастрыкина. – М., 2016.

2. Захарова В.О. Допрос эксперта: рекомендации и ошибки // Российский следователь. – 2020. - № 5.

3. Захарова В.О. О следственных ошибках, связанных с участием свидетеля в расследовании уголовного дела // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – Т. 16. - № 16. - № 1.

4. Захарова В.О. О некоторых требованиях к осуществлению прокурорского надзора за предварительным следствием // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2017. - № 2(16).

5. Захарова В.О. О допросе эксперта на стадии судебного производства: уголовно-процессуальные, криминалистические и организационные аспекты // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2016. - № 1(11).

6. Захарова В.О. О способах вызова на допрос следователем // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2016. - № 3(13).

7. Захарова В.О. Осуществление уголовного преследования следственной группой // Lex russica (Русский закон). – 2016. - № 2(111).

¹ См., например: Захарова В.О. Рассмотрение ходатайств следователем: правовые и нравственные аспекты // Российский следователь. – 2018. - № 1. – С. 15-17.

² См., например: Захарова В.О. Нравственные требования к деятельности следователя: проблемы и пути их решения. – 2017. - № 1(15). – С. 120-122; Захарова В.О. Этические нормы производства допроса // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2017. - № 3(17). – С. 123-126.

³ См., например: Новые следственные ошибки / под ред. А.М. Багмета. – М., 2019.

Примеси металлов в нефтепродуктах как характеристические признаки для решения задач их идентификации

Аннотация: в статье рассмотрена возможность качественной идентификации бензинов и дизельного топлива путем сопоставления количественных содержаний их металлических примесей. Приведены основные пути поступления примесей металлов в топлива. Определены современные аналитические методы, применимые для решения задач диагностики металлов и металлоорганических соединений в нефтепродуктах. Показаны выявленные на практике преимущества и недостатки рассмотренных методов.

Ключевые слова: идентификация, интенсификатор горения, пожарно-техническая экспертиза, нефтепродукты, металлы.

Преступления, связанные с пожарами, влекут человеческие жертвы и значительный материальный ущерб, чем нередко вызывают серьезный общественный резонанс. Однако, раскрываемость преступных деяний, связанных с пожарами, остается на довольно низком уровне по причине значительного, в первую очередь термического, разрушения объекта преступного посягательства и уничтожения его следов.

В процессе расследования подобных криминальных деяний следственными органами среди прочих назначаются судебные пожарно-технические экспертизы, задачами которых являются ответы на вопросы о расположении очага пожара и технической причине возгорания. Необходимо отметить, что среди причин возникновения пожара особо выделяются поджоги, совершаемые с целью сокрытия иного преступления. Целью преступника в таком случае является максимально возможное уничтожение тела потерпевшего, что допустимо только при использовании интенсификаторов горения ввиду особенностей строения человеческого организма. В такой ситуации важное или даже определяющее значение имеет достоверное решение не только задач типовой и видовой диагностики интенсификатора горения, который был обнаружен на месте пожара¹, но и идентификации, то есть установления тождества двух исследуемых проб.

В настоящее время в существующих методиках установления причины пожара, являющегося результатом поджога с применением интенсификатора горения, акцент ставится на установлении органической составляющей нефтепродукта и решении задачи диагностики. Сложности исследования объектов-носителей остаточных количеств нефтепродуктов связаны в первую очередь с физико-химическими свойствами последних, так как большинство из

¹ Ивахнюк, С.Г. К вопросу идентификации нефтепродуктов при производстве пожарно-технических экспертиз / С.Г. Ивахнюк, П.В. Порошин // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы : Материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 25–26 марта 2021 года. – Москва: Российский государственный университет правосудия, 2021. – С. 259-262.

доступных и используемых злоумышленниками интенсификаторов горения являются производными легких нефтяных фракций с низкой температурой кипения и высокой летучестью. Учитывая их нахождение во время пожара в зоне воздействия открытого пламени и в области высоких температур, органическая составляющая нефтепродуктов подвергается необратимому термическому видоизменению, что не позволяет в дальнейшем изъять ее в необходимом для исследования количестве. Помимо прочего, исследовав органическую составляющую нефтепродукта невозможно выявить характеристические признаки того или иного образца, что не допускает дальнейшего идентификационного сравнения нескольких образцов. Тем самым не обеспечивается получение содержательных и достоверных выводов, которые бы позволили утверждать об их происхождении из одного источника.

Индивидуализирующие признаки, характерные для определенного образца термически видоизмененного нефтепродукта, будут способствовать дальнейшему сопоставлению изъятых с места происшествя пробы интенсификатора горения с пробой, например, бензина из канистры, обнаруженной при производстве следственных действий в процессе расследования преступления. Общая картина специфических индивидуализирующих признаков позволит сформировать сравнительный критерий для того или иного образца.

Совпадение такого критерия для обнаруженного на месте пожара образца термически измененного нефтепродукта с таковым, но изъятым в жилище или автомобиле подозреваемого, окажет значительное влияние на дальнейшее развитие расследования и позволит сократить его время.

В качестве сравнительного критерия для нефтепродуктов предлагается использовать количественное содержание соединений металлов в них. Наличие в топливах, полученных в результате переработки нефти, металлов в виде тех или иных соединений может являться следствием ряда причин:

привнесением соединений из прорабатываемого сырья – нефти либо ее фракций (ванадий, никель, железо, кальций, калий, алюминий, ртуть, цинк, молибден, хром);

влиянием катализаторов, применяемых на некоторых стадиях процесса нефтепереработки (кобальт, молибден, вольфрам, никель, алюминий и кремний);

при транспортировке, перекачке и хранении нефтепродуктов в различных емкостях, трубопроводах и резервуарах (железо, медь, цинк, алюминий, а также ряд других металлов);

технологическим введением присадок для придания топливам необходимых эксплуатационных свойств (свинец, железо, марганец, литий, никель, хром, медь, барий).

Подобная практика реализована при сравнительном анализе количественных соотношений металлов, содержащихся в нефти, что дает возможность установить марку нефти и месторождение ее добычи. Применительно непосредственно к нефти такой подход является в настоящий момент

достаточно апробированным и используемым на практике в различных областях.

Металлы в индивидуальном виде, а также их соли, в гораздо меньшей степени подвержены изменению в результате воздействия высоких температур возникающих на пожаре, поэтому значения парных отношений количеств металлов в различных нефтепродуктах могут рассматриваться в качестве параметров для сравнения их образцов. Следовательно, помимо установления типовой и видовой диагностики возможно решение задачи сравнительной идентификации нескольких образцов нефтепродуктов.

В целях решения задачи идентификации нефтепродуктов достаточным условием может являться определение количественного содержания в соединениях следующих металлов: серебро (Ag), алюминий (Al), барий (Ba), кальций (Ca), хром (Cr), медь (Cu), железо (Fe), калий (K), магний (Mg), марганец (Mn), молибден (Mo), натрий (Na), никель (Ni), свинец (Pb), стронций (Sn), титан (Ti), ванадий (V), цинк (Zn).

Следует отметить важное значение ванадия в сопоставлении с другими металлами, в первую очередь, с никелем. Именно ванадий и никель представляют собой особую пару элементов, образующих в нефти металлопорфириновые хелатные комплексы. Кроме того, ванадия и никеля в нефти содержится значительно больше, чем остальных металлов¹.

Информация о количественном содержании ванадия (V) относительно количественного содержания никеля (Ni), а также о парных соотношения количеств других металлов формирует своеобразный «отпечаток пальца» («fingerprint») для каждой конкретной пробы. В дальнейшем она может быть использована для решения задачи идентификации двух исследуемых образцов нефтепродуктов.

Отечественными учеными проводились исследования, подтверждающие возможность определения в нефтепродуктах количественных содержаний металлов. Основными методами при этом являлись:

метод пламенной атомно-абсорбционной спектроскопии, основанный на измерении величин резонансного поглощения аналитических линий, содержащихся в атомных спектрах элементов и соответствующих источников излучения – ламп с полым катодом для каждого определяемого элемента, – атомным паром, образующимся при пламенной атомизации растворов анализируемых проб; при анализе проводится длительная процедура минерализации образцов, при этом не исключены потери элементов, образующих легколетучие соединения²;

метод масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой, являющийся многоэлементным методом анализа и отличающийся высокой

¹ Геохимическая специфика нефти и происхождение ее месторождений / А.А. Маракушев, Б.И. Писоцкий, Н.А. Панях, Р.П. Готтих // Доклады Академии наук. – 2004. – Т. 398. – № 6. – С. 795-799.

² Приваленко А.Н., Балак Г.М., Баграмова Э.К., Зуева В.Д., Пуляев Н.Н. Атомно-абсорбционное определение содержания металлов в нефтяных топливах // Автомобильный транспорт. 2013. С. 97-108.

чувствительностью; тем не менее прямое определение металлов в нефтепродуктах данным методом является непростой задачей по причине нестабильности или гашения плазмы, атомных интерференций, нагара на элементах интерфейса и ионных линзах, матричного эффекта¹;

метод атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно-связанной плазмой, который является наиболее доступным в реализации из перечисленных; однако, данный метод уступает по чувствительности двум предыдущим, поэтому применим, как правило, для определения элементов с высоким содержанием, таких как ванадий (V) и никель (Ni)².

Результаты исследований позволяют сделать вывод о наличии принципиальной возможности обнаружения в нефтепродуктах соединений металлов и установления их индивидуальных количеств. Последующий анализ соотношений количественного содержания металлов открывает возможность решения задачи сравнительной идентификации двух проб нефтепродуктов.

Литература

1. Ивахнюк, С.Г. К вопросу идентификации нефтепродуктов при производстве пожарно-технических экспертиз / С.Г. Ивахнюк, П.В. Порошин // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы : Материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 25–26 марта 2021 года. – Москва: Российский государственный университет правосудия, 2021.

2. Геохимическая специфика нефти и происхождение ее месторождений / А.А. Маракушев, Б.И. Писоцкий, Н.А. Панеях, Р.П. Готтих // Доклады Академии наук. – 2004. – Т. 398. – № 6.

3. Приваленко А.Н., Балак Г.М., Баграмова Э.К., Зуева В.Д., Пуляев Н.Н. Атомно-абсорбционное определение содержания металлов в нефтяных топливах // Автомобильный транспорт. 2013.

4. Марютина Т.А., Катасонова О.Н., Савонина Е.Ю., Спиваков Б.Я. Современные способы определения микроэлементов в нефти и ее отдельных фракциях // Журнал аналитической химии. 2017. Т. 72. № 5.

5. Коркина Д.А., Делятинчук Н.Н., Гринштейн И.Л. Прямое высокочувствительное определение элементов в бензине, керосине и растворах минеральных масел методом атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно-связанной плазмой // Заводская лаборатория. Диагностика материалов. 2019. Т. 85. № 7.

¹ Марютина Т.А., Катасонова О.Н., Савонина Е.Ю., Спиваков Б.Я. Современные способы определения микроэлементов в нефти и ее отдельных фракциях // Журнал аналитической химии. 2017. Т. 72. № 5. С. 417-436.

² Коркина Д.А., Делятинчук Н.Н., Гринштейн И.Л. Прямое высокочувствительное определение элементов в бензине, керосине и растворах минеральных масел методом атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно-связанной плазмой // Заводская лаборатория. Диагностика материалов. 2019. Т. 85. № 7. С. 7-15.

Назначение транспортных судебных экспертиз: особенности собирания исходных

Аннотация. Анализ заключений эксперта по судебным транспортным экспертизам позволил сделать вывод о том, что при их назначении следователи направляют в распоряжение экспертов материалы уголовного дела, в которых имеются сведения, имеющие отношение к транспортному происшествию. К ним относятся исходные данные, собранные и зафиксированные при производстве следственных действий. В этой связи автором в настоящей статье рассмотрены некоторые вопросы собирания исходных данных в ходе осмотра места происшествия и допроса для последующего назначения судебной транспортной экспертизы.

Ключевые слова: допрос, исходные данные, осмотр места происшествия, следователь, специалист, судебная транспортная экспертиза.

Председатель Следственного комитета Российской Федерации Александр Иванович Бастрыкин на совещании, проходившем в Московской академии Следственного комитета по вопросам работы диссертационного совета, обратил особое внимание на положительное решение Министерства науки и высшего образования Российской Федерации о включении в паспорт новой научной специальности 5.1.4 вопросов, связанных с судебной экспертологией. Александр Иванович отметил, что теоретические, методические и организационные вопросы судебно-экспертной деятельности ввиду их актуальности в настоящее время должны отдельно рассматриваться в новых диссертациях¹.

Довольно часто практика (следственная, судебная и экспертная) определяет развитие теоретических знаний в судебной экспертизе. Анализ и обобщение современной следственной и экспертной практики показывают, что, несмотря на отсутствие отдельных (родов) видов судебных экспертиз в специальных перечнях, разработанных в государственных экспертных учреждениях, нередко их результаты успешно используются при расследовании преступлений.

Как отмечает П. А. Жердев, «Чем богаче арсенал методов, которые используют следователи, прокуроры, эксперты, другие участники судопроизводства, тем увереннее и качественнее они способны выполнять свои обязанности. Чем выше умения и навыки использования существующих методов у следователей, тем полнее они способны выявлять, пресекать и предотвращать преступные посягательства, устранять обстоятельства, способствовавшие их совершению, тем всестороннее, полнее и объективнее

¹ Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин провел организационное заседание нового диссертационного совета [Электронный ресурс]: URL: http://academy-skrf.ru/about_the_university/news/detail.php?ID=1957 (дата обращения: 28.12.2022).

они способны познавать обстоятельства преступления, раскрывать его, собирать доказательства и доказывать виновность конкретного лица»¹.

К числу таких судебных экспертиз относятся судебные транспортные экспертизы, теоретические, методические и организационные вопросы которых в последнее время нами активно разрабатываются².

Одной из особенностей производства судебных транспортных экспертиз является то, что их результаты целиком и полностью зависят от представленных следователем и судом исходных данных, наличие которых, как справедливо пишет А. М. Зинин, позволяет эксперту составить обоснованное заключение³. Данное требование нашло свое отражение в существующих методиках по производству автотехнических судебных экспертиз⁴.

Под исходными данными следует понимать совокупность научных, технических, опытных и справочных сведений об обстоятельствах транспортного происшествия и свойствах объектов экспертизы, содержащихся в постановлении (определении) о назначении экспертизы и (или) в представленных материалах дела, используемых экспертом при проведении исследования и дачи заключения⁵.

Вместе с тем, эксперт не вправе оценивать правильность исходных данных, поскольку они устанавливаются в ходе следственных действий. Если в процессе дальнейшего расследования или судебного разбирательства выясняется, что сообщенные эксперту исходные данные неверны, то его заключение будет признано недостоверным⁶.

По нашему мнению, собирание исходных данных в ходе следственных действий является своего рода подготовительным этапом при назначении судебных транспортных экспертиз. Оттого, насколько качественно будет проделана эта работа, будут зависеть результаты самих экспертных исследований.

Наиболее важным, а зачастую сложным, трудоемким и продолжительным следственным действием на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере нарушений правил безопасности движения и эксплуатации транспорта является осмотр места происшествия, который во многих случаях является единственным источником получения доказательственной информации.

¹ Жердев П. А. Использование криминалистических средств и методов в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 3 (36). С. 143–149.

² См., например, Ильин Н. Н. Транспортные судебные экспертизы: возникновение, развитие и современное состояние / Н. Н. Ильин // Эксперт-криминалист, 2021. № 4. С. 13–15.

³ Зинин А. М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник. – М.: Проспект, 2011. С. 202.

⁴ Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: Ч. 1 / Под ред. канд. техн. наук Ю. М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В. В. Мартынова. – М.: ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС. 2010. С. 4.

⁵ Криминалистическая энциклопедия [Электронный ресурс]: URL: <https://rus-criminalistics-enc.slovaronline.com/344> (дата обращения: 28.12.2022).

⁶ Зинин А. М. Участие специалиста в процессуальных действиях. Указ. соч. С. 202–203.

В протоколе осмотра места происшествия должны быть отражены общие и специальные сведения о месте происшествия. В некоторых следственных отделах на транспорте сами следователи разработали специальные бланки протоколов осмотра места происшествия. Например, по делам о происшествиях на железнодорожном транспорте в протоколе фиксируются: расположение места происшествия (на железнодорожной станции или железнодорожном перегоне; географические координаты¹); наименование пути сообщения (наименование железной дороги, ее направление, километр, пикет, в случае наличия строения, указывать точный географический адрес и удаленность от места происшествия); количество железнодорожных путей, их назначение (общего и необщего пользования), профиль (протяженность прямого участка в обоих направлениях, наличие изгиба в горизонтальной плоскости, его длина, видимость), состояние железнодорожного пути (сухое, мокрое, покрыто льдом, снегом и т. д.); средства регулирования движения; освещение; условия, ухудшающие видимость и др.².

Учитывая возможную неосведомленность следователей в специальных вопросах, полагаем, что для их решения целесообразно привлекать различных специалистов, с помощью которых собирается и фиксируется криминалистически значимая информация, содержащаяся в документах:

- по технической эксплуатации транспортного средства (приказы, инструкции, правила, регламенты и т. д.);
- о техническом состоянии транспортного средства (диагностические карты, акты проверок и т. д.);
- по техническому расследованию транспортного происшествия (например, расшифровка бортовых самописцев при авиaproисшествии);
- о транспортном происшествии (заклучения или акты расследования транспортного происшествия, протоколы следственных действий, фототаблицы, схемы и т. д.);
- о лице, управляющем транспортным средством (водительское удостоверение, летная книжка пилота, судовая роль и т. д.);
- о дополнительных обстоятельствах транспортного происшествия (например, метеорологическая документация).

Сведения, полученные из указанных выше документов, также выступают в качестве исходных данных.

Информация, полученная в ходе допроса (свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых), может также выступать в качестве исходных данных при назначении судебной транспортной экспертизы, но предварительно

¹ В протоколе осмотра места авиационного происшествия указывается направление движения воздушного судна и контрольная точка аэродрома (КТА), являющаяся, как правило, геометрическим центром главной взлетно-посадочной полосы и определяющая географическое местоположение аэродрома.

² Ильин Н. Н. Собираение исходных данных в ходе осмотра места происшествия при назначении транспортно-технической судебной экспертизы // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – Хабаровск: Изд-во Дальневосточного юридического института МВД России, 2020. – № 1 (50). С. 94–100.

она должна быть оценена следователем в соответствии с уголовно-процессуальным законом.

Всех свидетелей, которые подлежат допросу при расследовании преступлений на объектах транспорта, предлагаем разделить на следующие виды:

1) свидетели-очевидцы, не находившиеся в салоне транспортного средства;

2) свидетели из числа пассажиров, оставшихся в живых;

3) сведущие свидетели, обладающие специальными знаниями и владеющие сведениями, необходимыми для установления обстоятельств, имеющих значение для конкретного уголовного дела, которые связаны с расследуемым событием:

а) случайно оказались в районе транспортного происшествия;

б) имеют отношение к организации, где работают подозреваемые, обвиняемые, и которой принадлежит транспортное средство, участвовавшее в происшествии.

Существенное значение для производства судебной транспортной экспертизы (преимущественно, автотранспортной и железнодорожно-транспортной) имеет информация, полученная при допросе потерпевшего, пострадавшего в результате воздействия на него транспортного средства. Например, согласно методике производства автотехнической судебной экспертизы в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России, при ее назначении в качестве исходных данных выступает информация о пешеходе: расстояние, которое преодолел пешеход, будучи в поле зрения водителя транспортного средства, а также скорость, с которой двигался пешеход в процессе перемещения¹. Данные сведения позволяют оценить момент возникновения опасности для движения, с технической точки зрения.

Вопросы к пострадавшему в результате травмирования частями поезда (как правило, это зажатие дверями) должны быть также направлены на получение значимой информации. Например, следует выяснить: какие конкретные действия выполнял сам потерпевший; слышал ли он предупредительные сигналы о закрытии дверей, подаваемые машинистом; видел ли он помощника машиниста, осуществляющего контроль за закрытием дверей поезда и т.п. Данные вопросы помогут следователю отграничить действия членов локомотивной бригады от признаков состава преступления, предусмотренного ст. 263 УК РФ.

В рамках допроса реализуется одна из главных задач, связанная с решением и получением ответов на юридические вопросы, на которые эксперт не вправе отвечать в рамках производства судебной экспертизы. Их можно разделить на следующие группы:

– какими нормативными актами должны руководствоваться допрашиваемые лица при осуществлении своих действий;

¹ Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: Ч. 1 / Под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина. Общ. ред. канд. техн. наук В.В. Мартынова. М.: ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС, 2010. С. 6.

- в чьи обязанности входило совершение того или иного действия;
- о последовательности и соответствии требованиям конкретных нормативно-правовых актов действий лица, управлявшего транспортным средством (пилота, судоводителя, машиниста) или иных лиц;
- о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (факт нарушения, кто нарушил и какие именно требования нормативных документов были нарушены).

Вместе с тем следует отметить следующее важное обстоятельство: информация, содержащаяся в показаниях допрашиваемых лиц, с экспертной точки зрения, не является «исходными данными», поскольку носит субъективный характер. В данном случае она должна быть оценена следователем или судом до вынесения постановления (определения) о назначении судебной транспортной экспертизы в соответствии со ст. 88 УПК РФ. Только после такой оценки указанная информация может использоваться при назначении судебных транспортных экспертиз.

Литература

1. Коркина Д.А., Делятинчук Н.Н., Гринштейн И.Л. Прямое высокочувствительное определение элементов в бензине, керосине и растворах минеральных масел методом атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно-связанной плазмой // Заводская лаборатория. Диагностика материалов. 2019. Т. 85. № 7.
2. Жердев П. А. Использование криминалистических средств и методов в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 3 (36).
3. Ильин Н. Н. Транспортные судебные экспертизы: возникновение, развитие и современное состояние / Н. Н. Ильин // Эксперт-криминалист, 2021. № 4. С. 13–15.
4. Зинин А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник. – М.: Проспект, 2011.
5. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: Ч. 1 / Под ред. канд. техн. наук Ю. М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В.В. Мартынова. – М.: ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС. 2010.
6. Криминалистическая энциклопедия [Электронный ресурс]: URL: <https://rus-criminalistics-enc.slovaronline.com/344> (дата обращения: 28.10.2022).
7. Зинин А. М. Участие специалиста в процессуальных действиях. Указ. соч. С. 202–203.
8. Ильин Н. Н. Собираение исходных данных в ходе осмотра места происшествия при назначении транспортно-технической судебной экспертизы // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – Хабаровск: Изд-во Дальневосточного юридического института МВД России, 2020. – № 1 (50).

9. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: Ч. 1 / Под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина. Общ. ред. канд. техн. наук В.В. Мартынова. М.: ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС, 2010.

Казачек Е.Ю.

Ошибки назначения судебно-медицинских экспертиз при расследовании уголовных дел по медицинским преступлениям

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые проблемы назначения следователем судебно-медицинских экспертиз при расследовании уголовных дел по медицинским преступлениям и предложены рекомендации.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, медицинские преступления, экспертные ошибки.

Как известно, медицинские работники, выполняя важнейшую государственную функцию, зачастую не застрахованы от совершения противоправных деяний, совершаемых в форме неосторожности¹.

Как показывает анализ следственной практики, несмотря на многочисленные методики расследования медицинских преступлений, предложенные следственным органам, расследование таких преступлений, практически всегда представляет сложность. Данные сложности связаны с отсутствием универсальной методики расследования, четких методик лечения заболеваний, а также отсутствие у следователей специальных знаний в области оказания медицинской помощи.

По мнению большинства следователей, отправной точкой в расследовании являются комиссионные судебно-медицинские экспертизы, назначаемые фактически по каждому заявлению о совершенной врачебной ошибке.

В рамках одной экспертизы не только устанавливается причина смерти и тяжесть вреда здоровью, но и выявляются различные дефекты оказания медицинской помощи, приводящие к неблагоприятному, а иногда и к летальному исходу. При производстве экспертизы дается оценка качества оказания медицинской помощи сразу по нескольким клиническим профилям (например, акушерство, гинекология и неонатология, травматология и анестезиология и т.д.).

Бесспорно, доказать факт ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей медицинским работником сложно, и трудно согласиться с тем, что на сегодняшний день именно результат судебно-медицинской экспертизы, является единственным подтверждением виновности медицинского работника, так как без специальных познаний нельзя сделать однозначный вывод о том, имеется ли прямая причинно-следственная связь

¹ Флоря В. Н. Рецензия на монографию члена-корреспондента РАМН, профессора Ю. Д. Сергеева и кандидата медицинских наук Ю. В. Бисюка «Ненадлежащее оказание экстренной медицинской помощи (экспертно-правовые аспекты). Научно-практическое руководство» // Мед. право. 2008. № 3. с. 118.

между деянием субъекта и наступившим общественно опасными последствиями¹.

В связи с этим, следователи при расследовании медицинских преступлений сталкиваются с серьёзной проблемой назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз.

Изучив порядка 40 уголовных дел по медицинским преступлениям, при назначении следователями Следственного комитета Российской Федерации судебно-медицинских экспертиз были выявлены следующие типичные недостатки:

Во-первых, экспертизы для устанавливается причины смерти и тяжести вреда здоровью и выявления дефектов оказания медицинской помощи, требуют привлечения врачей клинических специальностей, которые не всегда предусмотрены штатным расписанием и как правило, отсутствующих в Бюро судмедэкспертизы. В этой связи, на этапе назначения экспертизы необходимо установление тесной взаимосвязи следствия с отделом комиссионных экспертиз, для уточнения клинического профиля специалиста, необходимого для разрешения вопросов, поиска данного специалиста, привлечения его к производству экспертизы и определения его правового статуса.

Практика показывает, что в случае поиска клинических специалистов, руководитель Бюро судмедэкспертизы обращается к руководителю Департамента здравоохранения субъекта Российской Федерации или главному специалисту по профильной специальности, то этот процесс существенно удлиняет сроки производства экспертизы, так как срок производства экспертизы начинается с момента поступления всех материалов в экспертное учреждение, а фактическое исполнение экспертизы может начаться более, чем через месяц.

Кроме того, врач-эксперт (клинического профиля) при оценке качества оказания медицинской помощи должен владеть не только знаниями и умениями в определенной отрасли медицины, но и знать организационно-правовые основы, действующие в отрасли нормативные акты, стандарты, порядки, регламенты и т.д.

Во-вторых, при производстве данного вида экспертиз следователями не представляется необходимым, полный комплект документов (медицинские документы, материалы ведомственных проверок и др.). Медицинская документация в данном виде экспертиз выступает основным объектом исследования при решении вопроса о причине неблагоприятного исхода медицинских мероприятий.

Очевидно, что если представляемые медицинские документы оказываются недостаточно полными, то эксперты лишаются возможности ответить на некоторые вопросы, их выводы оказываются неконкретными, а в ряде случаев и неправильными с позиции соответствия содержащихся в них суждений

¹ Сучков А. В. Проблемы назначения судебной экспертизы // Инновации в государстве и праве России: матер. Междунар. науч.- практ. конф. Н. Новгород, 2008. С.120.

объективной действительности. В последствии это может привести к неправильной юридической оценке произошедшего события.

В этой связи к предоставляемым объектам предъявляются высокие требования, должны быть представлены медицинские документы в оригиналах и результаты всех проведенных по рассматриваемому случаю дополнительных исследований (компьютерные и магнитно-резонансные томограммы, рентгенограммы в твердых копиях и/или электронных носителях, гистологические препараты биопсийного материала, электрокардиограммы и т.д.).

Однако, как правило, на этапе назначения в экспертное учреждение поступают документы неудовлетворительного качества в виде копий медицинских карт, в неполном объеме, с множественными дефектами копирования, что не позволяет однозначно трактовать имеющиеся в них сведения. Ходатайства по предоставлению оригиналов медицинских документов часто оказываются не удовлетворенными, поскольку медицинские учреждения отказываются их предоставлять в связи с отсутствием.

При этом следователи, на наш взгляд, не в полной мере пользуются правами, которыми наделены действующим законодательством в части истребования медицинских документов в медицинских учреждениях, хотя получение медицинской документации должно быть произведено неотложно, поскольку имеется вероятность изменения (или уничтожения) сведений, содержащихся в ней.

Кроме того, в распоряжение экспертов должны представляться имеющие отношение к предмету экспертизы либо материалы проверки либо материалы уголовного дела: объяснения (протоколы допросов) медицинских работников, протоколы врачебных комиссий по данному случаю (результаты ведомственных проверок), экспертизы качества оказания медицинской помощи, проведенные в ФФОМС или ТФОМС, нормативные документы, действующие в данной отрасли медицины федерального и регионального уровня и действующие в конкретном лечебном учреждении и т.п.

Однако, как правило, полноценные материалы проверки к моменту назначения экспертизы отсутствуют, а собираются следователем уже после получения заключения комиссии экспертов, что приводит в дальнейшем к назначению ряда дополнительных экспертиз (обусловлено недостаточностью первично проведенных следственных действий), целью которых стоит лишь пояснение для следователя вновь открывшихся сведений. С учетом неполноты медицинских документов и материалов проверки, в конечном итоге, это может закончиться назначением повторной или дополнительной экспертизы, поскольку первичные выводы могут представляться необъективными при появлении новых данных.

На наш взгляд, на момент назначения судебно-медицинской экспертизы следователь уже должен иметь представление о сути исследуемого события и иметь вопросы, которые не могут быть им разрешены при отсутствии медицинских знаний.

В-третьих, постановление следователя часто перегружено вопросами, не входящими в компетенцию эксперта и, как правило, носящими правовой характер, например, «кто несет ответственность за выявленные дефекты оказания медицинской помощи?», «кем из медицинских работников допущен тот или иной дефект оказания медицинской помощи?» и т.п.

Значительным количеством нецелесообразных на наш взгляд, вопросов (например, «каковы причины подобных заболеваний?», «какими заболеваниями больной страдал в течение всей жизни?» и т.д.), например, ответ на последний вопрос требует бесполезного изучения огромного количества документов, при этом, совершенно не относящихся к данному случаю.

Часто вопросы носят дублирующий характер, сформулированы алогично. Избежать таковых вопросов можно при предварительном их согласовании с экспертом (заведующим отделом).

В-четвертых, зачастую, родственники потерпевших, не соглашаясь с выводами экспертизы, продолжают настаивать на назначении как повторных, так и дополнительных экспертиз. Сроки по уголовным делам затягиваются, а экспертизы назначаются повторно в другие регионы за счет средств федерального бюджета. В этой ситуации, на наш взгляд, необходимо использовать, изложенное в определении Конституционного суда¹ мнение, согласно которому «Подозреваемому, обвиняемому, его защитнику не может быть отказано в производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела (часть вторая статьи 159 УПК Российской Федерации). По смыслу содержащихся в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации нормативных предписаний в их взаимосвязи с положениями статей 45, 46 (часть 1), 50 (часть 2) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, такой отказ возможен лишь в случаях, когда соответствующее доказательство не имеет отношения к уголовному делу, по которому ведется расследование, и не способно подтверждать наличие или отсутствие события преступления, виновность или невиновность лица в его совершении, иные обстоятельства, подлежащие установлению при производстве по уголовному делу, когда доказательство, как не соответствующее требованиям закона, является недопустимым либо когда обстоятельства, которые призваны подтвердить указанное в ходатайстве стороны доказательство, уже установлены на основе достаточной совокупности других доказательств, в связи с чем исследование еще одного доказательства оказывается с позиций принципа разумности избыточным».

Подводя итог, можно отметить, что учет указанных типичных недостатков позволит следователям, специализирующимся на расследовании уголовных дел, о преступлениях, связанных с ненадлежащим осуществлением медицинским

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2016 № 207-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чарушникова Андрея Леонидовича на нарушение его конституционных прав пунктами 3 и 3.1 части второй статьи 74, статьями 80 и 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

работником своих профессиональных обязанностей избежать криминалистических и процессуальных ошибок в следственной практике. Изложенные типичные недостатки будут приняты во внимание и учтены следователями при назначении судебных экспертиз, что существенно позволит сократить сроки производства экспертиз, а значит и сроков расследования.

Литература

1. Флоря В. Н. Рецензия на монографию члена-корреспондента РАМН, профессора Ю. Д. Сергеева и кандидата медицинских наук Ю. В. Бисюка «Ненадлежащее оказание экстренной медицинской помощи (экспертно-правовые аспекты). Научно-практическое руководство» // Мед. право. 2008. № 3. с. 118.

2. Сучков А. В. Проблемы назначения судебной экспертизы // Инновации в государстве и праве России: матер. Междунар. науч.- практ. конф. Н. Новгород, 2008. С.120.

Кулешова А.А.

К вопросу о проведении лингвистических исследований по делам, связанным с распространением заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации и с дискредитацией их действий

Аннотация. в статье рассмотрены некоторые проблемы при проведении лингвистических исследований по делам, связанным с распространением заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и с дискредитацией их действий.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, распространение заведомо ложной информации, дискредитация действий Вооруженных Сил Российской Федерации.

Введение Федеральным законом от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) статей 280.3 и 207.3 в марте 2022 года¹ в очередной раз не только актуализировало значимость лингвистических исследований в расследовании уголовных дел, но и показало высокий уровень мобилизации экспертного сообщества в ситуациях, когда требуется создать новый экспертный инструмент для оказания содействия следствию.

¹ Также Федеральным законом от 25.03.2022 № 62-ФЗ «О внесении изменений в статьи 8.32 и 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» введена ст. 20.3.3. в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, которая предусматривает наказание за совершения того же деяния, что и ст. 280.3 УК РФ, только действия не должны содержать признаков уголовно наказуемого деяния.

Так, для решения экспертных задач по новым статьям по итогам рабочей встречи подразделений МВД России, ФСБ России, СК России в апреле 2022 года было подготовлено соответствующее информационное письмо¹. Также в июне 2022 года сотрудниками ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России было подготовлено два методических письма², посвященных решению экспертных задач по данным статьям.

В целом наличие подобных информационных и методических писем позволяет говорить о наличии некой согласованной межведомственной позиции по проведению лингвистических исследований по делам, связанным с распространением заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и с дискредитацией их действий.

При этом обширная экспертная практика СЭЦ СК России показывает, что некоторые моменты производства подобных экспертиз требуют дополнительного, детального и подробного освещения.

Диспозиции ст. ст. 207.3, 280.3 УК РФ содержат в том числе следующие ключевые понятия «заведомо ложная информация», «дискредитация» и «призыв». В этой связи важно отметить, что согласно п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» недопустимо ставить правовые вопросы эксперту, решение данных вопросов относится к компетенции суда и следствия. При постановке указанных в информационном письме³ типовых вопросов риск выхода эксперта за пределы его специальных знаний максимально снижается.

Типовые вопросы, решаемые при производстве лингвистических экспертиз в рамках дел, возбужденных по ст. 207.3 УК РФ: *Имеются ли в тексте высказывания, содержащие утверждения о каких-либо действиях Вооруженных Сил Российской Федерации (российских военных, командования*

¹ Информационное письмо ФГКУ ЭКЦ МВД России от 26.04.2022 № 224-07-2022 «Об особенностях назначения и проведения лингвистических экспертиз (исследований) материалов, связанных с распространением заведомо ложной информации в отношении Вооруженных Сил Российской Федерации и дискредитацией их действий, а также с призывами к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации и ее граждан».

² Предлагаемый указанным учреждением методический подход ещё до составления данных писем нашел своё отражение в научных публикациях, находящихся в открытом доступе:

Кузнецов В.О. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о распространении заведомо ложной (недостоверной) информации под видом достоверных сообщений. Теория и практика судебной экспертизы. 2022. № 17(2). С. 49–57.

Секераж Т.Н. Методический подход к исследованию информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией применения Вооруженных Сил Российской Федерации. Теория и практика судебной экспертизы. 2022. № 17(2). С. 41–48.

³ Информационное письмо ФГКУ ЭКЦ МВД России от 26.04.2022 № 224-07-2022 «Об особенностях назначения и проведения лингвистических экспертиз (исследований) материалов, связанных с распространением заведомо ложной информации в отношении Вооруженных Сил Российской Федерации и дискредитацией их действий, а также с призывами к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации и ее граждан».

Вооруженных Сил Российской Федерации)? Имеется ли в тексте обоснование представленного утверждения о положении дел? Если да, то как оно выражено? Имеются ли ссылки на какой-либо источник информации о данной ситуации/положении дел? О каком источнике информации идет речь?

При этом в экспертной практике имеются примеры постановки эксперту следующего незначительно отличающегося от типового вопроса: *«Имеются ли в представленной на исследование публикации ХХХ в социальной сети «ХХХ» высказывания, в которых содержатся утверждения о фактах использования Вооруженных Сил Российской Федерации (российских военнослужащих) либо об их действиях?»*. Подобный вопрос, хотя и не выходит за пределы специальных знаний эксперта, требует дополнительных лингвистических пояснений.

Использование такой более развёрнутой формулировки при назначении лингвистической экспертизы создаёт дополнительный акцент на понятии «использование Вооруженных Сил Российской Федерации» и, как будто, отграничивает его от понятия «действия Вооруженных Сил Российской Федерации». На наш взгляд, подобная конкретизация является избыточной, поскольку в диспозиции ст. 207.3 УК РФ имеется формулировка «информация об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации», которая, исходя из значения используемых слов, понимается как выраженные языковыми средствами сведения о событиях действительности, положение дел, связанных с Вооруженными Силами Российской Федерации, а также их действиями.

Соответственно, при решении подобных вопросов в части «использования Вооруженных Сил Российской Федерации (российских военнослужащих)» за презумпцию эксперт принимает то, что любые свои действия Вооруженные Силы Российской Федерации осуществляют не самостоятельно, не по собственному желанию, а как минимум с ведома, с разрешения и / или по указанию (по конкретному и/или максимально обобщенному) Президента Российской Федерации (или иных подчинённых ему лиц). Данная презумпция выражена в самом словосочетании Вооруженные Силы Российской Федерации, в котором отражены отношения «зависимости-принадлежности» Вооруженных Сил от Российской Федерации. Т.е. Вооруженные Силы принадлежат Российской Федерации, являются её инструментом в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан. Данная информация является общеизвестной и общедоступной. В частности, в Федеральном законе от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» перечислены задачи Вооруженных Сил Российской Федерации, указаны условия и порядок их применения, а также их использование. Таким образом, из фоновых знаний эксперту известно, что любые действия Вооруженных Сил Российской Федерации являются использованием Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, если в исследуемом тексте не сказано обратное.

Наряду с указанным, следует отметить особенности решения и других предлагаемых информационным письмом¹ вопросов. Так, категорический положительный вывод по вопросу «*Имеются ли ссылки на какой-либо источник информации о данной ситуации/положении дел?*» нередко приводит к последующему допросу эксперта. В ходе взаимодействия со следствием была обнаружена проблема понимания слова «ссылка», различающегося у эксперта и у инициатора. Т. е. интерпретация результатов исследования и выводов могла вызывать сложности у правоприменителя.

В Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 указывается, что для придания ложной информации вида достоверной в качестве формы, способа изложения могут быть использованы ссылки на компетентные источники, высказывания публичных и прочих лиц, использование поддельных документов, видео- и аудиозаписей, документов и записей, имеющих отношение к другим событиям.

Указание на источник информации можно соотнести с используемым лингвистической наукой понятием эвиденциальности². Эвиденциальность позволяет установить то, как говорящий получил сведения о предмете речи³. То есть, в данном случае необходимо говорить о верификации ссылки, обнаруженной экспертом в тексте. Это подразумевает, что ссылка может быть проверена на истинность/реальность, а категорический положительный вывод о наличии ссылки на какой-либо источник информации указывает на верифицируемость такой ссылки. Сама же верификация (проверка на соответствие действительности) является юридической задачей и не осуществляется экспертом, т.к. выходит за пределы его специальных знаний эксперта.

О.В. Кукушкина, например, выделяет две лингвистических составляющих верификации: конкретность и наблюдаемость⁴. Грамматически это соотносится

¹ Информационное письмо ФГКУ ЭКЦ МВД России от 26.04.2022 № 224-07-2022 «Об особенностях назначения и проведения лингвистических экспертиз (исследований) материалов, связанных с распространением заведомо ложной информации в отношении Вооруженных Сил Российской Федерации и дискредитацией их действий, а также с призывами к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации и ее граждан».

² См. например:

Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92—104.

Падучева Е.В. Есть ли в русском языке грамматически выраженная категория эвиденциальности? // Рус. яз. в науч. освещении. 2013. № 2 (26). С. 9—29.

³ Hardman M. Datasource marking in the Japanese language // Evidentiality: The Linguistic Coding of epistemology / W. L. Chafe and J. Nichols (eds.). — Norwood : Ablex, 1986. P. 113—136.

⁴ Кукушкина О.В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. 2016. № 3 (43). С. 132—145.

с функцией прямых дейктических маркеров субъекта повествования (источника информации)¹.

Конкретность ссылок проявляется в следующем: номинативно обозначен источник информации – указан автор цитаты, указаны конкретные издательства и издания, газеты, журналы и др., ссылки на электронные источники, в том числе интернет-ссылки (URL), видеоролик, видеокадры с изображением названия телеканала, названия программы, названия передачи, указанием дикторов и др. Например: *по словам жителя села Бородянки Иванова А.Б.; спикер МИД РФ Захарова: «националисты в роддоме прикрывались роженицами»*. Т.е. в ссылке должны быть указаны данные, по которым можно верифицировать отраженную в данной ссылке информацию.

Косвенные дейктические отсылки к источнику информации осуществляются посредством использования языковых средств со ссылкой на всеобщее знание (*все знают, всем известно*), лексических маркеров того обстоятельства, что автор исследуемого текста получил сведения из «вторых» рук, но информанты обобщены и/или номинативно не обозначены (*по некоторым данным, по сообщениям очевидцев, сообщается*). В подобном случае можно лишь говорить о присутствии иного, отличного от автора текста, актора коммуникативной цепочки информирования, но при этом его точная идентификация невозможна.

Таким образом, в лингвистическом исследовании при ответе на вопрос о наличии ссылок эксперту необходимо проанализировать текст на наличие дейктических маркеров субъекта повествования (источника информации), и уже при наличии прямых дейктических маркеров (конкретных ссылок) давать категорический положительный вывод по вопросу.

Итак, нами были рассмотрены две проблемные области в проведении лингвистических исследований по делам, связанным с распространением заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и с дискредитацией их действий. Возникающие у экспертов и у правоприменителя вопросы связаны с разделением понятий «использование Вооруженных Сил Российской Федерации» и «действия Вооруженных Сил Российской Федерации», с представлением результатов исследования и с формулированием выводов по вопросу «*Имеются ли ссылки на какой-либо источник информации о данной ситуации/положении дел?*», при решении которого эксперту необходимо выявить наличие прямых дейктических маркеров – конкретных ссылок. Однако категория эвиденциальности является довольно широкой областью лингвистической науки, требующей дополнительной проработки во взаимосвязи с насущными задачами лингвистической экспертизы.

¹ Падучева Е.В. Есть ли в русском языке грамматически выраженная категория эвиденциальности? // Рус. яз. в науч. освещении. 2013. № 2 (26). С. 9–29.

Литература

1. Информационное письмо ФГКУ ЭКЦ МВД России от 26.04.2022 № 224-07-2022 «Об особенностях назначения и проведения лингвистических экспертиз (исследований) материалов, связанных с распространением заведомо ложной информации в отношении Вооруженных Сил Российской Федерации и дискредитацией их действий, а также с призывами к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации и ее граждан».
2. Кузнецов В.О. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о распространении заведомо ложной (недостоверной) информации под видом достоверных сообщений. Теория и практика судебной экспертизы. 2022. № 17(2).
3. Секераж Т.Н. Методический подход к исследованию информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией применения Вооруженных Сил Российской Федерации. Теория и практика судебной экспертизы. 2022. № 17(2).
4. Информационное письмо ФГКУ ЭКЦ МВД России от 26.04.2022 № 224-07-2022 «Об особенностях назначения и проведения лингвистических экспертиз (исследований) материалов, связанных с распространением заведомо ложной информации в отношении Вооруженных Сил Российской Федерации и дискредитацией их действий, а также с призывами к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации и ее граждан».
5. Информационное письмо ФГКУ ЭКЦ МВД России от 26.04.2022 № 224-07-2022 «Об особенностях назначения и проведения лингвистических экспертиз (исследований) материалов, связанных с распространением заведомо ложной информации в отношении Вооруженных Сил Российской Федерации и дискредитацией их действий, а также с призывами к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации и ее граждан».
6. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3.
7. Падучева Е.В. Есть ли в русском языке грамматически выраженная категория эвиденциальности? // Рус. яз. в науч. освещении. 2013. № 2 (26).
8. Hardman M. Datasource marking in the Jaqi language // Evidentiality: The Linguistic coding of epistemology / W. L. Chafe and J. Nichols (eds.). — Norwood : Ablex, 1986.
9. Кукушкина О.В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. 2016. № 3 (43).
10. Падучева Е.В. Есть ли в русском языке грамматически выраженная категория эвиденциальности? // Рус. яз. в науч. освещении. 2013. № 2 (26).

Международно-правовые основы использования результатов генотипоскопического исследования в криминалистических целях

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые проблемы при проведении генотипоскопических исследований.

Ключевые слова: генотипоскопические исследования, правовые основы, криминалистические учеты.

Стремительное развитие современных технологий в области генотипоскопических исследований, заострило на себе особое внимание общества, что повлекло необходимость более тщательной регламентации данной сферы общественных отношений. В частности, первостепенным стал вопрос, касающийся соблюдения прав и свобод человека при обработке генетических данных. Несмотря на значительно возрастающее влияние подобных технологий, сам статус генетических данных до не давнего времени оставался неясным. Это обусловило принятие различных документов на международном уровне.

Так как генетическая информация по своей сути является персональной, составляющей каждого из индивидов, возникает необходимость в правовом регулировании общественных отношений, связанных с оборотом такой информации. При этом, правовое регулирование оборота такой информации, связанное с защитой таких персональных данных, осуществляется на международном уровне.

Одним из таких международных правовых актов является Конвенция Совета Европы (ETS № 108 Страсбург 28 января 1981 года) о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных¹. Данная Конвенция была ратифицирована Российской Федерацией в 2005 г. В этом международном документе в ст. 1 обозначена цель: в обеспечении на территории каждой Стороны для каждого физического лица, независимо от его гражданства или местожительства, уважения его прав и основных свобод, и в частности его права на неприкосновенность частной жизни, в отношении автоматизированной обработки касающихся его персональных данных так называемая – «защита данных».

При этом персональные данные подразумевают под собой любую информацию об определенном или поддающемся определению физическом лице. Таким образом, к ней можно отнести и генетическую информацию.

Автоматизированная (машинная) обработка данных подразумевает их хранение. Проведение логических или арифметических операции с массивами данных, их модифицирование, уничтожение, поиск а также распространение при помощи автоматизированных средств полностью или частично.

¹ Конвенция Совета Европы (ETS № 108) о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, заключенная в городе Страсбург 28 января 1981 года. // Бюллетень международных договоров. Апрель 2014 г. №4.

Может ли генетическая информация считаться подвергнутой автоматизированной обработке? Наш ответ, да может. Ведь эксперт, проводя генотипоскопическое исследование, использует автоматизированные системы, позволяющие провести ряд операций, направленных на извлечение генетической информации, с дальнейшей ее идентификацией и установлением лица, которому эта информация принадлежит.

В статье 5 конвенции о защите персональных данных устанавливается свойство персональных данных. Персональные данные, это данные подвергающиеся автоматизированной обработке. При этом эти данные: собираются и обрабатываются на справедливой и законной основе; хранятся для определенных и легитимных целей и не используются, таким образом, который не соответствует этим целям; являются адекватными, уместными и не избыточными по отношению к целям, в которых они хранятся; являются точными и, когда это необходимо, обновляются; сохраняются в форме, позволяющей идентифицировать субъекты данных, не дольше, чем это требуется для целей, для которых эти данные хранятся.

Стоит отметить, что аналогичные требования к качеству персональных данных устанавливаются Директивой 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС от 24 октября 1995 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных¹. В отличии от конвенции Директива применяется к обработке персональных данных не только частично или полностью автоматическими средствами, но и средствами отличные от автоматических, а также к обработке персональных данных, составляющих часть картотеки или предназначенных составлять часть картотеки. Таким образом, расширяя круг объектов регулирования.

Еще одним значимым международным актом, регулирующим данный вид исследований является принятая 11 ноября 1997 г. на Генеральной конференции ООН по образованию, науке и культуре — ЮНЕСКО Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека². Именно в данной декларации в статьях 5 и 7 провозглашаются принципы согласия на проведение генетических исследований и конфиденциальности генетических данных в целях защиты прав человека и основных свобод. В свою очередь статья 9 допускает возможность ограничений, касающихся данных принципов, в соответствии с законом и по крайне серьезным причинам. Еще одним, немаловажным принципом, закрепленным в декларации, является положение о запрете дискриминации по генетическим характеристикам. Закреплению данного принципа, послужило появление вероятной угрозы данной

¹ Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 95/46/ЕС от 24 октября 1995 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных (Текст в редакции Регламента Европейского парламента и Совета ЕС 1882/2003 от 29 сентября 2003 года)// https://pd.rk.gov.ru/docs/Direktiva_Evropskogo_Parlamenta_i_Soveta_Evropskogo_Sojuz_9546ES_ot_24_oktjabrja_1995.pdf

² Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека // https://www.un.org/ru/documents/decl_co/ev/declarations/human_genome.shtml

дискриминации, из-за стремительно развивающихся технологий, в области генома человека.

Более конкретизированной в регулировке вопроса, касающегося генотипоскопического исследования, является Международная декларация о генетических данных человека принятая резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 20-м пленарном заседании 16 октября 2003 года (далее – декларация)¹.

В статье первой определяется цель данной декларации. «Цели настоящей Декларации состоят в том, чтобы: обеспечить уважение человеческого достоинства и защиту прав человека и основных свобод при сборе, обработке, использовании и хранении генетических данных человека, протеомных данных человека и биологических образцов, на основе которых они получены, в соответствии с требованиями равенства, справедливости и солидарности и с должным учетом принципов свободы мысли и свободы выражения мнения, включая свободу научных исследований; сформулировать принципы, которыми государствам следует руководствоваться при разработке своего законодательства и политики в этих вопросах; и заложить основу для руководящих принципов, касающихся надлежащей практики в указанных областях, для заинтересованных учреждений и отдельных лиц.»

Таким образом, можно говорить, о том, что в данной декларации регулируются вопросы, связанные со сбором, обработкой и использованием информации о генетических данных.

Статья вторая декларации раскрывает определение понятия «генетические данные человека». В соответствии с указанной статьей под ними понимается информация о наследуемых характеристиках отдельных лиц, полученная путем анализа нуклеиновых кислот или путем иного научного анализа.

Декларацией отмечается особый статус генетических данных человека, обозначаться цели, для которых, генетические данные человека и протеомные данные человека могут собираться, обрабатываться, использоваться и храниться. В частности, в качестве цели указывается и уголовное судопроизводство.

Стоит отметить, что в данной декларации, находят свое отражение принципы, закрепленные в ранее упомянутых международных актах. Так раздел «сбор данных» содержит положение, обязывающее все государственные учреждения и частные структуры брать при сборе генетических или протеомных данных человека, либо биологических образцов предварительное, свободное, осознанное и ясно выраженное согласие. При этом ограничение этого положения возможно внутренним законодательством лишь по веским причинам.

В соответствии с положением статьи второй данной конвенции под согласием понимается любое свободно данное, конкретное, информированное

¹ Международная декларация о генетических данных человека // <https://ru.unesco.org/themes/etika-nauki-i-tehniki/deklaratsiya-geneticheskikh-dannyykh-cheloveka>

и ясно выраженное согласие отдельного лица на сбор, обработку, использование и хранение его генетических данных.

В случае невозможности лица самому дать согласия, разрешение на использование его данных дает его юридический представитель. В отношении несовершеннолетних лиц, возможно и без получения согласия, по этическим соображениям, в случае если это имеет важное значение для здоровья в целях диагностики или оказания медицинской помощи. Стоит отметить, что даже в этом вопросе ограничения касаться лишь медицинской стороны. Однако, как известно ограничения принципа получения обязательного согласия и от взрослых лиц может быть установлено внутренним законодательством. В частности, в законодательстве многих стран закрепляются положения, разрешающие производить сбор генетических данных, а также образцов для сравнительного исследования без согласия лиц, в целях осуществления уголовного судопроизводства. Это в свою очередь не считается нарушением данной декларации, являясь веской причиной ограничения.

Декларация раскрывает содержание понятия «биологические образцы». Под ними понимается любой образец биологического материала (например, крови, кожи и костных клеток или плазмы крови), в котором присутствуют нуклеиновые кислоты, и который отражает генетическую конституцию, характерную для того или иного человека.

В статье 12 обозначается что, сбор биологических образцов, в рамках уголовного судопроизводства в частности должно осуществляться только в соответствии с внутренним правом, не противоречащим международному праву в области прав человека.

Любое лицо может иметь доступ к своим генетическим и протеомным данным, в котором не может быть отказано, за исключением случаев, когда данные необратимо отделены от соответствующего лица, или, когда в соответствии с внутренним правом подобный доступ ограничивается в интересах охраны здоровья населения, общественного порядка или национальной безопасности. Применительно к уголовному судопроизводству стоит, конечно, говорить об ограничении данного положения именно в интересах охраны общественного порядка, и в отдельных случаях и национальной безопасности в целом.

В соответствии с положениями статьи 21 декларации генетические данные человека, протеомические данные человека и биологические образцы, взятые у подозреваемого в ходе уголовного расследования, должны уничтожаться, как только в них отпадает необходимость, если иное не предусмотрено внутренним правом, не противоречащим международному праву в области прав человека. Что касается данного вопроса то и во внутреннем законодательстве некоторых стран закрепляются положения об уничтожении генетических данных и биологических образцов, если были достигнуты цели уголовного судопроизводства. Однако в данном случае стоит иметь в виду, что, если образцы уничтожаются в любом случае, то сами генетические данные в свою очередь могут быть использованы для занесения их в базу генетических данных.

Таким образом, проанализировав вышеуказанные акты международно-правового характера можно выделить ряд принципов, которые должны учитываться при проведении генотипоскопических исследований:

1. уважение чести и достоинства и защита прав и основных свобод человека;
2. конфиденциальность генетической информации;
3. запрет дискриминации по генетическим характеристикам;
4. предварительное, свободное, осознанное и ясно выраженное согласие лица на сбор его генетических данных или биологических образцов
5. использование генетических данных и взятых образцов в ходе уголовного расследования, только до тех пор, пока в них есть необходимость и только для целей расследования.
6. уничтожение генетических данных и биологических образцов, как только в них отпадает необходимость.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что международно-правовое регулирование вопросов, связанных с проведением генотипоскопических исследований, сформировалось достаточно детализировано.

Литература

1. Конвенция Совета Европы (ETS № 108) о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, заключенная в городе Страсбург 28 января 1981 года. // Бюллетень международных договоров. Апрель 2014 г. №4.

2. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 95/46/ЕС от 24 октября 1995 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных (Текст в редакции Регламента Европейского парламента и Совета ЕС 1882/2003 от 29 сентября 2003 года) // https://pd.rkn.gov.ru/docs/Direktiva_Evropejskogo_Parlamenta_i_Soveta_Evropejskogo_Sozuza_9546ES_ot_24_oktjabrja_1995.pdf.

3. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml

4. Международная декларация о генетических данных человека // <https://ru.unesco.org/themes/etika-nauki-i-tehniki/deklaratsiya-geneticheskikh-dannykh-cheloveka>.

Колотушкин С.М.

Частный судебный эксперт в российском судопроизводстве: сам по себе или конкурент

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые проблемы привлечения частных судебных экспертов и их правовые основы.

Ключевые слова: судебная экспертиза, частный судебный эксперт, судебно-экспертная деятельность.

В сложившейся на сегодняшний день ситуации в сфере судебно- экспертной деятельности частный эксперт ближе всего подходит к понятию самостоятельной и независимой фигуры. Это субъект, который характеризуется размытым и не всегда понятным статусом в экспертном сообществе, непредсказуемостью, но вместе с тем, бросающий вызов силам, которые принимают решения легально и правильно. Идиома «Дьявол кроется в деталях» относительно дискуссии о статусе и функционале частного эксперта, которая не утихает уже более десяти лет, означает, что есть важны детали, именно в них кроется вся суть проблемы. Рассмотрим кратко так называемые детали:

Во-первых, частный эксперт, являясь субъектом судебно-экспертной деятельности, не состоит в штате какого-либо государственного или негосударственного судебно-экспертного учреждения. Он производит экспертизы в порядке персонального поручения органа или лица, назначившего экспертизу.

Во-вторых, для частного эксперта производство экспертизы, как правило, не является его основной и единственной сферой трудовой деятельности. Чаще всего этот человек, имея весомый и весьма результативный опыт экспертной работы в прошлом, в настоящее время работает в близкой по его экспертной специализации области, например, в сфере образования или науки. Выполнение экспертиз – это некий факультатив, который позволяет ему:

- иметь непосредственный контакт с практикой;
- внедрять новые, не редко передовые методы экспертных исследований;
- чувствовать себя востребованным и высококлассным специалистом;
- иметь дополнительный доход за выполненную экспертизу.

В-третьих, частный эксперт, работая, как говорится «сам по себе»¹, выражает этим важнейший принцип независимости. Любой другой эксперт, входящий в состав государственного или негосударственного учреждения, гипотетически уже имеет некую зависимость (служебную, структурную, карьерную, финансовую и иную). Зависимость частного эксперта выражается только в качестве его работы, которая обеспечивает ему заслуженный авторитет, известность и перспективу дальнейшей работы в области экспертной деятельности.

В-четвертых, частный эксперт, по сравнению с другими экспертами (особенно с государственными) может реализовывать особый стиль своей работы, который выражается в незамедлительном выезде на место проведения экспертизы, работы без учета выходных дней и длительности рабочего дня, выполнение экспертиз в кратчайшие сроки, особенно когда это связано с командировками за пределы России (например, автору довелось проводить экспертизы непосредственно в Приднестровье и в Нагорном Карабахе).

¹ Всякий живет и прозябает по-своему, **сам по себе**, и делает свое маленькое дело совершенно независимо от государственных соображений. Салтыков-Щедрин М. Е., Благонамеренные речи, 1876.

В-пятых, указанные выше позиции придают частному эксперту роль конкурента, а иногда и оппонента экспертам государственных учреждений. Отсюда такое ревностное отношение к оценке его компетентности, прав и обязанностей как судебного эксперта. Чаще всего мы слышим, что частный эксперт (как и эксперт негосударственного учреждения) не подтверждает свою квалификацию каждые пять лет, как это делают в соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» эксперты государственных учреждений.

Правовая неразбериха, которая возникла в результате жарких дискуссий о проекте закона «О судебно-экспертной деятельности в РФ», и которая должна была разрешить вопросы, связанные с разработкой единых требований к квалификации государственных и негосударственных судебных экспертов, а также сертификации экспертных лабораторий, продолжается по сей день.

Интересна динамика прохождения проекта закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в Государственной Думе Российской Федерации (далее – ГД РФ):

- 29.06.2013 г. проект закона зарегистрирован в ГД РФ;
- 01.07.2013 проект закона направлен для рассмотрения в Комитет ГД РФ по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству;
- 20.11.2013 законопроект принят в первом чтении, рекомендовано представить поправки к законопроекту к 20.12.2013 г.;
- 04.07.2018 ответственным комитетом принято решение отклонить принятый в первом чтении законопроект
- 10.07.2018 принято решение перенести рассмотрение законопроекта на более поздний срок;

13.10.2021 Принято решение назначить комитеты ГД РФ восьмого созыва ответственными по законопроектам и отклоненным федеральным законам, находившимся на рассмотрении одноименных комитетов ГД РФ седьмого созыва. Принято решение назначить ответственный комитет (Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству).

В представленных этапах видны два перерыва, первый с ноября 2013 г. до июля 2018 г., когда было принято решение отклонить законопроект и перенести на более поздний срок, второй перерыв связан с процедурой переносов сроков рассмотрения отклоненных законопроектов в работе седьмого созыва ГД РФ для планирования работы следующего восьмого созыва.

Это говорит о том, что в течение восьми лет с 2013 по 2021 год поправки в проект закона внести не удалось и рассмотрение указанного закона можно сказать «заморозилось». В чем основные причины такого состояния?

По мнению автора статьи, таких причин две, первая связана с актуальностью и важностью для государства законодательного решения возникших проблем, вторая, - это несогласованность сторон, участвующих в формировании содержания предлагаемого закона.

Для иллюстрации первой причины следует привести пример принятия федерального закона в отношении гражданского оборота метательного оружия. По данным Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации за последние 10 лет браконьерство с использованием арбалетов и луков увеличилось в 14 раз, в результате в течение одного года были приняты поправки в Федеральный закон «Об оружии», что позволило ограничить в гражданском обороте метательное оружие, обладающее высокими показателями дальности и убойности стрельбы стрелами.

Возвращаясь к проекту закона «О судебно-экспертной деятельности в РФ» можно категорично высказаться, что за прошедшие восемь лет дискуссий вокруг обозначенной проблемы, не наблюдается ее острота и актуальность. Следователи, органы дознания и суды наработали практику взаимодействия как с частными экспертами, так и с экспертами негосударственных учреждений. Существуют механизмы и процедуры оценки компетентности выделенной группы судебных экспертов, не проходящих квалификацию (аттестацию) каждые пять лет. Появление таких исследований как рецензия заключения эксперта, а также заключения специалиста выполняет роль правовых инструментариев в реализации принципа состязательности. Таким образом, не реализация предлагаемого закона в течение восьми лет практически никак не отразилась на практике судебно-экспертной деятельности в России.

Вторая причина, связана с несогласованностью участников, вовлеченных в обсуждение и принятие такого закона. Рассмотрим позиции таких участников.

Частные эксперты и эксперты негосударственных учреждений не заинтересованы в принятии предлагаемого закона в силу того, что они несут издержки, связанные с затратами на подтверждение допусков на право проведения тех или иных экспертиз каждые пять лет. Сегодня их компетентность подтверждается уже имеющимися допусками, а кроме того подкрепляется опытом работы, количеством и уровнем выполненных экспертиз, учеными степенями и званиями, опубликованными научными и методическими работами, государственными наградами и иными позициями.

Эксперты государственных учреждений не заинтересованы в выработке единых требований к аттестации (сертификации) экспертов. Сегодня каждое ведомство, где функционируют государственные экспертные учреждения, имеет собственные программы подготовки судебных экспертов и требования к их аттестации. Это создает условия закрытых «клубов», где в определенных условиях можно упростить программу подготовки и «мягче» принять экзамен по аттестации эксперта. Если указанные программы и требования станут едиными, а комиссии межведомственными, то возникают риски, что отдельные, слабые по уровню своей подготовки государственные эксперты не подтвердят свою квалификацию и потеряют работу. В условиях единых программ и требований, да еще и межведомственных комиссий в выигрыше могут оказаться как раз частные и негосударственные эксперты, имеющие высокий уровень подготовки и опыт практической работы.

На практике несогласованностью участников судебно-экспертной деятельности кроме прочего еще и связана с особенностью их отношений.

Частные и негосударственные эксперты с высока смотрят на государственных, особенно в тех случаях, когда это касается рецензирования и производства повторных экспертиз. При встрече с государственными экспертами в суде частные эксперты, как правило, подготовлены лучше для дискуссии по спорным вопросам, которые касаются экспертных исследований. Сегодня сложилась такая ситуация, когда частные эксперты выступают «щуками», а государственные – «карасями». Отрицательная рецензия или повторная экспертиза с противоположными выводами, выполненная частным экспертом, может иметь негативные последствия в карьере государственного эксперта.

Другая сторона отношений – при выполнении платных экспертиз экспертом Минюста частный эксперт выступает в роли нежелательного конкурента.

Нет единства и среди сообщества негосударственных экспертных учреждений, которых в России насчитывается около трехсот. Юридический вакуум привел к тому, что сегодня более 30 негосударственных экспертных центров (бюро, палат) выдают сертификаты негосударственным экспертам, при этом у каждой такой организации разработаны свои программы и требования к аттестации.

Возвращаясь к проекту закона «О судебно-экспертной деятельности в РФ», можно констатировать, что сегодня в России нет ведомства, которое бы выступало лидером в продвижении этого закона. Содержание проекта самого закона не выражает явной и аргументированной выгоды (целесообразности) для всех участников судебно-экспертной деятельности. В настоящее время в основу предлагаемого закона положены не проблемы улучшения качества экспертных исследований, а разрешение условий и правил конкуренции между частными (в том числе и негосударственными) экспертами и экспертами государственных учреждений.

Комиссарова Я.В.

Разграничение функций эксперта и специалиста: реалии сегодняшнего дня

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые проблемы разграничения деятельности эксперта и специалиста, рассмотрены особенности взаимодействия следователя со специалистом и экспертом.

Ключевые слова: методы исследования, судебная экспертиза, эксперт, специалист.

Среди уголовно-процессуальных реалий сегодняшнего дня наиболее очевидной является рост потребности в использовании специальных знаний, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. При этом подход законодателя к определению статуса эксперта и специалиста оставляет желать лучшего. Лишенное логики «невнятное» размежевание процессуальных полномочий указанных обладателей специальных знаний длительное время

подвергается обоснованной критике со стороны ученых и практиков, предлагающих различные способы урегулирования имеющихся проблем¹.

По справедливому мнению Е.А. Зайцевой, когда «речь идет об экспертизе, для производства которой еще не подготовили экспертов, значит, эта экспертиза еще не завершила свой процесс оформления как самостоятельный вид судебной экспертизы, значит, для нее еще не разработана методика, не определены экспертные задачи, решаемые с ее помощью, не выделены четко объекты и методы исследования, не выбраны тщательно приборы, оборудование, реактивы и расходные материалы для реализации ее задач», поэтому «назначать такую экспертизу нельзя»².

К сожалению, процесс становления новых видов экспертиз долог и труден и сам по себе не может быть поставлен во главу угла при решении вопроса о целесообразности использования определенного рода специальных знаний в судопроизводстве. Потребность в их применении предопределяется характером преступной деятельности, темпы модификации которой значительно превосходят возможности государства по совершенствованию судебно-экспертной деятельности и переоснащению экспертных учреждений, финансируемых из бюджета. Человек, известный как специалист (в непроцессуальном смысле этого слова) в какой-либо области знания или сфере труда, может не иметь доступа к определенному оборудованию, не обязан знать ведомственные методики производства экспертиз различных видов, степень их апробированности и т.д. Однако в ситуации, когда его мнение способно помочь лицу, несущему бремя доказывания, в установлении обстоятельств, имеющих значение для дела, необходимость его участия в процессе не должна подвергаться сомнению. Вопрос лишь в том, в каком статусе он может и должен быть вовлечен в судопроизводство³.

Долгие годы этот вопрос на практике решался просто: следователь назначал судебную экспертизу, порой, именуя ее так, как сам считал нужным. Такой подход не противоречит действующему в России законодательству: в уголовно-процессуальном кодексе, а также в Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» нет ограничений, касающихся видового перечня экспертиз, которые могут быть назначены при производстве по уголовному делу. В каждом из ведомств, в структуре которых есть экспертные подразделения,

¹ См., например: Правовой статус и правовая регламентация участия специалиста в уголовном процессе: теоретические, процессуальные и организационные аспекты: монография / Е.А. Семенов, В.Ф. Васюков, А.Г. Волеводз; под редакцией А.Г. Волеводза; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. Москва: МГИМО-Университет, 2020.

² Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. Т. 1. С. 348-349.

³ Подробно см.: Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 219-240.

имеется перечень проводимых ими судебных экспертиз и исследований. Существование ведомственных документов не ограничивает возможности следователя, дознавателя, суда по назначению судебных экспертиз, не включенных в соответствующий перечень, с поручением их производства лицам, обладающим, по мнению того, кто экспертизу назначает, необходимыми специальными знаниями.

В последние годы стал очевиден порочный характер описанной, казалось бы, устоявшейся практики. Поскольку универсальный порядок формирования новых видов судебных экспертиз законодательно не определен, контроль за применением современных технологий экспертами косвенным образом оказался возложен на лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование. Не владея в должном объеме информацией о возможностях и ограничениях, имеющихся в той или иной области знаний, сотрудники правоохранительных органов не видят разницы между научно обоснованными и, так называемыми, «авторскими» методами экспертного исследования.

По нашему глубокому убеждению, использование «авторских» методов в ходе экспертизы допустимо исключительно в целях апробации метода и только по окончании исследования. Предварительно этот вопрос следует согласовать с лицом, назначившим экспертизу, а при производстве судебной экспертизы в отношении живых лиц еще и с подэкспертным. Полученные таким образом результаты эксперт не должен учитывать при формулировании выводов¹.

К сожалению, пока данный вопрос дискутируется, на фоне коммерциализации производства судебных экспертиз по уголовным делам псевдонаучные методы получили широкое распространение. Причем настолько, что распоряжением Правительства РФ от 16 ноября 2021 г. № 3214-р был утвержден перечень видов судебных экспертиз, проведение которых возможно исключительно в государственных судебно-экспертных учреждениях².

Очевидно, что сиюминутные запретительные меры не являются решением проблемы. Учитывая необходимость реализации назначения уголовного судопроизводства, ограничение каким-либо образом правоприменителей в использовании специальных знаний априори невозможно. Поэтому нами было предложено изменить правовое положение специалиста как участника процесса, наделив его правом проведения исследования и дачи заключения при проверке научной обоснованности заключения эксперта, а также в ситуации

¹ Эта позиция нами была изложена ранее. См.: Комиссарова Я.В. Комплексный подход или комплексирование методов при проведении судебно-психологической и судебно-психофизиологической экспертиз с применением полиграфа? // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов II Международной научной конференции, г. Нижний Новгород, 21–22 мая 2020 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2020. С. 188-193.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р «О перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» // СПС «КонсультантПлюс».

востребованности специальных знаний из сферы, которая ранее производством судебных экспертиз охвачена не была¹.

Указанная позиция обусловлена тем, что в постановлении № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», принятом Пленумом Верховного Суда РФ 21 декабря 2010 г., критерии оценки научной обоснованности выводов эксперта не были детализированы. В пункте 19 разъяснялось, что «для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист». На стадии обсуждения проекта документа, в котором участвовали профессора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), речь шла исключительно об оценке научной обоснованности выводов эксперта. При принятии постановления это важное уточнение упустили из виду. Анализируя смысл п. 19, можно было подумать, что Пленум Верховного Суда РФ полагает возможным участие специалиста в процессуальной оценке доказательств едва ли не на равных с правоприменителями.

Подобное расширительное толкование УПК РФ недопустимо. Принимая 29 июня 2021 г. постановление № 22 «О внесении изменения в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» Пленум Верховного Суда РФ процитированный выше второй абзац из п. 19 исключил. При этом Пленум уточнил п. 1 постановления № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», указав, что на стадии судебного разбирательства вместо назначения экспертизы для разрешения возникших вопросов суд может обратиться к специалисту.

Согласно ч. 1 ст. 58 УПК РФ процессуальная функция специалиста заключается в оказании содействия суду и сторонам, в том числе, путем разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Важно, что в соответствии с ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении с этой целью специалиста к участию в производстве по уголовному делу. В части 4 ст. 271 УПК РФ сказано, что суд не вправе отказать сторонам в допросе лица в качестве специалиста, явившегося по инициативе сторон для участия в судебном заседании.

Таким образом, компетентное мнение специалиста о научной, методической и фактической обоснованности выводов эксперта, независимо от сложившихся обстоятельств, всегда может быть доведено до правоприменителя. Положения действующего законодательства позволяют суду, при желании, сформировать внутреннее убеждение относительно достоверности или недостоверности заключения эксперта на строго научной основе.

¹ Комиссарова Я.В. К вопросу об основаниях разграничения процессуального статуса эксперта и специалиста как участников уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 5. С. 135-142.

Литература

1. Правовой статус и правовая регламентация участия специалиста в уголовном процессе: теоретические, процессуальные и организационные аспекты: монография / Е.А. Семенов, В.Ф. Васюков, А.Г. Волеводз; под редакцией А.Г. Волеводза; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. Москва: МГИМО-Университет, 2020.

2. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. Т. 1.

3. Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика. М.: Юрлитинформ, 2014.

4. Комиссарова Я.В. Комплексный подход или комплексирование методов при проведении судебно-психологической и судебно-психофизиологической экспертиз с применением полиграфа? // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов II Международной научной конференции, г. Нижний Новгород, 21–22 мая 2020 г. Нижний Новгород: ННГУ, 2020.

5. Комиссарова Я.В. К вопросу об основаниях разграничения процессуального статуса эксперта и специалиста как участников уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 5.

Кулага О.В.

Особенности назначения судебных лингвистических экспертиз по уголовным делам, связанным с реабилитацией нацизма (статья 354.1 УК РФ)

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые проблемы назначения судебных лингвистических экспертиз, по уголовным делам, возбужденным по признакам преступлений, предусмотренных ст. 354.1 УК РФ, связанных с реабилитацией нацизма,

Ключевые слова: вопросы эксперту, лингвистическая экспертиза, преступления, нацизм.

Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлена уголовная ответственность за реабилитацию нацизма по статье 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Согласно диспозиции указанной статьи УК РФ ответственность наступает за следующие деяния:

а) отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, то есть несогласие с решением, состоявшимся 1 октября 1946 г. в г. Нюрнберге (Германия), о признании преступными деятельности организаций нацистской Германии (таких, как СС, СД и гестапо), а также действий ряда членов руководящего состава нацистской партии и о назначении им наказания;

б) одобрение преступлений, установленных указанным приговором, то есть признание правильным совершение преступлений против мира и военных преступлений;

в) распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны;

г) распространение сведений, выражающих явное неуважение к обществу, относящихся к дням воинской славы и памятным датам России, связанным с защитой Отечества;

д) осквернение символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны.

При квалификации вышеобозначенных действий как деяний, подпадающих под действие ст. 354.1 УК РФ, особое место занимает установление их способа совершения, а именно он должен являться публичным, то есть информация, посредством которой отрицаются факты, установленные приговором Международного военного трибунала, состоявшимся 1 октября 1946 г. в г. Нюрнберге (Германия); одобряются преступления, установленные указанным приговором; распространяются заведомо ложные сведения о деятельности СССР в годы Второй мировой войны или сведения, относящиеся к дням воинской славы и памятным датам России, связанным с защитой Отечества, выражающие явное неуважение к обществу; осуществляется осквернение символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветеранов Великой Отечественной войны, должна быть адресована неопределенному кругу лиц. В современной реальности такая адресация к неопределенному кругу лиц частотно достигается путем распространения указанной информации с использованием возможностей информационно-коммуникационной сети «Интернет».

Исходя их вышеуказанного, объектами исследования судебных лингвистических экспертиз, связанных с исследованием материалов, легших в основу уголовных дел, квалифицированных как уголовные дела, возбужденные по признакам преступлений, предусмотренных ст. 354.1 УК РФ, связанных с реабилитацией нацизма, зачастую является информация, распространенная в различных социальных сетях. Объектами судебных лингвистических экспертиз, проводимых по указанной категории дел, являются тексты как продукт речевой и коммуникативной деятельности в широком значении этого слова. Под этим термином понимается как устный и письменный тексты, так и отдельные высказывания или совокупность высказываний, содержащиеся в:

- газетных и журнальных публикациях;

- выступлениях по телевидению, радио, в информационно-коммуникационной сети «Интернет»;

- произведениях устной или письменной речи (фонограммы аудио- и видеозаписей, книги, листовки, брошюры и др.);

- креолизованных текстах (тексты, состоящие из вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык) составляющих).

Не являются объектами судебных лингвистических экспертиз, проводимых по указанной категории дел:

- материалы, в которых используются исключительно невербальные (полностью отсутствует вербальная составляющая) способы передачи информации (жесты, рисунки, символы и др.);

- переводы текстов (в том числе полученные в результате привлечения переводчиков), поскольку при переводе неизбежно меняется объект и, соответственно, предмет исследования лингвистической экспертизы: грамматические средства построения фраз, семантико-синтаксические характеристики, лексика с особенностями коннотации и семного состава¹;

- художественная литература, фильмы и видеоролики художественного содержания, поскольку основным источником информации при создании того или иного художественного произведения является авторский замысел, который может не ставить задачей достоверно передать те или иные события и факты.

Для производства судебной лингвистической экспертизы должны быть предоставлены устные или письменные тексты. Помимо текста необходимо предоставить сведения о речевой ситуации (об участниках, обстоятельствах и хронологии событий).

Если объектами исследований являются письменные тексты (например, газетные или журнальные публикации), на экспертизу должно быть представлено само издание или вырезка из него, содержащая помимо текста статьи, который необходимо исследовать, выходные данные, позволяющие идентифицировать конкретный экземпляр издания (например, газета «Известия» от 25 января 2010 г.). Допустимо представлять ксерокопии исследуемых текстов, достоверность которых подтверждена подписями лица, назначившего судебно-экспертное исследование. Ксерокопии должны быть хорошего качества, хорошо читаемыми, без изъянов или купюр.

Если объектом экспертизы являются тексты, опубликованные в информационно-коммуникационной сети «Интернет» на интерактивных сервисах (блоги, социальные сети, ЖЖ и т.п.), экспертам должно быть предоставлено изображение соответствующей страницы (страниц) с указанием момента фиксации, а также протокол закрепления и/или осмотра объекта. При

¹ Назарова Т.В., Гримайло Е.А., Громова А.В., Манянин П.А., Ростовская А.В. Лингвистическая экспертиза текстов, ограниченно пригодных для исследования: Методические рекомендации. – М.: ЭКЦ МВД России, 2021.

наличии относящихся к тексту ссылок, комментариев и т.п. их содержание также должно быть зафиксировано соответствующим образом.

Если объектом экспертизы является устный текст (например, выступление на митинге, интервью, разговор и т.д.), то на лингвистическую экспертизу обязательно представляется фонограмма или видеофонограмма, непосредственно фиксирующая событие.

Пределы компетенции эксперта-лингвиста имеют ключевое значение при назначении и производстве судебных лингвистических экспертиз ввиду того, что правовая квалификация и лингвистическая интерпретация состава преступления выполняется одними и теми же средствами русского языка, располагающего одним и тем же набором терминов (например, «намерение» в праве и «коммуникативное намерение» в лингвистике).

Следует помнить, что при назначении судебной экспертизы судебная практика полагает недопустимым ставить на разрешение эксперта вопросы об объективной и субъективной стороне преступления, наличии признаков состава правонарушения, то есть выносить вопросы, касающиеся правовой оценки деяний, а именно решение вопросов, об установлении наличия «отрицания, оправдания, одобрения деятельности в целях реабилитации нацизма», «признаков унижения достоинства человека либо группы лиц по признакам принадлежности к защитникам Отечества, ветеранам Великой Отечественной войны», «распространения заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны» и др., а также решение вопросов об истинности или ложности информации, содержащейся в представленном на исследование материале.

В случае постановки таких вопросов, а также в случае получения заключения эксперта с данными экспертом выводами по указанным вопросам, такое заключение может быть признано не имеющим доказательственного значения, поскольку эксперт, отвечающий на вышеуказанные вопросы, выходит за пределы своей компетенции.

В целях четкого разграничения полномочий эксперта и исключения разночтений следователю необходимо обратить особое внимание на формулировку вопросов, которые ставятся перед экспертом.

Приведем перечень вопросов, которые наиболее часто на практике выносятся на разрешение экспертов, при назначении экспертиз по делам, связанным с реабилитацией нацизма:

1. Содержится ли в представленных на исследование материалах информация о деятельности СССР в период 1939–1945 гг.? В какой форме представлена эта информация – в форме утверждения о фактах или субъективного суждения?

2. Содержится ли в представленных на исследование материалах положительная оценка преступлений военных преступников 1939–1945 гг.?

3. Направлен ли текст в представленных на исследование материалах на формирование положительного отношения к действиям военных преступников 1939–1945 гг.?

4. Содержатся ли в представленных на исследование материалах признаки неуважения к дням воинской славы и памятным датам России?

5. Содержатся ли в представленных на исследование материалах признаки выражения и/или формирования негативного отношения к (например) Знамени Победы как символу воинской славы России?

6. Содержатся ли в представленных на исследование материалах признаки унижения человеческого достоинства, группы лиц, объединенных по признаку принадлежности к (например) ветеранам Великой Отечественной войны?

Так, как отмечалось ранее, решение вопроса под номером 6 выходит за пределы компетенции эксперта-лингвиста, так как в нем предложено дать правовую оценку информации, содержащейся в представленных материалах. Вопросы же, приведенные под номерами 1-5, а также в том числе вопрос под номером 6, рекомендовано решать как с участием психолога (проведение психолого-лингвистических экспертиз), так и с привлечением историка непосредственно до назначения лингвистических экспертиз.

Рекомендация по привлечению к исследованию материалов для решения указанных вопросов продиктована тем, что «соотнесение высказываний о фактах с самими фактами действительности, а также с фактами, о которых идет речь в историческом документе, не входит в компетенцию эксперта-лингвиста. В связи с этим инициатору назначения лингвистического исследования предлагается с помощью специалистов в области истории соотнести факты, перечисленные в приговоре международного трибунала, с теми фактами, о которых идет речь в текстах, представляемых на исследование, и включить их в вопрос, ставящийся перед экспертом. Иными словами в вопросе не должно быть общей формулировки «факты, установленные международным трибуналом», но должны быть перечислены конкретные факты, отрицание или отсутствие отрицания которых в исследуемом тексте будет устанавливать эксперт-лингвист»¹. Также при назначении исторического(ой) исследования / экспертизы может быть соотнесена информация о деятельности СССР в период 1939–1945 гг., а также информация о действиях военных преступников 1939–1945 гг., дана историческая оценка дат, указанных в материалах, а также осуществлено их отождествление с реальными историческими событиями, дано указание на то, что приведенные даты являются днями воинской славы и памятливыми датами России.

Так, вопросы, выносимые на разрешение экспертов-лингвистов, при назначении собственно лингвистической экспертизы (не психолого-лингвистической), с учетом вышеуказанных факторов, могут быть сформулированы следующим образом:

1. Содержатся ли в представленных на исследование материалах высказывания, в которых отрицаются действия/деятельность или факты (далее приводятся установленные в ходе проведенного(ой) ранее исторического(ой) исследования/экспертизы исторические факты о действиях/деятельности

¹ Ермакова, О.В., Христова, Н.А., Манянин, П.А., Мамаев Н.Ю. Квалификация составов преступлений экстремистской направленности с использованием результатов лингвистических экспертиз: учебное пособие / О.В. Ермакова, Н.А. Христова, П.А. Манянин, Н.Ю. Мамаев. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2015.

военных преступников 1939–1945 гг. и иная информация о фактах, установленных приговором Международного военного трибунала (Нюрнбергский процесс))? В какой форме представлена информация, приведенная в указанных высказываниях, – в форме утверждения о факте(ах) или некатегоричного утверждения/субъективного суждения/мнения о факте(ах)?

2. Имеется ли в представленных на исследование материалах положительная оценка действий/деятельности или фактов (далее приводятся установленные в ходе проведенного(ой) ранее исторического(ой) исследования/экспертизы исторические факты о действиях/деятельности военных преступников 1939–1945 гг. и иная информация о фактах, установленных приговором Международного военного трибунала (Нюрнбергский процесс)) и обоснование данной положительной оценки?

Так, выводы, данные экспертом по результатам проведенной лингвистической экспертиз по указанным выше вопросами, вынесенным на разрешение эксперта, о наличии в представленных на исследование материалах высказываний, в которых отрицаются факты указанных преступлений или одобряется их совершение, могут лечь в основу обвинения, так как наличие подобной информации в текстах свидетельствует о реабилитации нацизма в виде отрицания преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала (Нюрнбергский процесс), а также о реабилитации нацизма в виде одобрения преступлений, установленных указанным приговором.

Что касается решения вопросов, которые могли бы способствовать установлению осуществления деяний, изложенных в ч. 3 ст. 354.1 УК РФ, в научном сообществе отсутствует единое мнение о возможности постановки перед экспертом-лингвистом вопросов, которые могли бы установить факты «распространения выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества»¹.

В этом случае мы разделяем позицию авторского коллектива учебного пособия «Квалификация составов преступлений экстремистской направленности с использованием результатов лингвистических экспертиз», которая заключается в следующем:

«В настоящее время с помощью лингвистического исследования не может быть решен вопрос о «распространении выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества», так как не проясненным является выражение «явное неуважение». Толкование значения данного выражения требует пояснительных комментариев к данной части статьи УК РФ.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/be763c1b6a1402144cabfe17a0e2d602d4bb7598/ (Дата обращения: 07.09.2022).

В случае если эти комментарии будут даны, представляется возможным вернуться к рассмотрению методологии проведения лингвистического исследования по данному вопросу»¹.

Таким образом, при назначении экспертиз по уголовным делам, возбужденным по признакам преступлений, предусмотренных ст. 354.1 УК РФ, связанных с реабилитацией нацизма, считаем целесообразным учитывать указанные в данной статье особенности их назначения.

Литература

1. Ермакова, О.В., Христова, Н.А., Манянин, П.А., Мамаев Н.Ю. Квалификация составов преступлений экстремистской направленности с использованием результатов лингвистических экспертиз: учебное пособие / О.В. Ермакова, Н.А. Христова, П.А. Манянин, Н.Ю. Мамаев. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2015.

2. Назарова Т.В., Гримайло Е.А., Громова А.В., Манянин П.А., Ростовская А.В. Лингвистическая экспертиза текстов, ограниченно пригодных для исследования: Методические рекомендации. – М.: ЭКЦ МВД России, 2021.

Лазарева Л.В.

Особенности назначения в уголовном процессе судебных экспертиз в негосударственные судебно-экспертные учреждения

Аннотация. В статье поднимаются проблемы коллизий законодательного регулирования деятельности негосударственных судебно-экспертных учреждений. Автор полагает, что назрела необходимость актуализировать постановку вопроса о принятии федерального закона о судебно-экспертной деятельности, исключающего пробелы и несогласованности отдельных нормативных актов.

Ключевые слова: негосударственные судебно-экспертные учреждения, негосударственный эксперт, эксперт, судебно-экспертная деятельность, правовые проблемы.

Вопросы, связанные с судебно-экспертной деятельностью, приобрели особую актуальность в связи с расширением круга субъектов судебно-экспертной деятельности за счет негосударственного сектора. Объем назначаемых в государственные судебно-экспертные учреждения (далее – ГСЭУ) судебных экспертиз постоянно увеличивается, в этой связи становится невозможным переложить всю или большую часть нагрузки на систему ГСЭУ. Все большее развитие в последние годы получают негосударственные судебно-экспертные учреждения (далее – НГСЭУ), обеспечивая наличие экспертов нужной

¹ Ермакова, О.В., Христова, Н.А., Манянин, П.А., Мамаев Н.Ю. Квалификация составов преступлений экстремистской направленности с использованием результатов лингвистических экспертиз: учебное пособие / О.В. Ермакова, Н.А. Христова, П.А. Манянин, Н.Ю. Мамаев. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2015.

специальности, возможность проведения судебных экспертиз и экспертных исследований в случае большой загруженности ГСЭУ. Однако существует множество недостатков в деятельности НГСЭУ, которые не позволяют ей быть более эффективной.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ по гражданским делам ежегодно более 60% экспертиз выполняются экспертами, не являющимися сотрудниками государственных судебно-экспертных учреждений¹. В то же время отсутствуют отдельные статистические данные об общем количестве НГСЭУ в РФ, работающих в них экспертах и количестве проводимых ими экспертиз², что обусловлено фактической бесконтрольностью НГСЭУ. Приведенные данные позволяют сделать вывод о необходимости совершенствования деятельности негосударственных судебно-экспертных учреждений для выполнения части нагрузки.

В первую очередь, одним из таких пробелов можно назвать недостаточное правовое регулирование деятельности негосударственных судебно-экспертных учреждений, что является, на наш взгляд, серьезным препятствием для дальнейшего развития этой формы деятельности.

Как известно, в настоящее время в Российской Федерации судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями. В соответствии с п.60 ст. 5 УПК РФ «экспертное учреждение» – государственное судебно-экспертное или иное учреждение, которому поручено производство судебной экспертизы. Из приведенной нормы закона остается непонятным, что понимается под «иным учреждением».

Пленум Верховного Суда РФ сформулировал правовую позицию, изложенную в Постановлении от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (далее – Постановление ВС РФ № 28), о том, что «под негосударственными судебно-экспертными учреждениями следует понимать некоммерческие организации (некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О некоммерческих организациях», осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами».

Таким образом, сложилась ситуация, которая требует в первую очередь реакции законодателя. Известна анализируемая проблема и науке. Еще Ю.К. Орлов отмечал, что негосударственные судебно-экспертные учреждения хотя действующим УПК полностью уравниены с государственными, какая-либо регламентация их деятельности – как на законодательном, так и на

¹Данные судебной статистики. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/i№dex.php?id=79> (дата обращения: 01.10.2022).

²Парамонова Л.Ф. Институт частной судебной экспертизы в СНГ: сравнительно-правовой анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 4. С. 140.

ведомственном уровне, полностью отсутствует и не существует никаких, где-либо установленных требований к работающим там экспертам¹.

Другой стороной рассматриваемой проблемы является отсутствие единых требований к уровню квалификации экспертов. Например, деятельности негосударственного судебного эксперта посвящена статья 41 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ о ГСЭД), согласно которой на лиц, не являющихся государственными судебными экспертами, распространяется действие статей 2,3, 4,6 - 8,16 и 17, части второй статьи 18, статей 24 и 25 названного закона. В то же время на него не распространяется действие ряда других статей, например, статей 9-13 ФЗ о ГСЭД. Из этого следует, что требования иметь высшее образование и дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности для такого эксперта не являются обязательными. Более того, положение, согласно которому, определение уровня квалификации экспертов и аттестация их на право самостоятельного производства судебной экспертизы осуществляются экспертно-квалификационными комиссиями в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующего уполномоченного федерального государственного органа; уровень квалификации экспертов подлежит пересмотру указанными комиссиями каждые пять лет, также может быть проигнорировано. В связи с этим возникает закономерный вопрос: как определяется уровень квалификации негосударственного судебного эксперта?

Как известно, компетентность эксперта определяется уровнем его подготовки по конкретной экспертной специализации и положительным опытом непрерывной работы в данном направлении. В государственных судебно-экспертных учреждениях утверждены официальные перечни проводимых видов экспертных исследований, регулярно проводится процедура аттестации экспертов. Анализ судебно-экспертной практики подтверждает наше убеждение, что в государственных судебно-экспертных учреждениях нашей страны, уровень компетентности судебного эксперта напрямую связан с опытом его работы в должности эксперта по конкретной экспертной специализации. Заметим, что в государственных судебно-экспертных учреждениях судебные эксперты обязаны пройти аттестацию и получить свидетельство на право производства экспертиз. Поэтому проблема компетентности эксперта при определении допустимости заключения государственного эксперта обычно не встает. Проблематично обстоит дело с экспертами – работниками негосударственных судебно-экспертных учреждений и частных экспертов, не работающих в них. Введение в уголовный процесс негосударственных судебно-экспертных учреждений и иных лиц, обладающих специальными знаниями, хотя и соответствует состоянию демократизации общества и так оберегаемому законом принципу состязательности, но на деле вызывает большие вопросы относительно их

¹ Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: ИПК РФЦСЭ, 2005. С. 63.

компетентности в решении вопросов, интересующих следствие и суд. Законом, к сожалению, не предусмотрена процедура проверки уровня их квалификации.

Механизмы сертификации компетентности лиц, обладающих специальными знаниями и не являющихся работниками государственных судебно-экспертных организаций, впервые объявленные в проекте нового федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹ (далее – проект Закона), не выработаны и не реализованы. По видению законодателя процедура сертификации компетентности рассматриваемой категории лиц, должна осуществляться только в добровольном порядке (ч.2 ст.17 проекта Закона).

Справедливости ради следует отметить, что в настоящее время в отношении НГСЭУ сертификация их экспертной деятельности осуществляется в добровольном порядке. Так, одним из таких органов по добровольной сертификации деятельности негосударственных судебно-экспертных учреждений в Российской Федерации является Некоммерческое партнерство «Союз лиц, осуществляющих деятельность в сфере судебной экспертизы и судебных экспертных исследований “Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова”» (далее – НП «Палата судебных экспертов»).

В современных условиях до момента законодательного определения статуса НГСЭУ необходимо сформировать правильную правоприменительную практику через закрепление в судебных решениях требований к уровню квалификации экспертов.

Несовершенство правового регулирования деятельности НГСЭУ обуславливает отсутствие механизмов проверки используемых методических материалов, эффективности применяемых методов и средств судебной экспертизы, выполняемой в негосударственных судебно-экспертных учреждениях. Действующие НГСЭУ при выборе методов исследования нередко используют те, которые не являются общепризнанными, соответственно не отвечают провозглашенному законодателем критерию общепринятости. В результате в органы предварительного расследования и суд поступают доказательства, оценить достоверность и обоснованность которых не представляется возможным не только из-за отсутствия у инициаторов назначения экспертиз специальных знаний, но и отсутствия единого научно-методического подхода к решению экспертных задач. Так, широкое распространение получили в практической деятельности судебных экспертов, а также среди негосударственных экспертов методики установления абсолютной давности исполнения рукописных и нерукописных реквизитов документов, не являющиеся общепринятыми. В настоящее время это одно из самых востребованных видов исследований. Несмотря на большое количество предлагаемых методик по данному направлению исследований, их научность в некоторых случаях вызывает сомнение.

¹ Проект Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (дата обращения - 01.10.2022).

В науке не сложилось единого подхода к определению направления совершенствования правового регулирования негосударственной экспертной деятельности. Так, предлагается провести реформирование негосударственной судебно-экспертной деятельности, предусматривающее принятие закона, регламентирующего деятельность негосударственных экспертных учреждений и частных экспертов; создание на государственном уровне квалификационных, аттестационных и лицензионных структур (комиссий)¹.

По другому мнению, в законодательстве необходимо четко установить требования, которым должно соответствовать негосударственное судебно-экспертное учреждение, посредством введения института получения лицензии юридическими лицами (некоммерческими организациями) для осуществления ими негосударственной судебно-экспертной деятельности².

Ф.Г. Аминев предлагает осуществлять аккредитацию судебно-экспертных лабораторий с целью повышения качества и конкурентноспособности судебно-экспертной деятельности юридических лиц на российском и международном рынках, а также повышения эффективности использования научно-технических средств и методов³.

Сегодня существуют различные системы сертификации и аккредитации негосударственных судебных экспертов в различных учреждениях, в том числе и учебных, осуществляющих соответствующее обучение по экспертным специальностям, а также в различного рода профессиональных объединениях специалистов и т.д. Однако НГСЭУ самостоятельно принимают решение о прохождении сертификации и аккредитации своей деятельности, что не может считаться правильным.

По справедливому утверждению Е.А. Зайцевой, выход только один – создание надведомственных квалификационных комиссий, которые способны обеспечить беспристрастную оценку степени профессионализма и компетентности эксперта независимо от его принадлежности к государственным или частным экспертным учреждениям⁴.

В части рассматриваемой проблемы к числу первостепенных вопросов, на которые надлежит обратить внимание законодателю при реформировании судебно-экспертной деятельности, представляется отнести:

– регулирование создания и функционирования негосударственных судебно-экспертных учреждений, включая обязательную сертификацию;

¹ Жижина М.В. Оценка достоверности заключения эксперта как доказательства в арбитражном судопроизводстве: проблемы и пути преодоления // Право и экономика. 2009. № 3. С.20-24.

² Таричко И.Ю., Кондратьев А.Е. Лицензирование и сертификация деятельности негосударственных судебно-экспертных учреждений: теория, законодательство, правоприменительная практика (уголовно-процессуальный аспект) // Журнал «Правоприменение». 2017. Т. 1, № 1. С. 129–138.

³ Аминев Ф.Г. О деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 2. С. 168-171.

⁴ Зайцева Е.А. Сертификация судебных экспертов и состязательное судопроизводство // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы 4-й международной научно-практической конференции. Москва, 30-31 января 2013. С. 121-126.

– совершенствование правового статуса судебного эксперта независимо от формы организации деятельности, разработка механизма присвоения статуса «судебный эксперт», а также прохождения аттестации и включения в реестр экспертов;

– регулирование способов контроля и надзора за негосударственными судебно-экспертными учреждениями с помощью надведомственных квалификационных комиссий.

Таким образом, обозначенные в настоящей статье проблемы составляют лишь небольшую часть пробелов законодательного регулирования деятельности НГСЭУ. Но их достаточно для того, чтобы поддержать мнение о необходимости актуализировать постановку вопроса о принятии федерального закона о судебно-экспертной деятельности, исключающего пробелы и несогласованности отдельных нормативных актов.

Литература

1. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: ИПК РФЦСЭ, 2005.

2. Жижина М.В. Оценка достоверности заключения эксперта как доказательства в арбитражном судопроизводстве: проблемы и пути преодоления // Право и экономика. 2009. № 3.

3. Таричко И.Ю., Кондратьев А.Е. Лицензирование и сертификация деятельности негосударственных судебно-экспертных учреждений: теория, законодательство, правоприменительная практика (уголовно-процессуальный аспект) // Журнал «Правоприменение». 2017. Т. 1, № 1.

4. Аминев Ф.Г. О деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 2.

5. Зайцева Е.А. Сертификация судебных экспертов и состязательное судопроизводство // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы 4-й международной научно-практической конференции. Москва, 30-31 января 2013.

Левченко Е.В.

Генетическая экспертиза в криминалистике и предварительном расследовании

Аннотация. В статье анализируются ряд актуальных вопросов о возможностях генетического исследования при раскрытии преступлений, рассматривается мировая практика использования информации, полученной методом исследования ДНК. Научно-технический прогресс служит основой для дальнейшего инновационного развития судебной генетики, достижения которой необходимо брать на вооружение для раскрытия преступлений.

Ключевые слова: ДНК, генетическая экспертиза, геномная дактилоскопия, криминалистика, судебная медицина.

Технология экспертного исследования ДНК становится все более важной для обеспечения точности и справедливости в системе уголовного правосудия. Так, в судебной генетике помимо традиционной задачи идентификации личности по оставленным биологическим объектам наметилась перспектива составления по ДНК неизвестного преступника его поискового портрета-фоторобота. Потенциал использования достижений генетики в этом направлении заключается в следующих ключевых аспектах: во-первых, дальнейшее развитие технологий генетических исследований, представленных полногеномным секвенированием, во-вторых, имеющиеся достижения ученых-генетиков всего мира в изучении генома человека с использованием компьютерного анализа полученных результатов (биоинформатики).¹

Продолжена реализация российскими и белорусскими учёными научно-технической программы Союзного государства на 2017–2021 гг. «Разработка инновационных геногеографических и геномных технологий идентификации личности и индивидуальных особенностей человека на основе изучения генофондов регионов Союзного государства», по результатам которой проходят апробацию в криминалистических лабораториях разработанные методики определения этногеографического происхождения, возраста, пола, внешности, популяции принадлежности, психоэмоционального статуса, прижизненной модификации ДНК и предрасположенности к наиболее распространённым заболеваниям, по биологическим следам неизвестного лица для его последующего установления и идентификации.

В связи со значительным ростом тяжких насильственных преступлений возникает необходимость идентификации неопознанных трупов, расчлененных, сильно разрушенных фрагментов, скелетированных трупов, отдельных костей, фрагментов, подвергшихся деструктирующим изменениям. Для экспертизы указанных биологических объектов недоступны идентифицирующие объекты, которые позволили бы прямо установить индивидуализирующие признаки погибших на уровне их хромосомной ДНК. По этой причине, дифференцирующие способность тех комплексов индивидуализирующих признаков, которые на этапе типирования ядерных VNTR- и STR- локусов удалось установить в объектах исследования, в большинстве случаев оказалась недостаточной для получения однозначно доказательных выводов при идентификации останков погибших граждан: можно установить лишь варианты идентификации. Или же констатировать, что останки того или иного человека не обнаружены среди фрагментов тел, которые представлены на исследование. Одним из наиболее перспективных путей решения указанной проблемы явилось включение в сферу молекулярно-генетического анализа гипервариабельных областей митохондриальной ДНК (мтДНК), с целью

¹ Бессонов А.А. Некоторые перспективные направления дальнейшего развития российской криминалистики // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 23.

определения индивидуализирующих признаков биологических объектов и установления на этом основании определенных фактов, которые могут иметь доказательственное значение для идентификации личности неопознанных тел.¹ Недостатки и ошибки в деятельности следователей по эффективному использованию метода идентификации обусловлены несколькими причинами, и в первую очередь, причиной неправильного представления о назначении, возможностях и принципах профессионального использования этого метода, а также ошибками в назначении, производстве и оценке идентификационных экспертиз. При отборе материала для генетического анализа необходимо пригласить эксперта-генетика, так как каждое пятнышко вещества биологического происхождения с вещественных доказательств (одежды, белья) вырезается отдельными стерильными инструментами, чтобы не перенести материал из одного объекта в другой.

Метод генетического установления пола обладает высокой специфичностью и чувствительностью, а при необходимости может быть осуществлен как экспресс-метод за 24 часа, что обеспечивает оперативность дальнейших действий органов дознания. Очевидно, что если бы экспертизы вещественных доказательств с использованием биологических и генетических методов проводились всегда одновременно, то в этих случаях составлялось бы единое экспертное заключение с общим экспертным выводом. В таком случае не существовало разночтений. На практике же получается иное - чаще всего генетические экспертизы назначаются спустя достаточно длительный срок после исполнения биологического исследования, то есть тогда, когда заключение эксперта-биолога уже находится в уголовном деле и именно его выводы побуждают к назначению генетической экспертизы. Именно этот момент во многих случаях провоцирует появление кажущихся противоречий в выводах двух экспертиз. Эти мнимые противоречия вызывают непонимание у работников правоохранительных органов и во многих случаях приводят к назначению повторных экспертиз и к вызовам в суды для прояснения ситуации. Распространенным примером такого неверного, противоречивого толкования выводов биологической и генетической экспертиз может являться следующий вариант. В результате проведенных биологических исследований были получены данные, которые не исключают происхождение исследованных следов на вещественных доказательствах от потерпевшего или подозреваемого. Эти данные излагаются в экспертных выводах в вероятной форме («могут принадлежать», «не исключается происхождение от» и т.п.) - просто в силу ограниченных идентификационных возможностей выполненного комплекса биологических исследований.² Как правило, если такой вероятный вывод эксперта не удовлетворяет следствие, то назначается дополнительная молекулярно-генетическая экспертиза, в которой используется целый ряд

¹ Абдулина Е. В. Особенности изъятия биологических объектов трупов для проведения генетических исследований по материалам уголовных и гражданских дел / Е. В. Абдулина, В. В. Зыков // Вятский медицинский вестник. 2018. № 1. С. 34–37.

² Анатомия преступления: Что могут рассказать насекомые, отпечатки пальцев и ДНК : пер. с англ. / Вэл Макдермид. М. : Альпина нонфикшн, 2016. 344 с.

высоко дискриминирующих аналитических систем. В результате удается показать, что все ранее установленные совпадения биологических характеристик объектов экспертизы являются, по сути, случайными совпадениями признаков. Иными словами, удается выйти на однозначное исключение принадлежности объекта, который ранее не был исключен экспертами-биологами. На взгляд недостаточно сведущего в вопросах судебно-биологического и судебно-генетического анализа человека возникает «противоречие» в выводах двух самостоятельных экспертиз. Между тем, совершенно очевидно, что никакого противоречия здесь нет. Напротив, есть уточнение и конкретизация выводов.

Примером описываемой проблемы является следующий случай из практики. К. обвинялся в изнасиловании и убийстве молодой женщины. В содержимом влагалища убитой была найдена сперма и были выявлены антигены, один из которых, не присущий убитой, по заключению биологической экспертизы мог происходить за счет спермы подозреваемого К., т.к. у последнего была соответствующая группа крови. В ходе судебного следствия была назначена судебно-генетическая экспертиза, результаты которой полностью исключили присутствие спермы подозреваемого на вещественном доказательстве – тампоне. Подобное чисто формальное несоответствие в выводах двух экспертиз объясняется разницей в разрешающей способности использованных в работе методик.

Суть в том, что биологические тесты работают со следами спермы в пределах небольшого числа систем, распространенность которых среди населения достаточно велика и потому уступают в дифференцирующей способности генетическим тестам, которые действительно способны индивидуализировать изучаемый объект. Этот пример свидетельствует о том, что при работе по делам, связанным с преступлениями, совершенными в условиях неочевидности, при недостаточности прямых улик не следует ограничиваться только судебно-биологическими исследованиями. Необходимо, если это возможно, использовать арсенал генетических методов исследования¹.

Традиционно эксперт может сделать вывод о возможности происхождения поступившего на исследование биологического объекта (вещественного доказательства) от конкретного лица лишь в том случае, если на экспертизу представлен полученный у проверяемого сравнительный образец, т.е. у следствия должен быть конкретный подозреваемый, который в том или ином качестве уже проходит по материалам данного уголовного дела.² При наличии соответствующей базы данных ДНК поиск лица, являющегося возможным источником происхождения изъятого биологического объекта, может осуществляться и при отсутствии сравнительных образцов - сопоставлением

¹ Методические рекомендации по формированию банка ДНК биологических объектов, изъятых с мест нераскрытых преступлений: Информационное письмо. - М.: ЭКЦ МВД России, 1997.

² Мамурков В. А. Криминалистические аспекты судебно-биологических и генетических экспертиз в расследовании преступлений // Российский юридический журнал. – 2018. -№ 5. – С. 128–133.

генетических признаков исследуемого объекта и хранящихся в базе данных ДНК крови полученных.¹

База данных может использоваться и иным образом, если в нее вносить информацию о генетических признаках объектов, изъятых с мест нераскрытых преступлений. В этом случае появляется возможность сопоставлять результаты генотипоскопических экспертиз по отдельным эпизодам и таким образом устанавливать серийный характер преступлений.

При наличии результатов анализа сравнительного образца, полученного от лица, подозреваемого в совершении определенного преступления, можно установить причастность этого лица не только к данному преступлению. По информации о генетических признаках объектов, изъятых с мест других нераскрытых преступлений, могут быть получены доказательства его причастности и к другим криминальным случаям. По данным английских криминалистов, с помощью создающейся у них базы данных ДНК, содержащей в настоящее время информацию примерно о 400 тыс. генотипов, уже сегодня раскрывается каждое четвертое из тяжких преступлений, по которым с места происшествия изымается биоматериал, происшедший от преступника.² Департамент Судебных наук тестирует компьютерную систему анализа, которая может расшифровывать неразборчивые коды ДНК. Представители Департамента утверждают, что система позволит увеличить раскрываемость преступлений на целых 15%. Новая технология, названная DNAboost, позволит на 40% повысить количество идентифицируемых образцов ДНК, в случаях, если аналитического материала недостаточно, он плохого качества или если к поверхности, с которой снимается образец, дотрагивалось несколько человек. Одним из наиболее важных вопросов, которые необходимо решить на первом этапе создания баз данных экспертным службам правоохранительным и законодательным органам, является определение круга лиц, подлежащих генетическому учету.

Анализ опыта зарубежных стран в данной области свидетельствует о большом разнообразии концепций развития национальных систем генетической регистрации граждан. В основе таких различий лежат, главным образом, особенности законодательства и уровень социально-экономического развития страны. Общим, однако, является то, что ни в одной из ведущих стран мира пока не принято решение о генетической регистрации всего населения, поскольку это сопряжено не только с огромными финансовыми затратами, но и с определенными противоречиями национальному законодательству.³

¹ Бабаева Э.У., Волохова О.В., Егоров Н.Н., Жижина М.В., Исютин-Федотков Д.В., Ищенко Е.П., Комиссарова Я.В., Корма В.Д., Кручинина Н.В., Милованова М.М., Паршиков В.И., Уваров В.Н., Харина Э.Н. Криминалистика (учебник для бакалавров и специалистов) (отв. ред. д.ю.н., проф. Е.П. Ищенко). – «Проспект», 2020 г.

² Кухарев Г.А. Биометрические системы: методы и средства идентификации личности человека // Политехника. 2001. № 1. С. 15-16.

³ Волынский А.Ф. Дактилоскопия: влияние общественного сознания на ее возникновение и развитие // Эксперт-криминалист. 2014. № 4. С. 3-6.

Наиболее рациональным путем решения проблемы представляется формирование базы данных в первую очередь по тем категориям лиц и по тем видам преступлений, по которым использование накопленных данных уже на начальном этапе позволит получить положительный результат. Процесс создания национальных баз данных требует комплекса мероприятий и предполагает поэтапную реализацию. В качестве одного из первых этапов (который реально осуществить за сравнительно короткий срок) может служить формирование на базе экспертно-криминалистических подразделений банков ДНК, в перспективе функционирующих в комплексе с компьютерной базой данных ДНК, но имеющих и самостоятельное значение.¹

Применительно к существующей экспертно-криминалистической практике, основное назначение базы данных ДНК на начальном этапе ее формирования может состоять в обеспечении возможности оперативного сопоставления результатов ДНК-анализа поступивших на экспертизу объектов с результатами ранее проведенных экспертиз. Для того чтобы объекты, содержащие ДНК, при необходимости могли быть дополнительно или повторно исследованы в будущем, они должны храниться в особых условиях. При существующем порядке хранения вещественных доказательств такие условия не обеспечиваются, что вызывает разрушение ДНК и часто делает невозможным ее исследование.

Кроме того, после проведения экспертизы нередко остается выделенная из объекта (часто полностью израсходованного) ДНК, которая за ненадобностью утилизируется, но при наличии банка ДНК могла бы быть сохранена для возможного последующего типирования, в том числе и в связи с возникающими новыми обстоятельствами по делу.²

Следует отметить, что необходимость в исследовании объектов, хранящихся в банке ДНК, возникает, как правило, в следующих случаях:

- 1) при поступлении сравнительных образцов, полученных от подозреваемых, если при первичном исследовании они отсутствовали и ДНК-типирование не проводилось;
- 2) при поступлении сравнительных образцов новых подозреваемых в случае исключения лица, образцы которого были представлены ранее;
- 3) при необходимости исследования дополнительных генетических признаков, которые не были установлены ранее;
- 4) при назначении повторной экспертизы.

Проведя исследование генетической экспертизы, в рамках криминалистической идентификации с целью установления ее возможностей в процессе доказывания при расследовании преступлений, мы пришли к

¹ Бадзюк И. Л., Голодков Ю. Э., Сухоруков Ю. И., Ларионова Е. Ю. Методы извлечения ДНК из биологических объектов судебной экспертизы: современное состояние и проблемы // Актуальные вопросы судебных экспертиз: Материалы Международной научной практической конференции - Иркутск: ФГОУ ВПО «Восточной Сибирский институт МВД России, – 2010 г. – С. 331.

² Клеандров М.И. Главная проблема судьи при осуществлении им правосудия и научно-технический прогресс // Российский судья. Юрист. 2010. № 12. С. 4-9.

следующим теоретическим и практическим выводам. Генетическая экспертиза может позволить решить многие проблемы, возникающие при раскрытии и расследовании преступлений¹: установить происхождение крови, спермы и некоторых других объектов от конкретного лица; объединять преступления, если их совершило одно и то же лицо и оставило следы биологического происхождения, например сперму; определять, наступила ли беременность от лица, подозреваемого в совершении изнасилования; устанавливать конкретных участников событий в случаях обнаружения смешанных следов биологического происхождения (эксперт при необходимости может сказать, что данное конкретное пятно крови образовано кровью нескольких лиц, и указать каких конкретно.); определять, относятся ли части трупа, обнаруженные отчлененными, к одному или разным телам. Исключительные преимущества молекулярно-генетических методов исследования составляют:

- 1) возможность практически категоричных заключений в связи с высокой специфичностью анализа;
- 2) возможность исследования при минимальных количествах биологического материала в следах;
- 3) возможность исследования сложных смешанных следов, содержащих сперму;
- 4) возможность исследования следов биологического происхождения при значительной давности их образования.²

Для более точного результата генетической экспертизы специалисту предписывается при количественном анализе результата для расчета вероятности генетической идентичности объектов учитывать этническую принадлежность идентифицируемых лиц. Отсюда следует, что собственно заключение эксперта, в компетенцию которого входит констатация вывода о вероятностной оценке генетической идентичности объектов экспертного исследования в случае неисключения, не является безусловным основанием вины обвиняемого и должно подтверждаться, как указал законодатель, совокупностью других собранных по делу доказательств. Как представляется, данная правовая позиция способствует достижению минимизации судебной ошибки, которая, даже при использовании такого совершенного метода, не исключена.³

Резюмируя вышеизложенное отметим, что экспертиза ДНК позволяет:

- установить происхождение следов от конкретного лица;

¹ Кочерга А.А. Актуальность и проблемы использования автоматизированных систем в работе с криминалистическими учетами // Общество и право. 2011. № 2 (34). С. 32-34.

² Россинская Е.Р., Баринов Е.Х., Бутырин А.Ю., Галяшина Е.И., Голикова В.В., Зинин А.М., Клименко Т.В., Ковалев А.В., Меланич Е.В., Неретина Н.С., Омелянюк Г.Г., Подволотский И.Н., Подкатилина М.Л., Савицкий А.А., Семиколонова А.И., Слепнева Л.И., Соколова Т.П., Статина Е.Б., Сундуков Д.В., Чубина Е.А., Шамаев Г.П. Судебная экспертиза в цивилистических процессах: научно-практическое пособие (под ред. д.ю.н., проф. Е.Р. Россинской). - «Проспект», 2018 г.

³ Поляков, А. Возможности генетической экспертизы [Текст] / А. Поляков, С. Тверская // ЭЖ-Юрист. – 2005. – № 46.

- сделать выводы о принадлежности исследуемых следов лицу определенного пола;
- установить факт кровного родства;
- исследовать следы, содержащие незначительное количество биологического материала, с разрушенной ДНК, такие, как обгоревшие костные фрагменты, единичные волосы, следы потожировых выделений, перхоть, микроследы спермы, слюны и крови.

Исследование проводится в короткий срок и с высокой точностью, что особенно важно в связи с большим количеством биологических следов, изымаемых с мест происшествия.

Еще одной важной функцией ДНК в уголовных делах является возможность идентификации жертв преступлений. Также в случае если одна и та же ДНК обнаружена на двух разных местах преступлений, она может быть использована для связи преступлений. Это позволяет следователям по уголовным делам определить, находится ли серийный преступник на свободе, или установить, знали ли жертвы друг друга. Доказательства ДНК не всегда являются окончательными. Образцы могут разлагаться с возрастом или загрязняться в зависимости от среды, в которой они находятся, транспортируются или хранятся. Также могут возникнуть вопросы о квалификации людей, проводящих тестирование, и тех, кто проводит анализ.

Следует подчеркнуть, что дальнейшее развитие технологий секвенирования в опоре на научные достижения генетики и биоинформатики, основываясь на понимании связи большего количества разных вариантов генетического текста с конкретным состоянием внешне наблюдаемого и скрытого признака, позволит по ДНК неизвестного преступника составлять его портрет с конкретными поисковыми приметами, содержащий комплексную информацию о его этногеографическом происхождении, цвете глаз и волос, размерах и форме частей тела и лица, различных заболеваниях и пр.¹ Органами Следственного комитета Российской Федерации накоплен богатый практический и теоретический материал в отношении производства судебно-генетических экспертиз собственными экспертными силами.

Литература

1. Абдулина Е. В. Судебно-медицинская генетическая экспертиза в гражданском процессе / Е. В. Абдулина, В. В. Зыков // Эксперт криминалист. 2019. № 2.

2. Абдулина Е. В. Особенности изъятия биологических объектов трупов для проведения генетических исследований по материалам уголовных и гражданских дел / Е. В. Абдулина, В. В. Зыков // Вятский медицинский вестник. 2018. № 1.

¹ Бессонов А.А. Некоторые перспективные направления дальнейшего развития российской криминалистики // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 22-27.

3. Актуальные проблемы медико-генетической экспертизы при раскрытии и расследовании преступлений идентичности человека / уулу Нурсултан Тологон, О. А. Егерева. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2019. - № 28 (266). - С. 152-154. - URL: <https://moluch.ru/archive/266/61517/> (дата обращения: 08.09.2022).

4. Бадзюк И. Л., Голодков Ю. Э., Сухоруков Ю. И., Ларионова Е. Ю. Методы извлечения ДНК из биологических объектов судебной экспертизы: современное состояние и проблемы // Актуальные вопросы судебных экспертиз: Материалы Международной научной практической конференции - Иркутск: ФГОУ ВПО «Восточной Сибирский институт МВД России, – 2010 г.

5. Бессонов А.А. Некоторые перспективные направления дальнейшего развития российской криминалистики // Академическая мысль. 2019. № 3 (8).

6. Голодков Ю.Э., Сухоруков Ю.И., Ларионова Е.Ю. Методы извлечения ДНК из биологических объектов судебной экспертизы: современное состояние и проблемы // Актуальные вопросы судебных экспертиз: Материалы Международной научной практической конференции – Иркутск: ФГОУ ВПО «Восточной Сибирский институт МВД России, – 2019 г. – С. 340 (дата обращения: 08.09.2022).

7. Комиссарова Я. В. О профессиональном статусе эксперта в Российской Федерации / Я. В. Комиссарова // Юридический вестник. 2018. № 1 С. 124–128.

8. Мамурков В. А. Криминалистические аспекты судебно-биологических и генетических экспертиз в расследовании преступлений // Российский юридический журнал. – 2018. -№ 5.

9. Метелев А.В., Образцов В.А., Поздняков В.М., Рычкалова Л.А., Селина Е.В., Степаненко Д.А., Табаков А.В., Тушканова О.В., Устинов А.В., Ширев Д.В., Шмонин А.В. Криминалистика: учебник для бакалавров (под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Бертовского). – «Проспект», 2018 г.

10. Методические рекомендации по формированию банка ДПК биологических объектов, изъятых с мест нераскрытых преступлений: Информационное письмо. - М.: ЭКЦ МВД России, 1997.

11. Хмелева А.В. Организация работы по преступлениям прошлых лет в Следственном комитете Российской Федерации // Российский следователь. 2018. № 10.

12. Волынский А.Ф. Дактилоскопия: влияние общественного сознания на ее возникновение и развитие // Эксперт-криминалист. 2014. № 4. С. 3-6.

13. Михайлов М.А. В шаге от принятия решения о всеобщей дактилоскопической регистрации (обзор выступлений участников конференции в Государственной Думе Федерального Собрания РФ) // Эксперт-криминалист. 2016. № 1.

14. Культин, А.Ю. Криминалистическое исследование STR-локусов ДНК костных останков человека в целях идентификации личности [Текст]: Методические рекомендации / А.Ю. Культин, И.В. Стороженко, М.Г. Пименов, С.А. Кондрашов. – М.: Щербинская типография, 2004.

15. Настольная книга следователя. Тактические приемы проведения осмотра места происшествия и допросов при расследовании преступлений различной

категории: научно-методическое пособие / под ред. канд. юрид. наук А.И. Дворкина. – М.: Издательство «Экзамен», 2006.

16. Поляков, А. Возможности генетической экспертизы [Текст] / А. Поляков, С. Тверская // ЭЖ-Юрист. – 2005. – № 46.

17. Чудинов, О.С. Техничко-экономическое обоснование внедрения ДНК-исследований в экспертно-криминалистическую деятельность и ее автоматизация [Текст] / О.С. Чудинов, М.Г. Пименов, А.Б. Абрамова // Эксперт-криминалист. – 2006. – № 3.

18. Шагапсоев З. Л., Карданов Р. Р. Геномная регистрация как элемент противодействия преступлениям террористического характера на современном этапе // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-2.

Лобанов Н.Н., Базылев В.Н.

Судебная лингвистическая экспертиза как одна из форм познания состоявшихся фактов действительности

Аннотация. В статье анализируется ряд актуальных вопросов о возможностях судебной лингвистической экспертизы. Отдельно рассмотрены и проанализированы подходы к диагностике/идентификации автора.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, автороведческая экспертиза, эксперт, специалист.

Лингвистические экспертизы могут преследовать различные цели: научно-практические и юрислингвистические. Это имеет принципиальное значение как для определения целей, стоящих перед экспертом, так и для результирующей части самой экспертизы. Е. И. Галяшина предлагает четко разграничивать деятельности различных специалистов: лингвиста, проводящего анализ текстовых объектов в различных научно-практических целях, и судебного эксперта, осуществляющего лингвистические исследования в судопроизводстве в целях установления фактов, имеющих значение доказательств¹.

Таким образом, нельзя путать в этом случае «лингвистическую» и «судебно-лингвистическую» экспертизу. Неразличение целевой установки приводит к серьезным ошибкам, которые могут иметь негативные последствия не только научного, но и общественного характера. По замечанию Е. В. Новожиловой, деятельность в сфере юрислингвистических исследований «сегодня подобна игральному автомату: стороны судебного разбирательства могут вновь и вновь дергать его ручку, инициируя повторное исследование в надежде получить устраивающий их результат»².

¹ Галяшина Е. И. Квалификационные и профессиональные требования к эксперту по судебной лингвистической экспертизе: лингвист-эксперт или эксперт-лингвист?// Язык. Право. Общество. 2018. С. 27-32.

² Новожилова Е. В. К проблеме качества судебных лингвистических экспертиз// Вопросы экспертной практики. 2019. № 1. С. 485-488.

Сама дискуссионность, которая свойственна научным подходам анализа, должна быть минимизирована при экспертизе текстов, чтобы повысить авторитетность ее результатов. Решение указанных проблем представляется возможным с учетом пересмотра самого принципа подхода к судебной лингвистической экспертизе.

Дело в том, что, по мнению Б.А. Цоя, отсутствие прямого указания в Уголовно-процессуальном кодексе обязанностей по установлению истины вызвали резкие споры в юридической литературе последних десятилетий. Одна группа ученых придерживается традиционной позиции и считает, что основной и стратегической целью доказательства является установление объективной истины. Другие считают, что цель - установление не объективной истины, а всех фактов и обстоятельств для рассмотрения и разрешения уголовного дела в свете провозглашенного уголовнопроцессуальным законом принципа состязательности¹.

Рассматривая доказывание как процесс установления истины, т.е. процесс познания, А.Р. Белкин полагает, что следует исходить из положения о всеобщности процесса познания, из того, что нет и не может быть специфически судебного познания истины. Субъект доказывания, устанавливая при помощи доказательств обстоятельства дела, точно так же, как и в любых других областях человеческой деятельности, переходит от чувственного восприятия отдельных фактов, признаков, свойств тех или иных объектов, играющих роль доказательств, к логическому осмыслению воспринятого, к рациональному мышлению².

Однако условия, в которых протекает процесс доказывания в судебной лингвистической экспертизе, осложняются тем, что предмет доказывания является фактом состоявшейся действительности. Следовательно, в зависимости от отношений между временем существования объекта и временем исследователя необходимо различать ретрогностику (объект в прошлом), онтогностику (объект в настоящем) и футургностику (объект в будущем)³.

Одним из базовых тезисов ретрогностики является следующий: каждая единица текста представляется, так или иначе, детерминированной и, так или иначе, детерминирует появление других единиц. В этом и заключается суть ретрогностического функционирования текстовых единиц.

Авторы доклада полагают, что ретрогностика как одна из форм познания может быть принята в экспертной деятельности в рамках научного криминалистического прогнозирования, как это предлагал еще в Л.Г. Горшенин⁴ в начале 90-х. Последний отмечал, что элементами научного криминалистического прогнозирования являются: 1) исходные данные для прогнозирования, т.е. знание о прошлом или настоящем объекте или процессе,

¹ Цой Б.А. Объективная истина как цель познания при доказывании в уголовном процессе//Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 6. С. 152-155.

² Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 6.

³ Кретов А.А. Основы лексико-семантической прогностики. Воронеж, 2006. С. 69-70.

⁴ Горшенин Л.Г. Основы теории криминалистического прогнозирования. М., 1993. С. 17-20.

его связях с другими объектами или процессами, проявившихся в прошлом или проявляющихся в настоящем; 2) основание для прогнозирования, т.е. знание о необходимых или вероятных направлениях развития объектов или процессов в будущем, выступающее в виде теоретической системы знаний о закономерностях такого развития; 3) операции по прогнозированию, под которыми следует понимать процесс переноса знаний, являющихся основой для прогнозирования, на исходные данные для этого процесса и получение прогноза, т.е. вероятного вывода о будущем; 4) оценка прогноза с точки зрения как его достоверности, так и его содержания, т.е. той ситуации, которая может создаться, если прогноз осуществится; 5) реализация прогноза, т.е. формулирование системы рекомендаций, способствующих и обеспечивающих в зависимости от цели прогнозирования осуществление или неосуществление прогноза.

Остановимся в нашем докладе на одном существенном, на наш взгляд, моменте, который пока не позволяет в полной мере использовать ретрогностический подход в судебной лингвистической экспертизе. Речь пойдет о феномене переноса знаний из одной сферы познания в другую, из лингвистики в криминалистику.

Механический перенос методик исследования текста из лингвистики в практику судебной лингвистической экспертизы не может исключить человеческий фактор, что, в свою очередь, не обеспечивает доверие к результатам экспертизы у всех сторон процесса. Это связано с тем, что лингвистика текста имеет своими истоками герменевтическую практику, которая занимает пограничное положение между научным и вненаучным знанием. В результате пока не сформирована именно научная парадигма судебной лингвистической экспертизы, основными элементами которой должны быть: использование логически корректной формы для оценки и интерпретации результатов экспертизы (доказательств); использование методов, основанных на релевантных данных, количественных измерениях и статистических моделях; экспериментальное тестирование степени достоверности и надежности судебно-экспертных оценок в условиях, соответствующих рассматриваемому делу.

Так, авторы методических рекомендаций по проведению судебно-автороведческих экспертиз¹ в целом выходят за границы лингвистики как отрасли научного познания языка и эклектически привносят в экспертную практику недифференцированный набор самых различных приемов работы с текстом, взятых психолингвистики, стилистики, лингвоперсонологии, теории речевых актов. Тезис авторов о том, что «методология современной судебной лингвистики должна основываться на психолингвистических понятиях «языковая личность», «языковое сознание», «речевая деятельность», а речевые навыки должны рассматриваться как производные речевой деятельности

¹ Изотова Т.М., Крюк Е.К., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Методические рекомендации по проведению судебно-автороведческих экспертиз. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2020.

говорящего» принципиально меняет вектор переноса познавательной модели из лингвистики в психологию. Разнородные основания для анализа одного и того же языкового материала ведет к тому, что состоявшийся факт действительности – текст и серия его признаков – исследуется на эклектической совокупности разных методологических и методических оснований. Тем самым, разрушается основной эпистемический принцип уликовой парадигмы, в рамках которой появилась и до сих пор продолжает существовать судебная экспертная теория и практика: представляющее собой систему принципов и методов познания материальных и идеальных следов в механизме (преступной/ противоправной) деятельности.

Обозначенная выше эклектика обусловлена, по-видимому, историческими особенностями формирования отечественной экспертной практики (лингвистической, автороведческой), а именно заимствованием уже имеющегося опыта, в первую очередь англо-саксонской. Сложившуюся ситуацию можно охарактеризовать, как типично постмодернистскую: пытаюсь синтезировать и апробировать все известные подходы в мировой и отечественной экспертной практике, эксперты просто синтезируют подходы, их обрывки, цитаты, что превращает теоретическую и практическую базу современной отечественной лингвистической и автороведческой экспертизы во фрагментарную и мозаичную структуру, в некий коллаж.

С точки зрения авторов доклада, существует еще одно препятствие в понимании судебной лингвистической экспертизы как формы познания состоявшихся фактов действительности. Это связано с малой разработанностью понятия «признак» в судебной лингвистической экспертизе, что в свою очередь обусловлено недостаточным методическим обеспечением, отсутствием методик по ряду предметных видов лингвистической экспертизы, в которых были бы описаны и систематизированы признаки. Дело в том, что при постулируемом переносе криминалистическое понятие «признак» должно быть применимо и должно быть освоено судебной лингвистической экспертизой.

Так, авторы уже упомянутых методических рекомендаций по проведению автороведческой экспертизы, предлагают в качестве признаков использовать категорию навыков (именуемая – степень развития навыка) – лексических, грамматических, орфографических. Однако навык – это психологическая (психолого-педагогическая) категория. Признаками могут быть лишь следы письменной/ устной деятельности как состоявшийся факт действительности. Поэтому релевантными признаками должны выступать не «следы» навыков, а следы структуры текста: ошибки в выборе порядка слов в предложении, ошибки в построении предложений с однородными членами, ошибки в построении простого предложения, ошибки в построении сложного предложения, ошибки в построении сложного синтаксического целого, ошибки в согласовании, ошибки в управлении, ошибки грамматико-морфологические, ошибки грамматико-синтаксические и под.

Авторы доклада считают, что все обозначенные ими проблемы актуальны и не могут быть однозначно разрешены без последующего обращения к ним при проведении очередных судебно-лингвистических экспертиз. Между тем,

выявление проблем, как они представлены в докладе, должны способствовать более слаженной работе судей и экспертов, предупреждать возможные трудности, способствовать повышению уровня экспертных заключений.

Литература

1. Галяшина Е. И. Квалификационные и профессиональные требования к эксперту по судебной лингвистической экспертизе: лингвист-эксперт или эксперт-лингвист?// Язык. Право. Общество. 2018.

2. Новожилова Е. В. К проблеме качества судебных лингвистических экспертиз// Вопросы экспертной практики. 2019. № 1.

3. Цой Б.А. Объективная истина как цель познания при доказывании в уголовном процессе//Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 6.

4. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005.

5. Кретов А.А. Основы лексико-семантической прогностики. Воронеж, 2006.

6. Горшенин Л.Г. Основы теории криминалистического прогнозирования. М., 1993.

7. Изотова Т.М., Крюк Е.К., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Методические рекомендации по проведению судебно-автороведческих экспертиз. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2020.

Майлис Н.П.

О причинах технических ошибок при использовании инновационных технологий, влияющих на эффективное производство судебных экспертиз

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы понимания экспертных ошибок. Автором приводятся различные виды технических экспертных ошибок.

Ключевые слова: экспертные ошибки, технические ошибки, экспертная практика.

Развитие научно-технического прогресса охватило практически все отрасли знаний и особенно велико его значение для криминалистики и судебной экспертизы при разработке технических средств и методов раскрытия, расследования, предотвращения преступлений, а также получения доказательств.

В настоящее время, в век использования высоких технологий, информатизации, компьютеризации и автоматизации в судебно-экспертной деятельности, важнейшее место занимает интеграция знаний, так как способствует более эффективному раскрытию и расследованию преступлений. На уровне интеграции при производстве судебных экспертиз достаточно широко используются современные технологии, такие как 3D-технологии, 3D-моделирования, 3D-сканирования. Благодаря их внедрению возрастает эффективность производства судебных экспертиз и, соответственно, повышается уровень развития и возможностей судебной экспертизы за счет

появления инновационных технологий, новых технических средств, методов и методик исследования. Разработка и использование их обусловлено ростом преступности, новыми формами и способами совершения преступлений, что влечет за собой появление новых объектов исследования, решение новых задач, ставящихся перед экспертами.

В рамках обозначенной темы, необходимо обратить внимание на возможность допущения экспертных ошибок, связанных с использованием новых технологий при изготовлении различных исследуемых объектов и при непосредственном производстве судебных экспертиз.

Экспертным ошибкам и их классификации в литературе уделялось внимание, но изучение проводилось при производстве различных видов судебных экспертиз, что же касается ошибок технического характера, то должного внимания им не уделялось. Такого рода ошибки могут возникать в силу разных причин. Они могут быть допущены в результате проведения измерений, в случаях, когда не проводилась обязательная поверка средств измерений, которая проводится органами государственной метрологической службы с целью определения и подтверждения соответствия средства измерений установленным техническим требованиям. Точность измерений имеет важное значение, особенно при исследовании следов и отобразившихся в них признаков на микроуровне. Ошибки могут быть допущены как при разработки нового метода, так и при недостаточной изученности экспертом его применения и многих других причин.

Большая доля технических ошибок может повлиять на объективность полученных результатов при исследовании самых разнообразных объектов. Продемонстрируем на примере изделий массового производства, изготовление которых в настоящее время на промышленных предприятиях осуществляется по инновационным технологиям. При этом оборудование постоянно модернизируется. Эксперты, не зная в полной мере производственных признаков на изделиях, изготовленных по новым технологиям, в том числе 3D-печати, зачастую приходят к ошибочным выводам.

Как известно, изделия массового производства — это широкий круг объектов — практически любое изделие, предмет — все относится к этой группе. При исследовании того или иного объекта в ряде случаев надо знать основные процессы его изготовления, что поможет эксперту правильно оценить признаки при решении идентификационных и диагностических задач. Так, например, исходя из режима и параметров работы оборудования, изделия, изготовленные на одном и том же оборудовании, приобретут разные следы, что приведет к ошибочным выводам об отсутствии тождества.

Большое значение имеет точность и разрешающая способность прибора, например, 3D-сканера, чем она выше, тем будет более чёткая картина следообразования, в том числе частных признаков. Если она разная была на одном и том же приборе, механизме, то картина следообразования будет неоднозначной. Технические ошибки могут возникнуть вследствие несвоевременной поверки, калибровки оборудования. В ряде случаев в ходе производства исследования эксперту необходимо установить, в течение какого

периода механизм работает без сбоев, не требует наладки, а также имеется ли на прибор техническое удостоверение соответствия стандартам РФ (ГОСТ, ТУ). Обозначенные факторы вызывают сложности при исследовании многих изделий массового производства, что снижает эффективность результатов экспертизы в целом.

Технические ошибки могут быть обусловлены и применением при производстве экспертизы химических реактивов, утративших срок годности, например, при выявлении потожировых следов рук. В производстве одной из дактилоскопических экспертиз, осуществлялось выявление следов с помощью нингидрина в аэрозольном баллончике. Этот химический реактив является весьма эффективным и, как показывает практика, выявляет следы рук, оставленные несколько лет назад. Но в данном случае обработка осуществлялась не из нового баллончика, а часть реактива использовалась ранее при проведении другой экспертизы, и эффективность действия нингидрина резко снизилась, в результате следы на исследуемом объекте не проявились. Эксперт пришел к ошибочному выводу, указав, что следов на представленном объекте не имеется. При повторной экспертизе следы были выявлены, эксперты использовали такой же метод, но новой аэрозолью. По существу, это была техническая ошибка, предвидеть которую на тот момент было невозможно.

Анализ существующей экспертной практики позволяет к основным экспертным, в том числе техническим, ошибкам, возникающим при использовании информационных технологий в судебно-экспертной деятельности при производстве судебных экспертиз и исследований в обобщенном виде отнести следующие:

- применение неисправного оборудования и не прошедшего метрологическую поверку;
- применение микроскопов с функцией 3D-моделирования и 3D-сканеров, не отвечающих техническим и метрологическим требованиям;
- применение нелицензионного программного обеспечения;
- использование для измерений программных комплексов, не относящихся к сертифицированным средствам измерений;
- отсутствие достаточной компетентности эксперта для использования информационных технологий в рамках производства судебных экспертиз и исследований;
- вопросы по производству экспертизы, возникающие в случае предоставления материалов исследования в электронном виде (базы данных, дампы памяти, графические файлы);
- возможность фальсификации цифровых материалов, представленных на экспертизу;
- отсутствие навыка работы с технологиями 3D-сканирования и 3D-моделирования;
- ошибка в формулировании вывода, когда эксперт при ответе на вопрос рассматривает не графический файл, представленный на исследование, а непосредственно сам объект и другие.

Отдельно отметим и отсутствие разработанной, апробированной и паспортизированной методики по исследованию цифровых 3D-моделей, полученных с трасологических объектов, и как следствие применение экспертами ненадлежащих методик в процессе производства трасологической экспертизы. Поскольку на месте происшествия всегда остаются те или иные следы, трасологическая экспертиза всегда востребована в раскрытии и расследовании преступлений. Но, к сожалению, она пока не отличается широким внедрением инновационных технологий при проведении исследований, поэтому есть насущная потребность в разработке общей методики исследования цифровых 3D-моделей, полученных с трасологических объектов, а также разработки методики проведения комплексной компьютерно-технической и судебно-трасологической экспертизы в случае предоставления материалов на электронных носителях или наличия «цифровых следов». Не назначение такой экспертизы снижает в ряде случаев эффективность получения доказательственной информации, а проведение только компьютерно-технической экспертизы может привести к экспертной ошибке вследствие неправильной оценки свойств и признаков, отобразившихся в цифровых следах.

Приведенный перечень технических ошибок не является исчерпывающим, а лишь подтверждает необходимость изучения экспертом современного производственного оборудования, инновационных производственно-технологических механизмов, способов изготовления изделий по новым технологиям, выявления в дальнейшем возможных экспертных ошибок, а также разработки современной методики, связанной с технологиями 3D-сканирования и 3D-моделирования, и освоение навыков работы с ней.

Такой подход, несомненно, положительно скажется при решении идентификационных и диагностических задач и будет способствовать предотвращению экспертных ошибок.

Михалева Н.В.

Судебно-экологические экспертизы: современное состояние и практика производства в уголовном процессе

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы назначения судебных экологических исследований и экспертиз.

Ключевые слова: судебно-экологическая экспертиза, методическое обеспечение экспертизы, компетенция эксперта.

Судебно-экологическая экспертиза (СЭЭ) – это процессуальное действие лиц, обладающих специальными знаниями, которые дают заключение, отражающее ход и результаты исследования антропогенного воздействия на объекты окружающей среды. К специальным знаниям при производстве

судебно-экологической экспертизы относятся знания в области экологии, смежных естественных, технических, экономических наук¹.

Данное определение, которое предложено в ГОСТ Р 58081-2018 «Судебно-экологическая экспертиза. Термины и определения», обращает внимание на несколько моментов.

1. СЭЭ назначаются в отношении объектов окружающей среды, которыми в соответствии со статьей 1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» являются земля, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир, иные организмы и др.

Непосредственными объектами судебно-экологической экспертизы могут быть:

- локальный земельный участок, где обнаружены признаки негативного антропогенного воздействия;
- пробы атмосферного воздуха, воды, почвы, отобранные в пределах антропогенно-нарушенного объекта окружающей среды;
- образцы флоры и фауны, в том числе и на микроуровне, подвергшиеся антропогенному воздействию;
- механизмы, оборудование или узлы, детали с места происшествя;
- сведения из технической документации и актов проверки экологического состояния объектов;
- результаты обследования объектов окружающей среды санитарно-эпидемиологическими, природоохранными и иными специально уполномоченными органами;
- другие источники информации о негативном антропогенном воздействии на окружающую среду.

Указанную точку зрения высказывали Г.Г. Омелянюк, О.А. Петрухина и др.².

В то же время Е.И. Майорова отмечала, что объектом СЭЭ является биологическая система – экосистема, или биоценоз³.

2. Судебно-экологические экспертизы проводятся в отношении объектов, подвергшихся негативному антропогенному воздействию, а не действию природных явлений и факторов⁴.

¹ Утвержден Приказом Росстандарта от 21.02.2018 № 92-ст, введен в действие 01.09.2018.

² Омелянюк Г.Г., Михалева Н.В. Экологическая экспертиза судебная / Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Ч. II. Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы / Под ред. С.А. Смирновой. М.: Эком, 2012. С. 411-412. Петрухина О.А. Проблемы организации судебных экспертиз при расследовании экологических преступлений // Теория и практика судебной экспертизы. – 2017. – Т. 12. – № 4. – С. 87-92. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-4-87-92>.

³ Майорова Е.И. Некоторые дискуссионные вопросы судебно-экологической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. – 2017. – Т. 12. – № 2. – С. 112-118. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-2-112-118>.

⁴ Михалева Н.В. Современный взгляд на объекты судебно-экологической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. – 2021. – Т. 16. – № 3. – С. 26-31. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-3-26-31>.

3. При производстве СЭЭ привлекаются лица, обладающие специальными знаниями в области экологии, смежных естественных, технических, экономических наук.

В связи с этим, например, в ныне действующем Перечне родов (видов) экспертиз, выполняемых в судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечне экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях Минюста России¹, установлены следующие виды судебно-экологической экспертизы:

исследование экологического состояния объектов почвенно-геологического происхождения;

исследование экологического состояния естественных и искусственных биоценозов;

исследование экологического состояния объектов окружающей среды в целях определения стоимости восстановления;

исследование экологического состояния объектов городской среды;

исследование экологического состояния водных объектов.

Как следует из указанного Перечня, основанием деления СЭЭ на виды является объектный принцип².

В ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России судебно-экологическая экспертиза начала проводиться после 2005 года, когда ее включили в действовавший тогда Перечень родов (видов) экспертиз, выполняемых в судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и в Перечень экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях Минюста России, утвержденный приказом Минюста России от 14.05.2003 № 114.

В настоящее время в системе СЭУ Минюста России судебно-экологические экспертизы проводятся помимо ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России также в ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России и в ФБУ Тульская ЛСЭ Минюста России.

Но государственных экспертов, аттестованных по экологическим специальностям, в СЭУ Минюста России не хватает, хотя проводится большая работа по подготовке новых экспертов. Например, разработаны курсы лекций и практикумы по всем экологическим экспертным специальностям, которые будут размещены в системе дистанционного обучения и будут использоваться для подготовки экспертов.

Судебно-экологические экспертизы проводятся также в Судебно-экспертном центре Следственного комитета Российской Федерации. Однако в системе СК России также мало экспертов-экологов.

Создание судебно-экологической экспертизы было вызвано необходимостью в производстве исследований по уголовным делам по экологическим преступлениям, предусмотренным главой 26 Уголовного кодекса Российской

¹ Утверждены приказом Минюста России от 27.12.2012 № 237 (ред. от 28.12.2021).

² Майорова Е.И. Указ. соч.

Федерации, а также по гражданским и арбитражным делам по фактам причинения вреда (ущерба) объектам окружающей среды.

СЭЭ назначаются и сейчас по названной категории дел, а также по некоторым иным категориям дел (например, по ст. 201 «Злоупотребление полномочиями» УК РФ).

Количество таких уголовных дел постоянно растет, как и количество назначаемых по ним судебно-экологических экспертиз.

Поэтому в настоящее время одной из основных задач дальнейшего развития СЭЭ является увеличение количества государственных экспертов-экологов.

С учетом малого количества государственных судебных экспертов-экологов, суды очень часто назначают судебно-экологические экспертизы негосударственным экспертам. Практически все они не сертифицированы. Многие не имеют базовых знаний по теории судебной экспертизы, уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации. Это негативно влияет на качество проводимых ими судебно-экологических экспертиз.

В связи с этим еще одной важной для развития судебно-экологической экспертизы задачей является повышение уровня квалификации негосударственных экспертов-экологов.

Это может осуществляться путем проведения сертификации их компетентности (рецензирования их заключений эксперта, сдачи ими экзамена по экспертной специальности).

Также для них может быть организовано дополнительное профессиональное образование по экологическим экспертным специальностям (курсы повышения квалификации и дополнительная профессиональная переподготовка). Например, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России разработаны программы дополнительной профессиональной переподготовки по всем экологически экспертным специальностям, в которых среди прочего устанавливаются пределы специальных знаний эксперта-эколога по соответствующей специальности.

Говоря о современном состоянии СЭЭ, надо остановиться и на методической основе этой экспертизы.

Ранее были подготовлены методические рекомендации по исследованию экологического состояния объектов почвенно-геологического происхождения и водных объектов¹. При производстве СЭЭ в качестве методических материалов

¹ Омелянюк Г.Г., Гончарук Н.Ю., Король С.Г., Гулевская В.В., Никифоров В.Л. Методические рекомендации по судебно-экологическому исследованию почвенно-геологических объектов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2009. – № 3 (15). – С. 88-115. Омелянюк Г.Г., Гончарук Н.Ю., Король С.Г., Бебешко Г.И., Жандарева М.В. Методические рекомендации по судебно-экологическому исследованию водных объектов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2009. – № 2 (14). – С. 86-105.

используется большое количество государственных стандартов¹. Проведена валидация некоторых из них².

При исследовании экологического состояния объектов окружающей среды в целях определения стоимости восстановления применяют подходы, содержащиеся в федеральных стандартах оценки (ФСО): сравнительный, доходный и затратный. Но поскольку судебно-экспертная и оценочная деятельность отличаются и регулируются разными законодательными актами, то ФСО применяют только как методические материалы³.

Однако методическое обеспечение судебно-экологической экспертизы нуждается в дополнении, например применительно к исследованию экологического состояния естественных и искусственных биоценозов. Представляется, что для этого необходима подготовка методик в соответствии с требованиями системы менеджмента качества на основании утвержденной инструкции по разработке и актуализации судебно-экспертных методик в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России.

В заключении хотелось бы обратить внимание на важность дальнейшего развития судебно-экологической экспертизы как в государственных судебно-экспертных учреждениях, так и в негосударственных экспертных организациях. Это позволит более широко применять специальные знания при расследовании экологических и некоторых иных преступлений. Кроме того, профилактическая деятельность экспертов-экологов может помочь в предупреждении указанных преступлений.

Литература

1. Бебешко Г.И., Омелянюк Г.Г., Никулина М.В., Валитова А.Р. Практика валидации методики определения рН и удельной электропроводности в объектах почвенно-геологического происхождения для производства судебно-экологической экспертизы при отсутствии стандартных образцов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2017. – Т. 12. – № 2.

2. Омелянюк Г.Г., Гончарук Н.Ю., Король С.Г., Бебешко Г.И., Жандарева М.В. Методические рекомендации по судебно-экологическому исследованию водных объектов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2009. – № 2 (14).

¹ Михалева Н.В. Совершенствование методического обеспечения судебно-экологической экспертизы. Теория и практика судебной экспертизы. – 2022. – Т. 17. – № 2. – С. 70-74. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2022-2-70-74>

² Бебешко Г.И., Омелянюк Г.Г., Никулина М.В., Валитова А.Р. Практика валидации методики определения рН и удельной электропроводности в объектах почвенно-геологического происхождения для производства судебно-экологической экспертизы при отсутствии стандартных образцов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2017. – Т. 12. – № 2. – С. 66–74.

³ Селиванов А.А., Зубова М.А. Курс лекций по экспертной специальности 19.2 «Исследование продовольственных товаров, в том числе с целью проведения их оценки». Учебное пособие для экспертов. – М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2020. – 122 с. <https://doi.org/10.30764/978-5-91133-199-3-2020-2>

3. Омелянюк Г.Г., Михалева Н.В. Экологическая экспертиза судебная / Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Ч. II. Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы / Под ред. С.А. Смирновой. М.: Эком, 2012.

4. Петрухина О.А. Проблемы организации судебных экспертиз при расследовании экологических преступлений // Теория и практика судебной экспертизы. – 2017. – Т. 12. – № 4.

5. Майорова Е.И. Некоторые дискуссионные вопросы судебно-экологической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. – 2017. – Т. 12. – № 2.

6. Михалева Н.В. Современный взгляд на объекты судебно-экологической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. – 2021. – Т. 16. – № 3.

7. Михалева Н.В. Совершенствование методического обеспечения судебно-экологической экспертизы. Теория и практика судебной экспертизы. – 2022. – Т. 17. – № 2.

8. Селиванов А.А., Зубова М.А. Курс лекций по экспертной специальности 19.2 «Исследование продовольственных товаров, в том числе с целью проведения их оценки». Учебное пособие для экспертов. – М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2020.

Озеров И.Н., Озеров К.И.

Проблемы понимания объектов цифровой природы у оперативных сотрудников, осуществляющих документирование IT-преступлений

Аннотация. Существенное влияние на изменение характера оперативно-розыскной деятельности и в первую очередь на документирование оперативно значимой информации оказывает новые технологические процессы, входящие в жизнь нашего общества. Авторами рассмотрены вопросы, касающиеся правильной организации информационного обеспечения сотрудников, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность. Затронуты проблемы информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности инструментарием по сбору и закреплению электронной информации имеющей важное значение для осуществления эффективного документирования мошенничеств и других преступлений в IT-сфере.

Ключевые слова: Цифровизация, IT, QR-код, IP-адрес, профессиональный стандарт, информационное обеспечение ОРД, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскная информация.

Развитие информационных технологий, равно, как и появление в связи с этим новых форм преступлений предусматривает постоянное совершенствование не просто тактических, организационных форм борьбы с преступностью. Можно бесконечно анализировать те или иные технологические тренды и на их основе смотреть, каким образом отдельные преступники, либо преступная организация будут использовать технологии в своих целях.

С уверенностью можно сказать о том, что за последние годы информационные технологии развиваются стремительным образом. В первую

очередь, следует отметить, что значительные изменения затронули технологии, которые напрямую связаны с получением и анализом оперативно значимой информации. Данные изменения в наибольшей степени затронули сферу получения оперативной информации посредством сети Интернет.

Что касается информационного обеспечения, то оно представляет собой процесс, в котором есть последовательно сменяющие друг друга стадии. В каждой из таких стадий субъекты могут оказывать воздействие на информацию с целью достижения тех или иных целей. Как показывает практика, информационное обеспечение берет свое начало в получении важной информации, с потенциального ее носителя.¹

Это предопределяет возникновение нового вида оперативно-розыскной информации выступающей предметом оперативно-розыскного документирования (электронная переписка, QR-код, скриншоты, накопитель информации, флеш-карты, съемный жесткий диск и др.), которые выступают эффективным средством оперативно-розыскного доказывания. В связи с чем оперативно-розыскные органы должны оперативно адаптироваться к быстрому развитию и использованию технологий, в частности – в работе с электронными (цифровыми) объектами (следами). При этом, данная форма электронных (цифровых) объектов (следов) зачастую не имеет правовой регламентации в конкретной правовой системе, поскольку нормативные правовые акты лишь следуют за технологическим прогрессом. Получение электронной (цифровой) оперативной информации относится к новым способам фиксации (документирования) преступной деятельности, с учетом растущего количества рассматриваемых преступлений, так как когда преступления совершаются удаленно с использованием, интернетсоединений, в результате которых остается тот или иной «цифровой след».

Указанное понятие электронного («цифрового») субъекта (следа) в настоящее время не регламентировано на законодательном уровне РФ, но используемого в ряде нормативно-правовых документах, например: Профессиональный стандарт «Специалист по моделированию, сбору и анализу данных цифрового следа»² начавший свое действие с 1 марта 2022 года сроком на 5 лет.

Цифровой (электронный) след (цифровая тень) представляют собой данные, остающиеся при использовании цифровых (информационно-телекоммуникационных) устройств (интернета). Например: посещаемые веб-сайты, отправляемые электронные письма и информацию, оставляемую в онлайн-формах. Эти объекты можно использовать для отслеживания действий человека и его устройств в интернете.

¹ Иванов, П. И. Федеральному закону «об оперативно-розыскной деятельности» 25 лет / П. И. Иванов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2021. – № 1(96). – С. 157.

² Приказ Минтруда России от 09.07.2021 № 462н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по моделированию, сбору и анализу данных цифрового следа» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.07.2021 № 64502) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 02.08.2021

Фактически понятие о «цифровом следе» уже было дано в 2016 г. и как указано в Регламенте Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 2016/679 (однако Регламент адресован членам ЕС, каковым Россия не является) - «Физические лица могут быть связаны с сетевыми идентификаторами, предусмотренными их устройствами, приложениями, программными средствами и протоколами, как например, IP-адреса, идентификаторы типа куки-файлы или иные идентификаторы, например, метки радиочастотной идентификации. Это может оставлять следы, которые, особенно в сочетании с уникальными идентификаторами и другой полученной серверами информацией, могут быть использованы для создания профилей физических лиц и для их идентификации» (абз. 30)¹. Как видим, ранее были выделены некоторые признаки «цифрового следа»: IP-адрес, идентификаторы типа «Cookie» (Куки-файлы), метки радиочастотной идентификации.

Кроме этого, следует отметить, что в связи с высокими темпами цифровизации общества и всех сфер жизнедеятельности, в том числе и связанной с киберпреступностью для оперативных сотрудников в значительной степени возрастает роль информационного поиска в сети Интернет. Это обусловлено тем, что вместе с развитием интернета у преступников появляются новые возможности для координации своих действий, сокрытию преступлений в настоящее время преимущественно используется интернет, в частности различные социальные сети или мессенджеры. Помимо этого, также появляются новые виды преступлений, которые реализуются посредством сети Интернет, наиболее яркими примерами будет являться кража личных данных, паролей, банковских реквизитов, пропаганда и распространение запрещенной информации.² Принимая во внимание этот факт, и то что информационные ресурсы Интернета в работе оперативных подразделений занимают место центрального источника в получении важной оперативной информации при документировании данных преступлений необходимо правильное применение категориального и иного аппарата, как обязательного условия в правильном понимании объектов цифровой природы у оперативных сотрудников, осуществляющих документирование IT-преступлений.

Также, с целью распознавания украденных, подозрительных интернет-сайтов, страниц социальных сетей в рамках ОРД могут задействоваться алгоритмы ИИ. Задействуются системы распознавания образов, речи в режиме онлайн; системы семантического и контентного анализа речи, текстов с целью оценки психологического состояния их автора. Принимаются на практике такие решения, которые дают возможность хранить собранную информацию,

¹ Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных)» (Принят в г. Брюсселе 27.04.2016) // Журнал ЕПИСЕС. - № L-119. -04.05.2016. – Стр.1-88.

² Акцызов, Д. С. Оперативно-розыскная деятельность Российской Федерации в условиях цифровизации / Д. С. Акцызов, И. А. Шананин // Студенческий. – 2022. – № 15-6(185). – С. 42.

проводить интеллектуальный анализ информации для превентивного определения сигналов, которые, потенциально, указывают на всплеск преступности. Наконец, обеспечивается переход с бумажного документооборота к автоматизированному рабочему месту сотрудника ОВД. Технологии искусственного интеллекта применяются в работе роботов, робототехнических комплексов, что обеспечивает решение задач ОВД, в том числе – осмотр места происшествия, определенных объектов. Активно применяются системы по поддержке в принятии решений, для установления вариантов проведения оперативно-профилактической работы. Есть также системы предиктивной аналитики с целью прогнозирования дальнейших криминальных событий.¹

В качестве технологической, организационной базы для реализации предиктивной деятельности в МВД можно назвать единую информационно-аналитическую, оперативно-розыскную систему (подобно системе Интерпола INSIGHT).

Главное достижение в применении цифровых программ в работе ОРД сегодня – это использование нейросистем, искусственного интеллекта. Анализируя перспективы применения таких технологий в работе правоохранительных органов, важно сказать, что искусственный интеллект существенно оказывает воздействие на формирование нового вектора в борьбе с преступностью, и особо актуальной в сегодняшнее время темой – борьба с IT-мошенничествами.

Считается, что один из самых эффективных инструментов в рамках борьбы с преступностью для правоохранителей – это наличие в арсенале эффективных, инновационных инструментов контроля над информационным пространством с применением возможностей искусственного интеллекта. Давно требуется достичь тесной интеграции правоохранителей не просто в рамках соседних государств, но и с теми, кто общих границ не имеет.

Следует отметить, что в связи с многообразием источников информации, представляется практически целесообразным использование в работе оперативных сотрудников технологий искусственного интеллекта.²

Понимание объектов цифровой природы у оперативных сотрудников, осуществляющих документирование IT-преступлений направлена на получение из гласных и негласных источников качественных оперативных данных, их введение в решение задач, которые поставлены перед оперативными подразделениями.

¹ Симонов, И. С. Информационное обеспечение оперативно-розыскной деятельности / И. С. Симонов, С. С. Кондратьев, П. Г. Куркин // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – № 5А. – С. 353.

² Белино-Белинович, Т. С. Проблемы информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности / Т. С. Белино-Белинович // Актуальные проблемы юриспруденции: Сборник статей по материалам XLVI международной научно-практической конференции, Новосибирск, 24 мая 2021 года / ООО «СибАК». – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Сибирская академическая книга», 2021. – С. 80.

Так в соответствии с приговором Октябрьского районного суда г. Мурманска от 28.07.2020 г. по уголовному делу в отношении Тамазанова В.Т., Скоморохина И.С., Васильева Е.А. и Чупрова Н.В., в приговоре суда указано о том, что в ходе преступной деятельности группа лиц, использовала программы VPN, позволяющие менять и скрывать IP-адреса и данные устройства с которого осуществлялось соединение с сетью «Интернет», т.е. фактически создавалось зашифрованное интернет-соединение, что крайне затрудняло установление личности всех участников организованной группы.

В созданную преступную группу все участники входили на постоянной основе и имели в качестве основного источника дохода денежные средства, получаемые от незаконной преступной деятельности в её составе. Это выражалось в стабильности ее состава, участники которого были объединены единым умыслом, направленным на систематическое совершение особо тяжких преступлений, в согласованности их действий, в наличии иерархической вертикали подчинения, состоящей из лидера – организатора и подчиняющихся ему участников группы, в четком распределении ролей при совершении преступлений, в постоянстве форм и методов незаконной деятельности, рассчитанных на долгосрочный период существования, в тщательности подготовки к совершению преступлений, в жесткой дисциплине внутри организованной группы, заключавшейся в беспрекословном подчинении его участников руководителю организованной группы. Все члены организованной группы неукоснительно следовали плану преступной деятельности и указаниям лидера организованной группы – организатора, передаваемым при совершении отдельных преступлений, четко соблюдали меры конспирации.

Каждому совершаемому преступлению предшествовали тщательная разработка плана и четкое распределение ролей между участниками.

Схема взаимодействия участников организованной группы посредством программ мгновенного обмена сообщениями в сети «Интернет», позволяла избежать любых прямых личных контактов, как между собой, так и с «внешней средой», что обеспечивало высокую степень конспирации преступной деятельности.

Исходя из указанного приговора суда, установлено, что доказательственное значение в ходе вынесения приговора имели и факты проведения оперативно-розыскных мероприятий в виде «Снятия информации с технических каналов связи» в отношении Тамазанова В.Т., проведенного на основании судебного решения, а именно входящей и исходящей информации, передаваемой и получаемой с использованием учетной записи с никнеймом <данные изъяты> зарегистрированной на абонентский №Х в мессенджере «Телеграм» за период с 01.01.2017 до 02.08.2018, а также на основании изъятых у подсудимых в ходе задержания, мобильных телефонов содержащих чат-переписку в мессенджере «Telegram» и их последующего оперативного осмотра.¹ Таким образом, одно из

¹ Приговор Октябрьского районного суда г. Мурманска от 28.07.2020г. (Дело №1-73/2020) // Интернет-ресурс судебных актов «Судакт» [офиц. сайт] sudact.ru/ (дата обращения 22.12.2022).

доказательств, указывающих на противоправную деятельность злоумышленников, указывал и электронный (цифровой) след.

Резюмирую вышесказанное, отмечаем что в настоящее время использование информационных технологий имеет в оперативно-розыском документировании проблемы, связанные с нехваткой кадров, способных разрабатывать, грамотно и максимально результативно использовать информационные технологии, что влечет слабое понимание объектов цифровой природы у оперативных сотрудников, осуществляющих документирование IT-преступлений.

Литература

1. Акцызов, Д. С. Оперативно-розыскная деятельность Российской Федерации в условиях цифровизации / Д. С. Акцызов, И. А. Шананин // Студенческий. – 2022. – № 15-6(185). –

2. Белино-Белинович, Т. С. Проблемы информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности / Т. С. Белино-Белинович // Актуальные проблемы юриспруденции : Сборник статей по материалам XLVI международной научно-практической конференции, Новосибирск, 24 мая 2021 года / ООО «СибАК». – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Сибирская академическая книга», 2021.

3. Иванов, П. И. Федеральному закону «об оперативно-розыскной деятельности» 25 лет / П. И. Иванов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2021. – № 1(96).

4. Озеров, К.И. Раскрытие мошенничеств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89).

5. Озеров, И.Н. Категория риска в оперативно-розыскной деятельности: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - Санкт-Петербург, 2001.

6. Озеров, И.Н. Осуществление оперативно-розыскной деятельности в особых условиях // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 2 (32).

7. Озеров, К.И. Мошеннические действия с применением информационно-телекоммуникационных технологий в сфере мобильных интернет-приложений // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 2.

8. Озеров, К.И., Озеров, И.Н. Проблемы предупреждения мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Проблемы правоохранительной деятельности. 2021. № 1. Погоньшев, В. А. Вопросы цифровизации оперативно-розыскной деятельности сотрудников МВД России / В. А. Погоньшев, Т. М. Хвостенко, П. С. Ковалев // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Информационные технологии. – 2021. – № 2(18).

9. Симонов, И. С. Информационное обеспечение оперативно-розыскной деятельности / И. С. Симонов, С. С. Кондратюков, П. Г. Куркин // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – № 5А. – С. 353-358.

10. Тимофеев, С.В., Кожина, Т.А. Проблемы, связанные с искусственным интеллектом в системах видеонаблюдения с функцией распознавания лиц // Научный дайджест ВосточноСибирского института МВД России. — 2022. №3 (17).

Письменный Н.М.

Способы манипуляций на рынке криптовалют, роль судебной экономической экспертизы в эпоху цифровизации

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы понимания цифровых объектов судебной экономической экспертиз.

Ключевые слова: средство платежа, способы манипуляции, рынок цифровой валюты, судебная экономическая экспертиза.

Средство платежа является одной из самых важных функций денежных средств, поскольку фактическая потребность общества в унифицированном инструменте оплаты товаров или услуг послужила для создания государством официальной национальной валюты. В нашей стране национальной валютой является - российский рубль. За всю историю рубль имел несколько исторических форм:

- дореволюционный (до 07.11.1917 г.);
- советский (1919 г. – 1992 г.);
- российский (1992 г. – н.в.).

Сегодня, на отечественном финансовом рынке российский рубль существует в двух форматах, в виде наличных и безналичных денежных средств, однако, глобальная цифровизация мирового экономического сектора, открывает пути к формированию абсолютно новой – цифровой форме рубля.

В мировой экономике уже сложилась практика внедрения как децентрализованных цифровых валют в собственные платежные системы, так и создание своей собственной национальной цифровой валюты. Первой страной внедрившей цифровую форму валюты в государственную финансовую систему было Содружество Багамских островов, которое во второй половине 2020 года запустило в национальное использование «SAND DOLLAR».

Основными преимуществами цифровых активов являются те же достоинства, что и в основном имеет процесс цифровизации экономики. Другими словами, цифровые активы служат тем необходимым новым эволюционным инструментом рынка, которое несет в себе цифровизация и технический прогресс общества в целом.

На данный момент в России отсутствует цифровая национальная валюта, а использование иных цифровых активов как средств платежа запрещено на законодательном уровне, что по мнению автора связано с рисками, которые

несут в себе зарубежные цифровые валюты для государственной финансовой системы РФ. Таким образом, государственная политика по формированию правовой основы использования цифровых финансовых активов и цифровой валюты в качестве средства платежа имеет сдержанный и неторопливый характер, например, ФЗ № 259 «О цифровых финансовых активах...»¹ находился на утверждении в Государственной думе более двух лет. В результате недостаточной законодательной определенности правоотношений между субъектами экономической деятельности в секторе цифровой экономики, не был установлен порядок бухгалтерского учета цифровой валюты в балансе организации, а также налогового режима по уплате налогов для операций с цифровой валютой, а термин «криптовалюта» и вовсе остался без внимания.

Как и любой финансовый рынок, крипто-рынок в силу своей новизны и общественной популярности на фоне скачкообразного роста котировок, которые продемонстрировал Bitcoin в 2017 году, подвержен все тем же спекулятивным и финансовым махинациям.

Автором, в ходе написания работы, проведен анализ, в результате которого определено значение и ценность судебной экономической экспертизы в процессе установления или подтверждения факта (-ов) совершения противоправных действий, предусмотренных ст.185.3. УК РФ на рынке цифровых валют, а также приведены основные актуальные способы, используемые злоумышленниками в целях получения дохода или избежания убытков в крупном размере.

Однако, прежде стоит раскрыть понятие - манипулирование рынком, данное законодателем в ст.185.3 УК РФ: «Манипулирование рынком, то есть умышленное распространение через средства массовой информации, в том числе электронные, информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет»), заведомо ложных сведений или совершение операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами либо иные умышленные действия, запрещенные законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, если в результате таких незаконных действий цена, спрос, предложение или объем торгов финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами отклонились от уровня или поддерживались на уровне, существенно отличающемся от того уровня, который сформировался бы без учета указанных выше незаконных действий, и такие действия причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжены с извлечением излишнего дохода или избежанием убытков в крупном размере,...».²

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022), ст.185.3.

Необходимо отметить, что в состав преступления указанной выше статьи, в настоящее время, не входят понятия – цифровых активов (криптовалюта, цифровая валюта). Так, в работе профессора Кулыгиным В.В. в соавторстве с Тен А.Н. было предложено изменение действующей редакции ст.185.3 УК РФ в части определения объекта состава преступления в новой формулировке «...общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок естественного ценообразования на финансовые инструменты в т.ч. цифровые активы, иностранную валюту и (или) товары»¹.

Автор полностью согласен с выводами, к которым в своей работе пришли авторы Кулыгин В.В. и Тен А.Н., однако, по мнению автора, в работе не в полном объеме находят отражение схемы манипуляций на рынке криптовалют, что в свою очередь, не позволяет наглядно продемонстрировать манипуляционные схемы злоумышленников для исследователей и специалистов, что поможет последним оценить специфику работы обозреваемого рынка в достаточной степени.

Проведение анализа конъюнктуры мирового финансового рынка криптовалют уже сегодня помогает выявить новые методы манипулирования рынком цифровых валют, что способствует выработке превентивных мер со стороны правоохранительных органов и организаций, осуществляющих финансовый контроль по обнаружению и противодействию манипуляциям со стороны злоумышленников. Опыт других стран в данной области является для нас объективно полезным к заимствованию и адаптации к условиям российской финансовой системы, а также будет непосредственно поспособствует комплексному формированию нормативной базы и последующей разработке собственных процедур и методик по борьбе с манипуляциями на рынке цифровой валюты.

Таким образом, в настоящее время основными способами манипуляции на рынке цифровой валюты являются:

Pump & Dump (памп и дамп) - «Бойлерная» или «Накачка и сброс»

Данная стратегия также имеет место в реалиях классического финансового рынка.

Манипуляция заключается в том, что трейдер всевозможными способами, пытается увеличить стоимость своих токенов и др. доступных ему крипто-активов в целях последующей перепродажи по наиболее высокой цене. Существует достаточно способов, которыми происходит увеличение стоимости актива, коими могут быть:

- Дезинформирование участников рынка и иных трейдеров;
- Самостоятельная скупка криптовалюты.

¹ Кулыгин, В. В. Манипулирование рынком криптовалют / В. В. Кулыгин, А. Н. Тен // Технология блокчейн и криптовалютный рынок: глобальные риски, тенденции и перспективы развития : Сборник научных трудов. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2022. – С. 114-128. – EDN№ FEGRHL.

Wash Trading (вош-трейдинг) – «Фиктивные торги»

Данный способ наиболее часто применим несколькими трейдерами, сколько самими площадками, проводящими торги. Суть способа заключается в том, чтобы сфальсифицировать объем торгов конкретной биржи, создать динамику сделок. Как правило схема реализуется посредством использования ботов (программ), реже через реальных трейдеров, осуществляющих перепродажи между собой. К данному способу возможно отнести методику известную как «спаривание ордеров», согласно которой происходит формирование двух ордеров (покупка и продажа) за одинаковую стоимость.

Cross Trading (кросс-трейдинг)

Как и предыдущий способ, данная схема больше относится к применению с участием самой биржи, поскольку без ее участия данная технология маловероятна к осуществлению. Природа способа состоит в том, чтобы избежать фиксации со стороны биржи, проведенной операции по покупке или продаже, в целях сохранения стоимости проданных или приобретенных активов.

Layering & Spoofing (лейринг и спуфинг)

В рамках данного способа злоумышленник реализует размещение ордера на покупку или продажу (как правило в крупном объеме) определенной криптовалюты. Ордер существует до момента достижения требуемой для манипулятора цены на крипто-актив, после этого злоумышленник его просто – отменяет.

Whale Moves - «Действия «китов» или «китовый произвол»

Киты являются самыми крупными млекопитающими на нашей планете, аналогичным термином обозвали гигантов финансового рынка, у которых во владении имеется внушительное количество определенной криптовалюты. Любые операции, как правило, так же проводятся в крупных размерах, что несомненно влечет изменение стоимости криптовалюты.

Инсайдерская торговля (Insider trading)

Торговля в данном случае происходит в интересах небольшого количества трейдеров, которые владеют достоверной информацией о будущих событиях или обстоятельствах, способных повлиять на курсовую стоимость криптовалюты. Таким образом, осуществляется планомерная продажа или покупка небольшими долями определенной криптовалюты и когда новость становится общедоступной, мгновенное умножение вложенных средств либо иная финансовая выгода манипулятора.

В целом при таком развитии цифрового финансового сектора избежать манипуляций на бирже криптовалюты практически невозможно. Поскольку криптовалюта имеет децентрализованный характер, а торги в основном осуществляются на частных биржах, как правило не предоставляющих информацию, определить количество в статистическом измерении практически невозможно. Однако, достаточно часто, темы, связанные с манипуляциями на рынке криптовалют возглавляют новостные порталы.

По мнению автора основная задача отечественного законодателя при формировании правового поля, предоставить криптовалюте статус легального средства платежа, проблема состоит в грамотном формировании

обеспечительных мер по правовой защите криптовалюты и иных цифровых валют, которая в данный момент отсутствует у собственников крипто-средств. Наравне с этим необходимо создание правовых институтов по обращению, налогообложению и бухгалтерскому учету криптовалюты, создание отечественных площадок для проведения торгов и осуществление контроля за операциями, вместе с тем не нарушающего основной принцип криптовалюты – децентрализованный характер.

Как отмечал в своей работе Александр Иванович Чучаев: «Система уголовного законодательства в России состоит из норм Уголовного кодекса, который имеет свойства подвижности и адаптации уголовно-правовых норм в зависимости от изменения социально-экономических, политических, идеологических и культурных потребностей и интересов общества к новым реалиям.¹ Именно по причине изменения потребностей общества уголовному законодательству необходимо отвечать современным условиям, продиктованные процессом цифровизации экономического сектора.

Те же изменения касаются и экономических экспертов, поскольку появление конфликтов среди участников торгов на мировых крипто-биржах, встречаются уже сегодня. Уже в наши дни у следствия существует потребность в установлении фактов или событий хозяйственной деятельности лица, предметом преступления которого является криптовалюта.

От судебных экспертов в данный момент времени требуется активное наблюдение и изучение мировой практики по обнаружению и установлению факта манипулирования цифрового рынка, в том числе анализ опыта работы иностранных экспертов, сталкивающихся с криптовалютой как объектом экспертного исследования. Также необходимо формирование отечественных экспертных методик по работе с новым объектом – криптовалютой. Итоговым и не менее важным фактором в данном деле является комплектование научного ядра из работ, посвященных тематике назначения и производства судебной экономической экспертизы цифровых активов.

Литература

1. Кулыгин, В. В. Манипулирование рынком криптовалют / В. В. Кулыгин, А. Н. Тен // Технология блокчейн и криптовалютный рынок: глобальные риски, тенденции и перспективы развития : Сборник научных трудов. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2022.

¹ Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. КОНТРАКТ, 2017.

Современное состояние экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельности и перспективы ее реформирования

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы формирования общей (единой) государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства, высокотехнологичная преступность, интегрированный научный фундамент.

Активная трансформация общественных отношений, связанная с переходом к информационному обществу и экономике знаний, включая широкое использование технологий искусственного интеллекта в соответствии с рядом указов Президента РФ и иных нормативных правовых актов, сопровождается модернизацией правовой системы страны. Введена система цифровых прав и цифровых финансовых активов, а также ряд других правовых новелл, требующих создания эффективной уголовно-правовой защиты современных общественных отношений от атак высокотехнологичного криминала. Это предполагает поиск новых основ для консолидации представителей всех наук уголовно-правового блока, позволяющих преодолеть проявления «научного сепаратизма»¹ и создать ее интегрированный научный фундамент, а также оснастить правоприменителей современным инструментарием для борьбы с криминалом.

Проведенные совместные исследования ученых и специалистов Московской академии Следственного комитета РФ и Московского университета МВД РФ, первый этап которых был завершен в 2021 г. под нашим научным руководством, позволили выявить многие из наиболее болезненных проблем в данной сфере, а также обозначить ряд направлений по разработке способов их решения. В этом коллективном межведомственном исследовании возможностей экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельности в борьбе с современной преступностью приняли участие более тысячи сотрудников Следственного комитета РФ и Министерства внутренних дел РФ, опросы которых по специально разработанным анкетам нескольких видов проводились, анализировались и обобщались преподавателями Московской академии Следственного комитета РФ и Московского университета МВД РФ им. В.Я. Кикотя.

В результате исследования делается общий вывод, что исторически сложившаяся организация научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства в нашей стране не соответствует уровню развития современной науки, техники и технологий. При этом предлагается как стратегическая цель – формирование общей (единой) государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, имея в виду следующее.

¹ Волынский А.Ф. Предмет криминалистики и «Научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. № 1 (45). Март 2018. С. 175-185.

1. Процесс возникновения и развития экспертно-криминалистической и судебно-экспертной видов деятельности проходил в условиях межведомственного противостояния, порой (60-е годы XX века) выразившегося в разрушительных последствиях для всей системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства. Последствия таких противоречий проявляются до сих пор.

2. Сугубо ведомственные подходы к организации, научно-методическому и правовому обеспечению указанных видов деятельности обусловили:

- стабильно-консервативное состояние системы судебно-экспертных учреждений Минюста России;

- экстенсивное развитие ЭКП ОВД системы МВД России – расширялась их сеть, увеличивались штаты, но неизменной с начала XX века остается организация их деятельности;

- отсутствие в ведомственной нормативной базе системы судебно-экспертных учреждений МВД России и Минюста России положений, регламентирующих создание экспертных методик и придание им правового статуса на ведомственном и государственном уровне;

- искусственно организованную дифференциацию криминалистических знаний без учета особенностей этого процесса в прикладных науках.

3. Нерациональность организации деятельности ЭКП ОВД подтверждается статистическими данными. За последнее десятилетие в два раза сократилось количество проводимых исследований и более, чем на 100 тыс. –экспертиз.

4. Почти десять лет ведутся бесплодные дискуссии по поводу новой редакции Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ. В его новых редакциях игнорируются явные противоречия ряда положений данного закона требованиям Уголовно-процессуального кодекса РФ, несмотря на то, что федеральные законы, противоречащие настоящему Кодексу, не подлежат применению.

- наиболее ярким примером является ст. 25 данного Федерального закона в соответствии с которой в заключении эксперта он должен указать на использованные им методы. В то же время, в соответствии п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК РФ эксперт должен указать на использованную им методику, причем нарушение требований настоящего Кодекса в соответствии с положениями ст. 75 и 88 УПК РФ приводит к тому, что заключение эксперта, как доказательство по уголовному делу, теряет юридическую силу и становится недопустимым.

- требование уголовно-процессуального законодательства об указании экспертом не отдельных методов, а использованной им методики, то есть, развернутого описания алгоритма всех его действий, включающего полную совокупность примененных им экспертных методов в строго определенной последовательности, не является чисто «формальным». Его неукоснительное выполнение обеспечивает возможность соблюдения следователем требований ст. 17, 87 и 88 УПК РФ об обязательной проверке и оценке заключения эксперта, а

затем и показаний эксперта, как и других доказательств по расследуемому уголовному делу¹.

5. Более современная и перспективная форма организации экспертно-криминалистической и судебно-экспертной видов деятельности отмечается в Следственном комитете России, где:

- вновь сформированная система судебно-экспертных учреждений (СЭУ) организационно обособлена от криминалистической службы;

- традиционно действующий непосредственно в следственных подразделениях институт следователей-криминалистов фактически обеспечивает постоянное сопровождение процесса расследования преступлений с ориентацией на конечный, а как следствие, более содержательный результат.

6. Быстрый рост новых видов преступлений в сфере цифровой экономики и финансов, различных форм проявлений экстремизма с использованием сети Интернет, а также других видов преступлений с использованием компьютерной техники и информационных технологий, требует разработки принципиально новых подходов к созданию криминалистического инструментария. Выделены три основных направления развития компьютерной криминалистики:

- первое связано с широким использованием всевозможных компьютеризованных устройств и информационных технологий, включая элементы искусственного интеллекта, как новой криминалистической техники и методик, позволяющих проконтролировать буквально каждый шаг преступника при подготовке, совершении и сокрытии самых различных видов преступлений, идентифицировать его личность и зафиксировать следы преступления. На принципиально новый уровень выведены и информационные системы криминалистических учетов различных видов, а также проблемно-ориентированные комплексы программных средств для обработки больших данных, чтобы получить сведения, имеющие значение для уголовного дела;

- второе сориентировано на обеспечение надлежащей уголовно-правовой защиты информационной инфраструктуры государства, компьютерных сетей и различных компьютеризованных устройств, информационных систем и хранящейся в них информации от воздействия со стороны высокотехнологичного криминала. На недавнем совещании Совета безопасности президент В.В. Путин обратил внимание на ряд проблем в данной сфере, включая разработку отечественного программного обеспечения, и поставил задачи по разработке основ государственной политики в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры;

- третье нацелено на формирование надлежащей уголовно-правовой защиты новой системы правоотношений субъектов информационного общества в информационном пространстве компьютерных сетей. При этом речь идет не только об использовании информации различного вида, но и о совершении широкого спектра сделок в системе цифровых прав субъектов информационного общества, а также с использованием цифровых финансовых активов, включая криптовалюты

¹ Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе. / под ред. А.Ф. Волынского и В.А. Прорвича. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Экономика, 2021.

различного вида. Они оформляются с помощью электронных документов, которые регистрируются и хранятся в информационных системах профессиональных участников фондового рынка, а затем передаются в подобные информационные системы для совершения широкого спектра транзакций с учетом особенностей их правил, интегрированных в виртуальном информационном пространстве, но с самыми различными материальными последствиями

7. По результатам исследований был сделан ряд выводов о необходимости трансфера в систему наук уголовно-правового блока определенных методов и инструментария, разработанных в рамках математики, кибернетики и других наук информационного блока. При этом учитывались особенности положений Национального стандарта РФ «Трансфер технологий» ГОСТ Р 57194.1-2016. Для выявления особенностей выполнения важнейших процедур трансфера современных технологий в уголовное судопроизводство уже сформирован ряд направлений работ в рамках второго этапа данного межведомственного межведомственного исследования.

8. В связи с изложенным предлагается создать на базе ныне действующих СЭУ Следственного комитета России, СЭУ и ЭКП МВД России, МЧС России (по взаимному согласованию) общую систему научно-методического обеспечения судебно-экспертных учреждений во главе с Научно-практическим центром по организационному и методическому обеспечению их деятельности.

Среди основных задач данного межведомственного Центра необходимо предусмотреть организацию комплекса работ по трансферу методов, алгоритмов и информационных технологий, разработанных в системе наук информационного блока, в сферу наук уголовно-правового блока, с последующей разработкой на их основе экспертных методик и приданием им необходимого правового статуса.

При этом систему СЭУ Минюста России целесообразно сориентировать на производство альтернативных судебных экспертиз и экспертиз в сфере гражданского, арбитражного и административного судопроизводства.

9. Предлагается также:

- законодательно признать средством доказывания, наряду с судебной экспертизой, исследование специалиста (по опыту зарубежных стран), определить порядок его назначения и оформления (по примеру ст. 195 и 204 УПК РФ).

- распространить опыт работы следователей-криминалистов Следственного комитета России в деятельность следователей (дознателей) ОВД системы МВД России, регламентировать их правовое положение;

- законодательно регламентировать порядок создания и организацию деятельности негосударственных СЭУ, в том числе, судебно-экспертных лабораторий на базе профильных образовательных учреждений, сориентировав их на подготовку научно обоснованных экспертных методик.

10. Таким образом, формирование единой государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства предполагает публично-правовую дифференциацию применения специальных знаний в различных видах судопроизводства и на различных стадиях уголовного судопроизводства, рациональное, экономически обоснованное размещение СЭУ и ЭКП по ведомствам

и по регионам страны, их оснащение исследовательской техникой и распределение штатной численности судебных экспертов.

Организация трансфера современной техники и технологий, разработанных в рамках фундаментальных и прикладных естественных наук, в сферу уголовного судопроизводства, позволит создать современный инструментарий для борьбы с любыми проявлениями новых видов криминала, возникающих в условиях глобальной цифровизации общественных отношений.

11. Криминалистика, как и другие науки уголовно-правового блока, не может осваивать и обеспечивать использование в уголовном судопроизводстве достижения XXI века в организационно-правовых формах XX века. В ходе второго этапа совместных исследований ученых и специалистов Московской академии Следственного комитета РФ и Московского университета МВД РФ, который осуществляется в настоящее время, основные акценты делаются на выявлении основных особенностей российского уголовного судопроизводства XXI века. При этом особое внимание уделяется роли и месту современной криминалистики в системе наук уголовно-правового блока, применительно к созданию современного инструментария для борьбы с высокотехнологичной преступностью на основе интегрированного научного фундамента.

Приглашаем коллег, заинтересованных в решении обозначенных в настоящей работе проблем, к участию в нашем межведомственном исследовании. Пожелания, замечания и предложения можно направить по адресу: kse60@mail.ru.

Литература

1. Волынский А.Ф. Предмет криминалистики и «Научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. № 1 (45). Март 2018.

2. Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе. / под ред. А.Ф. Волынского и В.А. Прорвича. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Экономика, 2021.

Ревякин А.М.

Алгоритм реконструкции звукового сигнала, как один из методов проведения шумоочистки

Аннотация. Статья посвящена новому для российской экспертной практики методу шумоочистки фонограмм в рамках производства фоновскопических исследований. Основу метода составляет автоматическое определение значений модуля и частот дискретного преобразования Фурье, превосходящих некоторый заданный порог (выделение полезного сигнала в его аддитивной смеси с шумом). По результатам проведённого в СЭЦ СК России исследований, установлена возможность применения этого метода в российской экспертной практике. В связи с этим рассматривается сущность этого метода, его возможности и ограничения. Метод

позволяет решать задачу фильтрации стационарных широкополосных шумов на представленных аудиозаписях.

Ключевые слова: судебная фоноскопическая экспертиза, методы экспертизы, алгоритмы.

Термины и определения:

интерференция – взаимное увеличение или уменьшение амплитуды двух или нескольких акустических волн наложенных друг на друга;

белый шум – стационарный шум, спектральные составляющие которого равномерно распределены по всему диапазону частот;

АЦП (аналого-цифровой преобразователь) – устройство, преобразующее входной аналоговый сигнал в дискретный код (цифровой сигнал);

полюса цифрового фильтра – тоже самое что и импульсная характеристика, которая представляет собой реакцию фильтра на единичное воздействие;

априорная информация – информация, известная о сигнале до проведения измерений (эксперимента);

математическое ожидание – среднее значение звукового сигнала (шума);

средне-квадратическое отклонение - степень отклонения уровня сигнала от среднего значения;

избирательность – способность цифрового фильтра разделять близкие частоты спектра.

Наряду с общим ростом количества судебных фоноскопических экспертиз, назначаемых в СЭЦ СК России, заметно увеличивается количество вопросов связанных с проведением шумоочистки представленных на исследование фонограмм.

В процессе экспертных исследований как правило необходимо удалить спектральные компоненты шума с целью повышения качества и разборчивости голоса и речи на аудиозаписях. Общие принципы шумоочистки аудиозаписей описаны уже давно и с успехом применяются на практике. В подавляющем большинстве случаев повысить качество звучания и удалить нежелательные шумовые компоненты спектра возможно с помощью разнообразных звуковых редакторов, таких как например «Adobe Audition» и «iZotope». Которые имеют богатый инструментарий в плане удаления различного рода искажений:

- равномерный широкополосный белый шум (тепловой шум в цепях звуковой карты, шум магнитной ленты, шум квантования, смесь наводок от компонентов компьютера и внешних источников электромагнитного излучения);

- различные звуки фона, проникающие в микрофон и смешивающиеся с основной записью;

- хрипы, вызванные нелинейными искажениями при перегрузке АЦП;

- щелчки, образовавшиеся из-за некорректного монтажа фрагментов волновых форм в местах их состыковки;

- щелчки и выпадения отсчетов, обусловленные в основном ошибками в считывании данных с дорожки диска.

В отдельных случаях, при использовании стандартных методов шумоочистки, бывает весьма затруднительно добиться приемлемого качества

звучания речевого сигнала на фонограмме. Это объясняется следующими факторами: во-первых на практике спектральные составляющие шума имеют различное происхождение и взаимодействуя друг с другом в результате интерференции, преобразуются в стохастические помехи с достаточно сложной для анализа структурой; во-вторых интенсивность шума, распределение его энергии в различных диапазонах частот может изменяться, что также является существенной проблемой при анализе и обработке спектральных компонент помех; в третьих настройки большинства фильтров, которые определяются значениями их полюсов, зачастую имеют фиксированные значения. Это приводит к удалению не только шума, но и отдельных спектральных компонент речевого сигнала, и как следствие к появлению дополнительных искажений.

Целью алгоритма реконструкции является воссоздание звукового сигнала, который был искажён в процессе записи определенными шумами, про которые имеется достаточно определенная априорная информация. Метод реконструкции основан на моделировании процессов искажения и применении обратных процессов для восстановления полезного (речевого) сигнала.

Алгоритм действий можно разделить на несколько этапов:

- построение модели шума;
 - определение амплитуд и частот дискретных гармоник в зашумленном сигнале;
 - определение амплитудного спектра шума;
 - расчёт граничных значений, порогов относимости спектральных компонент к полезному (речевому) сигналу;
 - выделение дискретных гармоник полезного (речевого) сигнала в соответствии с заданными критериями оценки.
 - проведение обратного дискретного преобразования Фурье.
- Восстановление полезного (речевого) сигнала.

Значения амплитуд и частот дискретных гармоник в зашумленном сигнале и амплитудный спектр шума определяются с помощью алгоритма прямого дискретного преобразования Фурье вида:

$$G(m) = \sum_{n=0}^{N-1} g(n) * e^{-j2\pi nm/N} \quad (1.1)$$

и

$$P(m) = \sum_{n=0}^{N-1} p(n) * e^{-j2\pi nm/N} \quad (1.2)$$

где $g(n)$, $p(n)$ – представление зашумленного сигнала и шума в пространственно-временной области;

$G(m)$, $P(m)$ - представление зашумленного сигнала и шума в амплитудно-частотной области;

n – порядковые номера отсчётов сигнала;

m – порядковые номера частот спектральных компонент;

N – общее количество отсчётов сигнала.

После вычисления спектральных компонент зашумленного сигнала и шума в соответствии с [1.1] и [1.2] определялись максимумы амплитудных спектров шума и зашумленного сигнала, а также средняя мощность аддитивной смеси сигнала с шумом [1.5]. После чего проводился расчёт диапазонов допустимых значений порогов ε_1 [1.3] и ε_2 [1.4]:

$$\frac{|P(m)_{max}|}{|G(m)_{max}|} < \varepsilon_1 < 1 \quad (1.3)$$

и

$$\frac{|P(m)_{max}^2|}{X_{cp}} < \varepsilon_2 < \frac{|G(m)_{max}^2|}{X_{cp}} \quad (1.4)$$

$$X_{cp} = \frac{1}{N} * \sum_{k=0}^{N-1} |G(m)^2| \quad (1.5)$$

где $G(m)$ – амплитуда спектра смеси сигнала с шумом; $G(m)_{max}$ – максимальная амплитуда спектра смеси сигнала с шумом; X_{cp} – средняя мощность смеси сигнала с шумом; $P(m)_{max}$ – максимум амплитудного спектра шума.

После вычисления диапазонов пороговых значений ε_1 и ε_2 , исходя из условий [1.6-1.7], выполняется процесс восстановления полезного речевого сигнала из смеси сигнала с шумом с заданными критериями оценки. Для эффективного шумоподавления необходимо, чтобы значения амплитуд спектральных компонент сигнала превышали значения максимальной амплитуды шума.

$$\frac{|G(m)|}{|G(m)_{max}|} > \varepsilon_1 \quad (1.6)$$

и

$$\frac{|G(m)^2|}{X_{cp}} > \varepsilon_2 \quad (1.7)$$

В качестве примера проведения реконструкции (восстановления) использовался исходный звуковой сигнал, состоящий из двух гармоник (наводок) на частотах $f_1=1000$ Гц и $f_2=3000$ Гц с частотой дискретизации $F_s=8000$ Гц, количеством отсчётов $N=512$ (рис. 1), который микшировался с «белым» шумом с нулевым математическим ожиданием и единичным средне-квадратичным отклонением (СКО) (рис. 2). Осциллограмма и спектрограмма смеси исходного сигнала с шумом представлены на (рис. 3).

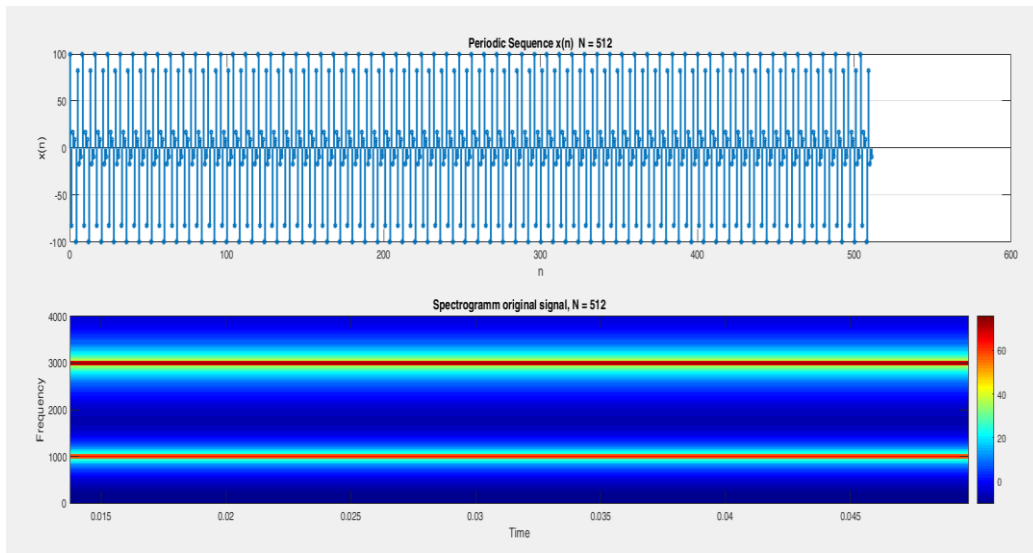

Рис. 1. Осциллограмма и спектрограмма исходного звукового сигнала. Две гармоники (наводки) на частотах $f_1=1000$ Гц и $f_2=3000$ Гц.

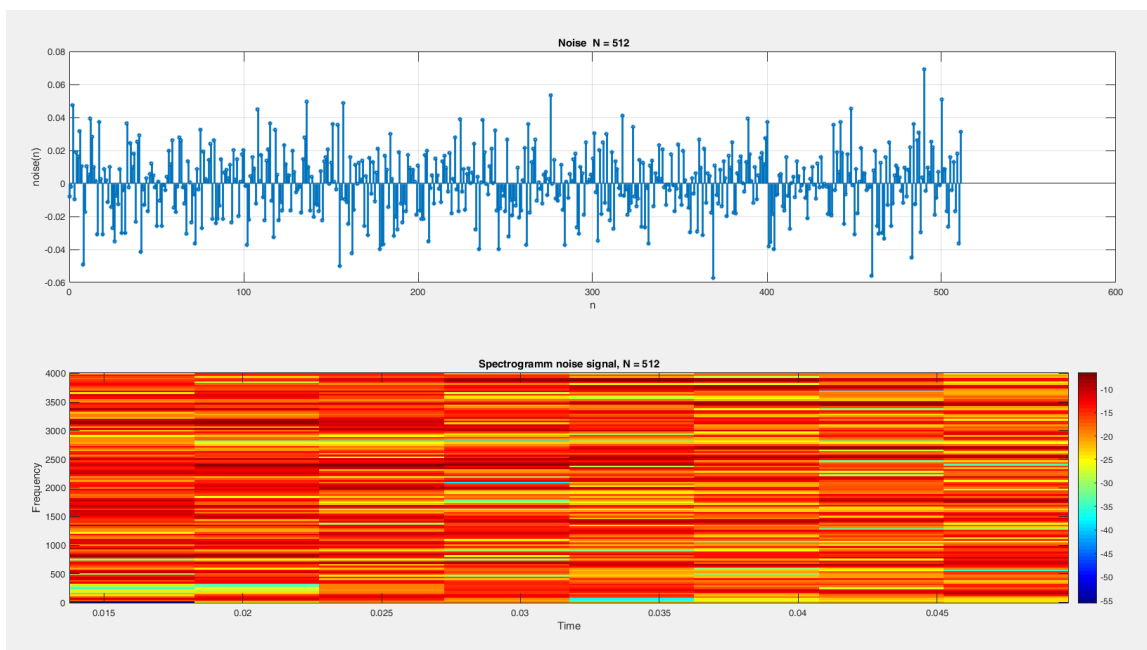

Рис. 2. Осциллограмма и спектрограмма «белого» шума.

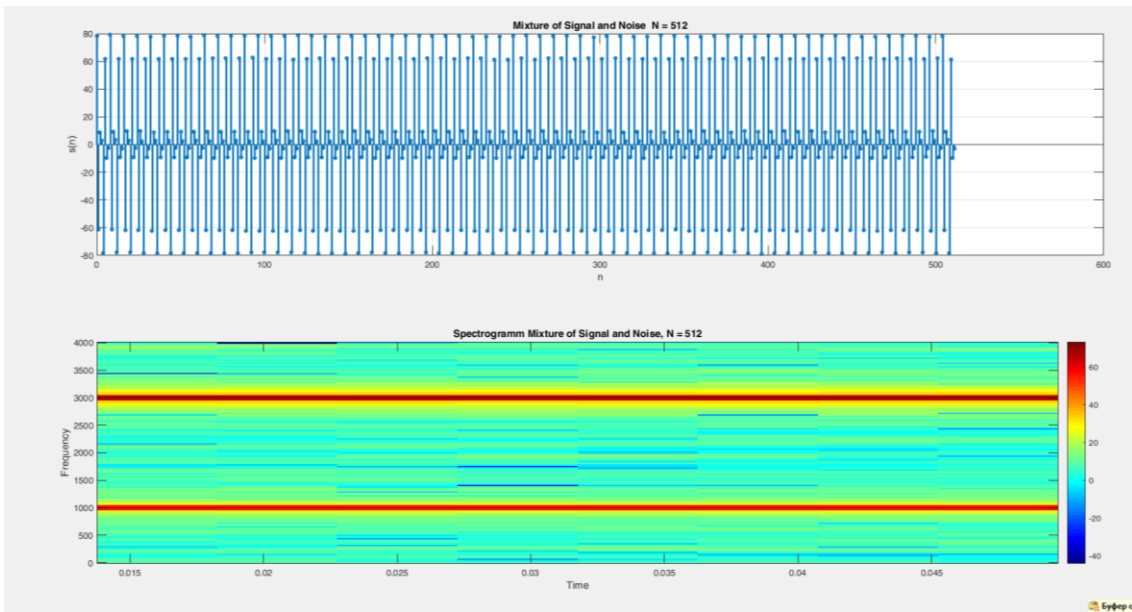

Рис. 3. Смесь исходного звукового сигнала с белым шумом.

Результаты применения алгоритма реконструкции согласно [1.6-1.7] представлены на (рис. 4, нижняя часть иллюстрации).

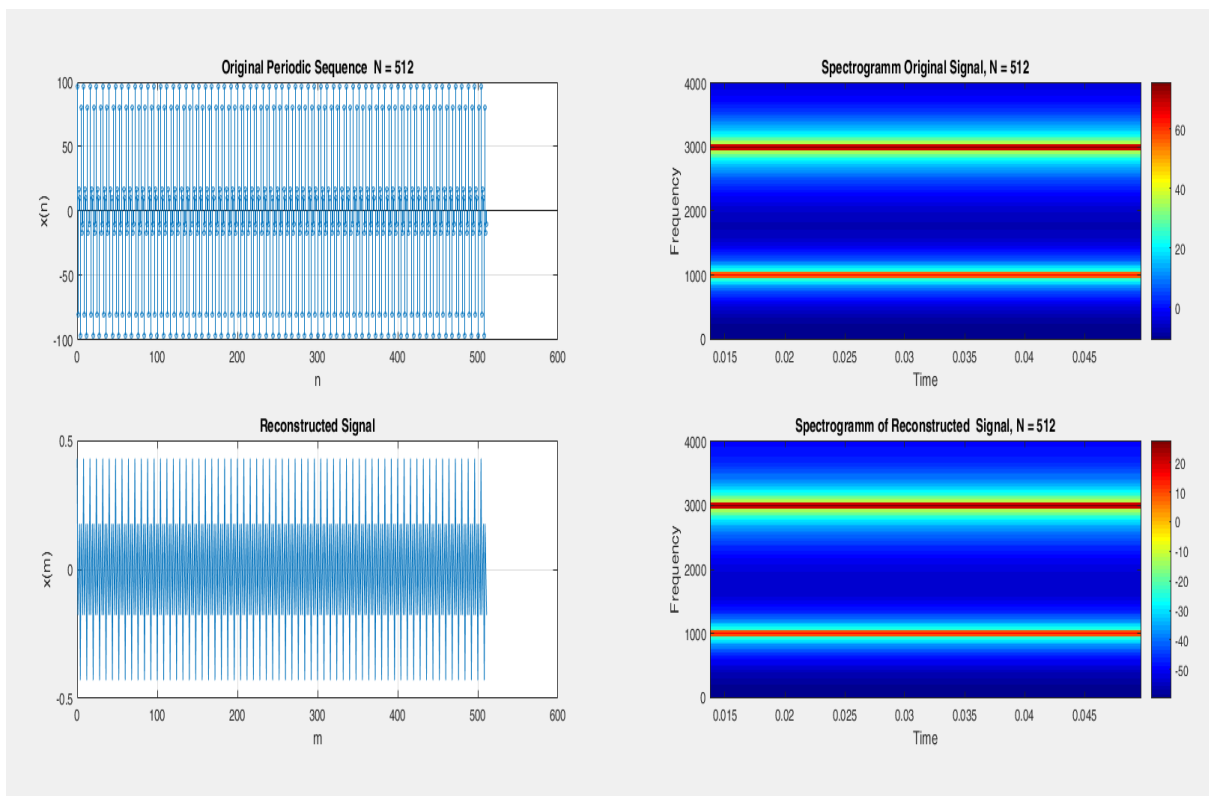

Рис. 4. Осциллограмма и спектрограмма исходного звукового сигнала (верхняя часть иллюстрации). Осциллограмма и спектрограмма восстановленного звукового сигнала (нижняя часть иллюстрации).

Визуальный анализ динамических спектрограмм и осциллограмм «белого» шума, исходного, микшированного и восстановленного сигналов (рис.1-4) показал, что при использовании алгоритма реконструкции звуковой сигнал

полностью восстановлен, а спектральные компоненты «белого» шума удалены практически на всём диапазоне частот.

Цифровые фильтры синтезированные на основе алгоритма реконструкции звукового сигнала обладают высокой избирательностью, позволяя эффективно подавлять стационарные шумы различной природы, не искажая полезный (речевой) сигнал. К входным параметрам фильтра относятся: пороговые значения ε_1 и ε_2 , которые можно изменять в пределах [см. 1.3-1.4]; параметры шума (средне-квадратичное отклонение и математическое ожидание), значения которых определяются исходя из априорной оценки модели шума. При малых значениях ε_1 и ε_2 достигается эффект наилучшей избирательности при низком уровне шумоподавления. При больших значениях ε_1 и ε_2 увеличивается уровень шумоподавления, при этом снижается избирательность. Таким образом значения порогов ε_1 и ε_2 задаются исходя из требований конкретной задачи.

Главной особенностью цифровых фильтров синтезированных на основе алгоритма реконструкции звукового сигнала является жёсткая привязка входных параметров к характеристикам шума. Так, например, если на одной зашумленной фонограмме удалось подавить шум с заданными значениями порогов ε_1 и ε_2 , то на других фонограммах шумоочистка с ранее вычисленными порогами может оказаться неудовлетворительной. Каждый раз, на отдельно взятой фонограмме необходимо повторно вычислять параметры шума и пороговые значения критериев оценки.

В заключении хотелось бы добавить, что идеальных алгоритмов осуществляющих шумоочистку звукового сигнала не существует. Эффективное удаление помех в отдельных случаях связано с уменьшением скорости вычислений, а также с появлением дополнительных помех и искажений сигнала после проведения фильтрации. В этой связи алгоритм реконструкции звукового сигнала занимает «золотую середину» среди прочих методов по шумоочистке фонограмм от стационарного широкополосного шума.

Примечание: все вычисления и визуализация звуковых сигналов проводилась на программном комплексе для инженерно-технических исследований «MATHLAB 2015b».

Литература

1. Стивен Смит. Цифровая обработка сигналов. Практическое руководство для инженеров и научных работников. Серия «Схемотехника» 2008 г. – 720 с.
2. Ричард Лайонс. Цифровая обработка сигналов. Изд. «Бином-Пресс 2015. – 656 с.
3. Н.Н. Мартынов, А.П. Иванов. MATHLAB 5.X Вычисления. Визуализация. Программирование. Изд. «Кудиц-Образ» Москва 2000 г. – 336 с.
4. В.И. Гадзиковский. Цифровая обработка сигналов. Изд. «Солон-Пресс» 2013 г. – 766 с.

Дискуссионные вопросы установления пола и гендера автора по признаками письменной речи

Аннотация. В статье рассматриваются естественнонаучные основы диагностики пола автора по признакам письменной речи. Критическому осмыслению подвергаются возможности установления гендерной принадлежности автора по признакам письменной речи, что связано с отсутствием четких критериев разграничения биологически и социально обусловленных факторов, влияющих на репрезентацию признаков письменной речи в аспекте решения задачи по установлению гендерной принадлежности автора.

Ключевые слова: автороведческая экспертиза, установление пола автора, раскрытие и расследование преступлений.

Одной из наиболее ранних предпосылок к исследованию демографических характеристик автора, разрабатываемых в судебном автороведении, являлась **возможность диагностирования половой принадлежности автора** по признакам письменной речи¹.

Отметим, что понятие «пол» по своей сути многокомпонентное. Пол может рассматриваться в физиологическом (биологическом), социальном, психологическом аспектах.

В естественных и гуманитарных науках не существует единого толкования понятия «пол». Так, например, Большой медицинский словарь определяет «пол» как *«совокупность генетически детерминированных признаков особи, определяющих её роль в процессе оплодотворения»*². В соответствии с данным определением слово «пол» рассматривается лишь с точки зрения репродуктивной функции особи. Однако в Энциклопедии социологии лексическое значение слова «пол», определяется как *«1. Совокупность морфологических и физиол. особенностей. 2. Комплекс соматических, репродуктивных, социокультурных и поведенческих характеристик, обуславливающих личный, социокультурный и правовой статус мужчины и женщины»*³. Если же обратиться к Психологическому словарю И. М. Кондакова, то «пол» рассматривается как *«Онтогенетически*

¹ Сааков, Т. А. Установление пола автора по признакам письменной речи в целях раскрытия и расследования преступлений / Т. А. Сааков // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2018. — №7. — С. 206 — 211; Сааков, Т. А. К вопросу об установлении пола автора по признакам письменной речи / Т. А. Сааков // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р. С. Белкина. Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста». — М.: Проспект, 2018. — С. 645 — 649.

² Большой медицинский словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rus-medical.slovaro№li№e.com/23516-%D0%9F%D0%BE%D0%BB> (дата обращения: 23.04.2020).

³ Энциклопедия социологии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.e№dic.ru/e№c_sociology/Pol-2031.html (дата обращения: 23.04.2020).

развивающийся комплекс биологических, поведенческих и социальных признаков, определяющих индивида как мужчину или женщину»¹.

П. И. Сидоров, Г. Б. Дерягин выделяют 9 компонентов, определяющих понятие пол: генетический, гонадный, гормональный, соматический (морфологический), церебральный пол (половая дифференциация головного мозга), гражданский, паспортный, воспитательный, психологический (половая аутоидентификация, направленность полового влечения)².

Исходя из вышеизложенного видим, что понятие «пол» не имеет однозначного толкования, в этой связи для того чтобы определить, что мы будем понимать под установлением **половой принадлежности автора**, изначально необходимо выявить, на основании каких закономерностей возникают различия в письменной речи мужчин и женщин, и на этой базе определить комплексы диагностических признаков, характерные для лиц мужского и женского пола.

Научно доказано, что у мужчин и женщин имеются свои отличительные особенности, связанные со специфическим устройством головного мозга, вызванного работой его полушарий, а также функциональной асимметрией³. Анализ последних исследований в области нейрофизиологии показывает увеличение числа данных, свидетельствующих о половых различиях в структурной и нейрохимической организации мозга⁴. Одним из первых, кому удалось на экспериментальном уровне установить взаимосвязь функциональной асимметрии мозга и полового диморфизма мужчин и женщин как по вербальным, так и по невербальным функциям, была Дж. МакГлоун⁵.

В настоящее время учёными продолжают вестись разработки в области изучения функциональной асимметрии мозга в организации речевой деятельности мужчин и женщин⁶. Исследования, проведённые Г. Харрингтон, Ф. Томазевски, показывают, что у мужчин и женщин активируются разные области мозга, когда они сталкиваются со специфическими лингвистическими

¹ Кондаков, И. М. Психологический словарь / И. М. Кондаков [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://psychology.academic.ru/1697/%D0%BF%D0%BE%D0%BB> (дата обращения: 14.03. 2022).

² Сидоров, П. И., Дерягин, Г. Б. Сексуальное поведение и насилие / П. И. Сидоров, Г. Б. Дерягин: монография. — М.: МЕДпресс-информ, 2007. — С. 5.

³ См., например: Маклаков, А. Г., Бойко, Е. А. Особенности личности мужчин и женщин с разными типами функциональной асимметрии / А. Г. Маклаков, Е. А. Бойко // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. — 2018. — С. 27 — 33.

⁴ Игнатова, Ю. П., Макарова, И. И., Зенина, О. Ю., Аксенова, А. В. Современные аспекты изучения функциональной межполушарной асимметрии мозга (обзор литературы) / Ю. П. Игнатова, И. И. Макарова, О. Ю. Зенина, А. В. Аксенова // Экология человека. — 2016. — №9. — С. 30 — 39.

⁵ McGloone, J. Sex differences in human brain asymmetry: a critical survey / J. McGloone // Behavior. Brain Sci. — 1980. — Vol.3. — P. 215 — 227.

⁶ Clements, A. M., Rimrodt, S. L., Abel. Sex differences in cerebral laterality of language and visuospatial processing / A. M. Clements, S. L. Rimrodt J. R. Abel [et al] // Brain and Language. — 2006. — 98. — P. 150 — 158.

тестами, что подтверждает гипотезу о биологической разнообразии языковой компетенции между полами¹.

Следует отметить, что среди отечественных криминалистов С. М. Вул и А. П. Мартынюк были первыми, кто использовал результаты, полученные из области нейрофизиологии, для установления половой принадлежности автора². Т. А. Литвинова, О. В. Загоровская, В. А. Черванева, О. А. Литвинова также отмечают, что «Основопологающим фактором различий являются особенности устройства головного мозга, специализация его полушарий и функциональная асимметрия: у мужчин за речь отвечает левое полушарие, у женщин — оба полушария сразу (у женщин отсутствует чёткая функциональная асимметрия полушарий)»³.

Отметим, что на дифференциацию в речи мужчин и женщин оказывает влияние не только специфика устройства и работы полушарий головного мозга (биологический фактор), а также стереотипы, представления, нормы поведения, т.е. социально обусловленные факторы. Необходимо отметить, что половой диморфизм, т.е. появление различий, отличающих мужчин от женщин, обусловленных влиянием социально-психологических факторов, которые связаны с проявлением маскулинности и феминности, в различных науках обозначается понятием «гендер»⁴.

Понятие «гендер» также, как и «пол», не имеет однозначного толкования в науке. Так, например, Е. С. Зиновьева, ссылаясь на О. Г. Троицкую, отмечает, что некоторые исследователи рассматривают понятия гендер и пол как синонимы. Однако такое положение дел приводит к путанице данных терминов⁵. Б. Макэлхинни указывает, что гендер не является свойством которым человек обладает или которое ему принадлежит⁶. По нашему мнению, наиболее удачно разграничивает понятия пол и гендер Э. Гидденс, который

¹ HarriNogtoNog, Greg S., Farias, Sarah Tomaszewski. Sex differNoces iNog laNoguage processiNog: FuNctioNal MRI methodological coNsideratioNes. / Greg S HarriNogtoNog, Sarah Tomaszewski, Farias. JourNal of MagNetic ResoNance ImagiNog. — 27. — 2008. — P. 1221 — 1228.

² Вул, С. М., Мартынюк, А. П. Теоретические предпосылки диагностирования половой принадлежности автора документа. Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистических экспертиз // С. М. Вул, А. П. Мартынюк. Сбор. науч. труд. — М.: ВНИИСЭ, 1987. — С.105 — 112.

³ Литвинова, Т. А., Загоровская, О. В., Черванева, В. А. Проблема диагностирования пола автора письменного текста: фактор жанра /Т. А. Литвинова, О. В. Загоровская, В. А. Черванева [и др.] // RussiaNog JourNal of EducatioNog aNog Psychology. — 2014. — Nог1 (33) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleNogika.ru/article/Nog/problema-diagNostirovaniya-pola-avtora-pismeNogogo-teksta-faktor-zhazera> (дата обращения: 03.03.2022).

⁴ См., например: Матвиенко, В. В. Гендер как социокультурный феномен / В. В. Матвиенко // Общество: социология, психология, педагогика. — 2016. — Nог10. — С. 14 — 16.

⁵ Зиновьева, Е. С. Предпосылки становления гендерной лингвистики / Е. С. Зиновьева // Ярославский педагогический вестник. — 2014. — Nог3. — С. 158.

⁶ McElhinNog, B. Holmes, J., Meyerhoff., M. TheoriziNog gender iNog sociolinguistics aNog linguistic aNogthropology // The haNogdbook of laNoguage aNog gender / B. McElhinNog, J. Holmes, M. Meyerhoff [et al]. — Oxford, 2003. — P. 21 — 42.

указывает, что «если пол имеет отношение к физическим, телесным различиям между женщиной и мужчиной, то понятие «гендер» затрагивает их психологические, социальные и культурные особенности. <...> Если пол индивида биологически детерминирован, то род (гендер) является культурно и социально заданным»¹. Действительно, гендер надлежит рассматривать как некую совокупность действий индивида, обусловленных социальными и культурными традициями общества в конкретный период времени.

Гендерные различия между мужчинами и женщинами являются объектами исследования на стыке сразу нескольких наук: психологии, социологии, филологии и других². Среди отечественных учёных, исследовавших закономерности и особенности проявления различий в речи мужчин и женщин, можно назвать таких учёных, как С. М. Вул, А. П. Мартынюк, Е. И. Горошко, А. В. Кириллина, Е. С. Ощепкова, Т. В. Гомон, А. К. Ермолаева, Е. А. Земская и других³.

Так, например, по результатам исследований русской письменной речи, относящейся к бытовому стилю письма, проведённых С. М. Вулом и Е. И. Горошко, был составлен основной и дополнительный списки диагностических характеристик мужской и женской письменной речи⁴. Результаты, полученные А. В. Кирилиной, показали, что в речи мужчин и женщин встречаются отличительные особенности, которые она условно называет симптомами первого и второго порядка⁵. Аналогичное разделение признаков мужской и женской письменной речи приводит в своей работе

¹ Цит. по Чупина, В. А. Лукинская, Л. А. Преодоление гендерных противоречий в высшем профессиональном образовании: монография / В. А. Чупина, Л. А. Лукинская; Рос. гос. проф.- пед. ун-т. Екатеринбург, 2011. — С. 153.

² См., например: Adler, Max K. Sex difference in human speech: a sociolinguistic study / Max K. Adler. — Hamburg: Buske, 1978. — 152 p; Labov, W. The Social stratification of English in New-York City / W. Labov. — Washington, 1966. — 501 p; Земская, Е. А., Китайгородская, М. А., Розанова, Н. Н. Особенности мужской и женской речи / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык в его функционировании / под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. — М., 1993. — 324 с.

³ См., например: Вул, С. М., Мартынюк, А. П. Теоретические предпосылки диагностирования половой принадлежности автора документа. Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистических экспертиз // С. М. Вул, А. П. Мартынюк. Сбор. науч. труд. — М.: ВНИИСЭ, 1987. — С. 105 — 111; Горошко, Е. И. Исследование оценочных значений прилагательных с целью установления пола автора документа / Е. И. Горошко // Криминалистика и судебная экспертиза. Респ. межвед. науч.-метод. сбор, Киев: Лыбидь, 1990. — Вып. 41. — С. 62 — 66.

⁴ См.: Вул, С. М., Горошко, Е. И. Исследование статистических структур письменной речи в целях разработки методики установления пола автора документа / С. М. Вул, Е. И. Горошко // Роль судебной экспертизы в раскрытии и профилактике преступлений: тез. науч.-практ. конф / под ред. В. М. Палий, Одесса: Одесская ЛНИСЭ, 1994. — С.84 — 86.

⁵ Кириллина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кириллина. — М.: Институт социологии РАН, 1999. — 180 с.

Т. В. Гомон, которая именуется их как глубинные и поверхностные¹. Как справедливо отмечает Н. В. Вязигина, «Разграничение симптомов (признаков) первого и второго порядка (или поверхностных и глубинных, как их называет Т. В. Гомон) тесно связано с имеющейся в автороведческой экспертизе проблемой имитации речи другого лица»².

Попытки разрешения данной проблемы были осуществлены Е. С. Ощепковой³. Исследования, проведённые В. Ф. Енгальчевой, В. П. Беяниным, Е. С. Константиновой, Е. С. Ощепковой, позволили выявить комплекс как «неизменных», так и поддающихся имитации признаков, характерных для лиц мужского и женского пола⁴.

Исходя из изложенного выше, приходим к выводу, что гендер, как отмечалось нами ранее, характеризует проявление пола в социально-культурном аспекте, а исследование различий в речи мужчин и женщин обусловлены не только влиянием социально-культурного фактора, а также и биологического (функциональной асимметрией мозга, оказывающей влияния на речь мужчин и женщин). Исходя из того, что сегодня чётко разграничить данные признаки между собой не представляется возможным, а большинство подходов к исследованию различий в письменной речи мужчин и женщин базируются на комплексном анализе (биологические, социальные, психологические факторы), то представляется целесообразным с позиции судебной автороведческой диагностики говорить о возможностях, позволяющих по признакам письменной речи отнести автора речевого продукта к группе мужчин или женщин.

Перспективным представляется в дальнейшем проводить исследования в данной области, которые бы позволили разграничить релевантные с позиции судебной автороведческой экспертизы признаки письменной речи, обусловленные влиянием выше обозначенных факторов. Такое положение дел увеличило бы потенцию автороведческих исследований и означало бы не только возможность диагностирования пола автора (мужчина или женщина), а также и его гендерного типа, например, маскулинный, феминный, андрогинный или недифференцированный⁵. В условиях гендерной дисфории, характерной

¹ Гомон, Т. В. Судебно-автороведческая экспертиза текстов документов, составленных с намеренным искажением письменной речи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Гомон Татьяна Владимировна. — М., 1992. — 23 с.

² Вязигина, Н. В. Гендерная лингвистика и диагностика пола как задача автороведческой экспертизы / Н. В. Вязигина // Юрислингвистика. — 2013. — №2. — С. 51.

³ Ощепкова, Е. С. Идентификация пола автора по письменному тексту: (лексико-грамматический аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ощепкова Екатерина Сергеевна. — М., 2003. — С. 83 — 84.

⁴ Енгальчев, В. Ф., Беянин В. П., Константинова, Е. С. Психолингвистические особенности «мужского» и «женского» языков / В. Ф. Енгальчев, В. П. Беянин, Е. С. Константинова [и др.] // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. — 2001. — Вып. 2. — С. 177 — 187.

⁵ Шабанов, Л. В., Шелехов, И. Л., Рубан, Н. Н. Половая принадлежность и гендерная идентичность подростков из семей различного типа / Л. В. Шабанов, И. Л. Шелехов, Н. Н. Рубан // Вестник ТГПУ. — 2009. — №8. — С. 100.

для современного общества, получение информации о поле автора (мужской или женский) наряду с указанием его гендерного типа способствовало бы ещё более эффективному розыску лиц по признакам письменной речи.

Среди исследований, проведённых за рубежом, имеется также немало количество работ, посвящённых изучению различий между мужской и женской письменной речью.

Так, например, результаты исследований, проведённых британскими учёными М. Коппелом, Ш. Аргамоном, А. Шимони и др., позволили верно установить гендерную принадлежность автора в 79,5 % и 82,6 % случаях соответственно¹. Имеются и более поздние исследования, проведённые на материалах греческого языка, которые также демонстрируют принципиальную возможность диагностирования гендерной принадлежности автора по материалам текстов в блогах².

А. Йоханнсену, Д. Хови, А. Согаарду удалось выявить устойчивую корреляцию в признаках письменной речи мужчин и женщин, а также различных возрастных групп³. В данной области проводились исследования также Д. Макдональдом И. Нивре, Й. Голдбергом и др.⁴. Результаты исследований Дирка Хови позволили выявить 30 наиболее распространенных категорий тем, характерных для гендерной принадлежности авторов (мужчин и женщин)⁵.

Следует отметить, что в методических рекомендациях ЭКЦ МВД России, закрепляется перечень диагностических признаков, характерных для авторов мужчин и женщин⁶. Наряду с этим имеются также работы, посвящённые проблематике установления пола автора письменного речевого продукта в

¹ Koppel, M, Argamon, S, Shimon, A. Automatically categorizing written texts by author gender / M, Koppel, S, Argamon, A. Shimon // *Literary and Linguistic Computing*. — 2002. — 17 (4). — P. 401— 412; Schler, J, Koppel, M, Argamon, S. Effects of age and gender on blogging. Paper presented at the Proceedings of the 2006 AAAI Spring Symposium on Computational Approaches for Analyzing Weblogs / J. Schler, M. Koppel, S. Argamon [et al] [Электронный ресурс]. —

Режим доступа: https://u.cs.biu.ac.il/~schlerj/schler_springsymp06.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

² Mikros, GK. Systematic stylometric differences in men and women authors: a corpus-based study *Issues in Quantitative Linguistics* / GK. Mikros. — 2013. — (3). — P. 206 — 223.

³ Johansson, A, Hovy, D, Søgaard, A. Cross-lingual syntactic variation over age and gender. In: *Proceedings of the Nineteenth Conference on Computational Natural Language Learning* / A. Johansson, D. Hovy, A. Søgaard // *CoNLL, Association for Computational Linguistics, Beijing*. — 2015. — P. 103 — 112.

⁴ McDonald, R, Nivre, J, Quirbach-Bruedage, Y. Universal Dependency Annotation for Multilingual Parsing / R. McDonald, J. Nivre, Y. Quirbach-Bruedage. *Universal Dependency Annotation for Multilingual* [et al]. In: *ACL*. — 2013 (2) — P. 92 — 97.

⁵ Hovy, D. Demographic Factors Improve Classification Performance. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.aclweb.org/anthology/P15-1073.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).

⁶ Рубцова, И. И., Ермолова, Е. И., Безрукова, В. И. Комплексная методика производства автороведческих экспертиз: методические рекомендации / И. И. Рубцова, Е. И. Ермолова, В. И. Безрукова [и др.]. — М.: ЭКЦ МВД России, 2007. — С. 38 — 45.

блогах¹. Имеются и более поздние исследования, связанные с установлением пола автора письменного речевого продукта политического дискурса².

Таким образом, видим, что по признакам письменной речи возможно дифференцировать лиц мужского и женского пола, а также установить признаки имитации автором лица пола противоположного.

Необходимо указать, что А. В. Громова, Е. И. Горошко справедливо отмечают, что при диагностическом исследовании половой принадлежности автора следует обращать внимание на ряд других личностных характеристик, оказывающих влияние на особенности проявления признаков письменной речи в исследуемом речевом продукте: уровень образования, речевой культуры, возрастную группу автора³. Исходя из сказанного видим, что указанные выше демографические характеристики являются взаимообусловленными, что определяет наличие между ними устойчивой корреляционной взаимосвязи⁴.

Литература

1. Clements, A. M., Rimrodt, S. L., Abel. Sex differences in cerebral laterality of language and visuospatial processing / A. M. Clements, S. L. Rimrodt J. R. Abel [et al] // Brain and Language. — 2006.

2. Harrington, Greg S., Farias, Sarah Tomaszewski. Sex differences in language processing: Functional MRI methodological considerations. / Greg S Harrington, Sarah Tomaszewski, Farias. Journal of Magnetic Resonance Imaging. — 27. — 2008.

3. Novy, D. Demographic Factors Improve Classification Performance. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.aclweb.org/anthology/P15-1073.pdf> (дата обращения: 10.05.2022).

¹ См., например: Дроздова Т. Н. Диагностические и классификационные задачи в автороведческой экспертизе блогов / Т. Н. Дроздова // Актуальные проблемы российского права. — 2010. — №2 (15). — С. 394 — 404; Горошко, Е. И. Гендер и блоггика Интернета (психолингвистический анализ) / Е. И. Горошко // Вопросы психолингвистики. — 2007. — №5 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/Numerical-analysis-of-blog-generators> (дата обращения: 22.04.2020).

² См., например: Огорелков, И. В. Исследование лингвистических характеристик письменного текста политического дискурса с целью определения пола автора / И. В. Огорелков // Язык. Право. Общество. Сбор. статей V Меж. науч.-практич. конф. / Под общ. ред. О.В. Барабаш, 2018. — С. 88 — 91.

³ Громова, А. В. К вопросу о диагностике гендерных характеристик автора криминалистически значимого анонимного или псевдонимного текста / А. В. Громова // Вестник ТГПУ. — 2013. — №10 (138). — С. 181; Горошко, Е. И. Языковое сознание: тендерная парадигма / Е.И. Горошко. — М., Харьков: ИД ИНЖЭК, 2003. — С. 99

⁴ Сааков, Т. А. К вопросу о понятии демографических характеристик автора в судебной автороведческой экспертизе / Т. А. Сааков // Язык. Право. Общество. Сборник статей V Международной научно-практической конференции. — Пенза: изд-во ПГУ, 2018. — С. 99 — 102.

4. Johannsen, A, Hovy, D, Søgaard, A. Cross-lingual syntactic variation over age and gender. In: Proceedings of the Nineteenth Conference on Computational Natural Language Learning / A. Johannsen, D, Hovy, A, Søgaard // CoNLL, Association for Computational Linguistics, Beijing. — 2015.

5. Koppel, M, Argamon, S, Shimoni, A. Automatically categorizing written texts by author gender / M, Koppel, S, Argamon, A. Shimoni // Literary and Linguistic Computing. — 2002. — 17 (4). — P. 401— 412; Schler, J, Koppel, M, Argamon, S. Effects of age and gender on blogging. Paper presented at the Proceedings of the 2006 AAAI Spring Symposium on Computational Approaches for Analyzing Weblogs / J. Schler, M. Kopel, S. Argamon [et al] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://u.cs.biu.ac.il/~schlerj/schler_springsymp06.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

6. McDonald, R, Nivre, J, Quirmbach-Brundage, Y. Universal Dependency Annotation for Multilingual Parsing / R. McDonald, J. Nivre, Y. Quirmbach-Brundage. Universal Dependency Annotation for Multilingual [et al]. In ACL. — 2013 (2).

7. McElhinny, B. Holmes, J., Meyerhoff., M. Theorizing gender in sociolinguistics and linguistic anthropology // The handbook of language and gender / B. McElhinny. J. Holmes, M. Meyerhoff [et al]. — Oxford, 2003.

8. McGlone, J. Sex differences in human brain asymmetry: a critical survey / J. McGlone // Behavior. Brain Sci. — 1980. — Vol.3.

9. Mikros, GK. Systematic stylometric differences in men and women authors: a corpus-based study Issues in Quantitative Linguistics / GK. Mikros. — 2013. — (3).

10. Большой медицинский словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rus-medical.slovaronline.com/23516-%D0%9F%D0%BE%D0%BB> (дата обращения: 23.04.2022).

11. Вул, С. М., Мартынюк, А. П. Теоретические предпосылки диагностирования половой принадлежности автора документа. Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистических экспертиз // С. М. Вул, А. П. Мартынюк. Сбор. науч. труд. — М.: ВНИИСЭ, 1987.

12. Вязигина, Н. В. Гендерная лингвистика и диагностика пола как задача автороведческой экспертизы / Н. В. Вязигина // Юрислингвистика. — 2013. — №2.

13. Гомон, Т. В. Судебно-автороведческая экспертиза текстов документов, составленных с намеренным искажением письменной речи: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Гомон Татьяна Владимировна. — М., 1992.

14. Громова, А. В. К вопросу о диагностике гендерных характеристик автора криминалистически значимого анонимного или псевдонимного текста/ А. В. Громова // Вестник ТГПУ. — 2013. — №10 (138). — С. 181; Горошко, Е. И. Языковое сознание: тендерная парадигма / Е.И. Горошко. — М., Харьков: ИД ИНЖЭК, 2003.

15. Дроздова Т. Н. Диагностические и классификационные задачи в автороведческой экспертизе блогов / Т. Н. Дроздова // Актуальные проблемы российского права. — 2010. — №2 (15). — С. 394 — 404; 166. Горошко, Е. И.

Гендер и блоггика Интернета (психолингвистический анализ) / Е. И. Горошко // Вопросы психолингвистики. — 2007. — №5 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gender-i-bloggika-interneta-psiholingvisticheskiy-analiz> (дата обращения: 22.04.2022).

16. Енгальчев, В. Ф., Белянин В. П., Константинова, Е. С. Психолингвистические особенности «мужского» и «женского» языков / В. Ф. Енгальчев, В. П. Белянин, Е. С. Константинова [и др.] // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. — 2001. — Вып. 2.

17. Зиновьева, Е. С. Предпосылки становления гендерной лингвистики / Е. С. Зиновьева // Ярославский педагогический вестник. — 2014. — №3.

18. Игнатова, Ю. П., Макарова, И. И., Зенина, О. Ю., Аксенова, А. В. Современные аспекты изучения функциональной межполушарной асимметрии мозга (обзор литературы) / Ю. П. Игнатова, И. И. Макарова, О. Ю. Зенина, А. В. Аксенова // Экология человека. — 2016. — №9.

19. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. — М.: Институт социологии РАН, 1999.

20. Кондаков, И. М. Психологический словарь / И. М. Кондаков [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://psychology.academic.ru/1697/%D0%BF%D0%BE%D0%BB> (дата обращения: 14.03.2022).

21. Литвинова, Т. А., Загоровская, О. В., Черванева, В. А. Проблема диагностирования пола автора письменного текста: фактор жанра / Т. А. Литвинова, О. В. Загоровская, В. А. Черванева [и др.] // Russian Journal of Education and Psychology. — 2014. — №1 (33) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-diagnostirovaniya-pola-avtora-pismennogo-teksta-faktor-zhanra> (дата обращения: 03.03.2022).

22. Маклаков, А. Г., Бойко, Е. А. Особенности личности мужчин и женщин с разными типами функциональной асимметрии / А. Г. Маклаков, Е. А. Бойко // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. — 2018.

23. Матвиенко, В. В. Гендер как социокультурный феномен / В. В. Матвиенко // Общество: социология, психология, педагогика. — 2016. — №10.

24. Огорелков, И. В. Исследование лингвистических характеристик письменного текста политического дискурса с целью определения пола автора / И. В. Огорелков // Язык. Право. Общество. Сбор. статей V Меж. науч.-практич. конф. / Под общ. ред. О.В. Барабаш, 2018.

25. Ощепкова, Е. С. Идентификация пола автора по письменному тексту: (лексико-грамматический аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ощепкова Екатерина Сергеевна. — М., 2003.

26. Рубцова, И. И., Ермолова, Е. И., Безрукова, В. И. Комплексная методика производства автороведческих экспертиз: методические рекомендации / И. И. Рубцова, Е. И. Ермолова, В. И. Безрукова [и др.]. — М.: ЭКЦ МВД России, 2007.

27. Сааков, Т. А. К вопросу о понятии демографических характеристик автора в судебной автороведческой экспертизе / Т. А. Сааков // Язык. Право.

Общество. Сборник статей V Международной научно-практической конференции. — Пенза: изд-во ПГУ, 2018.

28. Сааков, Т. А. Установление пола автора по признакам письменной речи в целях раскрытия и расследования преступлений / Т. А. Сааков // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2018. — №7. — С. 206 — 211; Сааков, Т. А. К вопросу об установлении пола автора по признакам письменной речи / Т. А. Сааков // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р. С. Белкина. Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста». — М.: Проспект, 2018.

29. Сидоров, П. И., Дерягин, Г. Б. Сексуальное поведение и насилие / П. И. Сидоров, Г. Б. Дерягин: монография. — М.: МЕДпресс-информ, 2007.

30. Adler, Max K. Sex difference in human speech: a sociolinguistic study / Max K. Adler. — Hamburg: Buske, 1978.

31. Labov, W. The Social stratification of English in New-York City / W. Labov. — Washington, 1966.

32. Земская, Е. А., Китайгородская, М. А., Розанова, Н. Н. Особенности мужской и женской речи / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык в его функционировании / под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. — М., 1993.

33. Вул, С. М., Мартынюк, А. П. Теоретические предпосылки диагностирования половой принадлежности автора документа. Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистических экспертиз // С. М. Вул, А. П. Мартынюк. Сбор. науч. труд. — М.: ВНИИСЭ, 1987.

34. Горошко, Е. И. Исследование оценочных значений прилагательных с целью установления пола автора документа / Е. И. Горошко // Криминалистика и судебная экспертиза. Респ. межвед. науч.-метод. сбор, Киев: Лыбидь, 1990.

35. Вул, С. М., Горошко, Е. И. Исследование статистических структур письменной речи в целях разработки методики установления пола автора документа / С. М. Вул, Е. И. Горошко // Роль судебной экспертизы в раскрытии и профилактике преступлений: тез. науч.-практ. конф / под ред. В. М. Палий, Одесса: Одесская ЛНИСЭ, 1994.

36. Цит. по Чупина, В. А. Лукинская, Л. А. Преодоление гендерных противоречий в высшем профессиональном образовании: монография / В. А. Чупина, Л. А. Лукинская; Рос. гос. проф.- пед. ун-т. Екатеринбург, 2011.

37. Шабанов, Л. В., Шелехов, И. Л., Рубан, Н. Н. Половая принадлежность и гендерная идентичность подростков из семей различного типа / Л. В. Шабанов, И. Л. Шелехов, Н. Н. Рубан // Вестник ТГПУ. — 2009. — №8.

38. Энциклопедия социологии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.endic.ru/enc_sociology/Pol-2031.html (дата обращения: 23.04.2022).

К вопросу оценки заключения судебно-почерковедческой экспертизы в рамках консультационной деятельности специалиста

Аннотация. В статье рассматриваются особенности привлечения специалиста-почерковеда для оценки заключения эксперта. Отдельно рассматриваются вопросы, связанные с методическими ошибками, допускаемыми при производстве почерковедческой экспертизы и роль участия специалиста в процессуальных действиях в целях оказания помощи в их выявлении.

Ключевые слова: специалист-почерковед, оценка заключения эксперта, почерковедческая экспертиза, участие специалиста.

В соответствии с пунктом 9 постановления Пленума ВС РФ заключение эксперта, наряду со всеми иными доказательствами по делу, не имеет заранее установленной юридической силы и не обладает преимуществами перед другими доказательствами, из чего следует, что заключение эксперта, как доказательство по делу, подлежит оценке в судопроизводстве¹.

Как известно, ответственность за представление достоверных образцов почерка лежит на субъекте назначения экспертизы. Тем не менее, одним из обязательных этапов экспертного исследования является оценка представленных образцов с точки зрения возможности признания их единым почерковым материалом. В научной литературе некоторые авторы справедливо отмечают, что «Достоверность <...> оценивается путем сопоставления предоставленных документов», но дают неоднозначные пояснения: «Так, эксперт может исключить из массы сравнительного материала те образцы, содержащие рукописные записи и подписи, которые отличаются по своим общеконфигуративным признакам от основного массива»².

Следует отметить, что эксперт не занимается самостоятельным сбором образцов или их отбором из числа представленных, это бы противоречило общепринятым принципам экспертного исследования. Он осуществляет их сопоставление с целью выделения в отдельную группу тех, которые имеют между собой различия по общим и частным признакам, чтобы впоследствии провести полное и всестороннее исследование и дать обоснованные выводы в том числе относительно выделенной группы образцов.

Встречаются ситуации, когда экспертом сопоставление образцов не проводится с точки зрения возможности признания их единым почерковым материалом.

¹ Пункт 19. «О судебной экспертизе по уголовным делам» [Электронный ресурс] / пост-ние Пленума Верх. Суда РФ от 21 дек. 2010 г. № 28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Пункт 12. "О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе". [Электронный ресурс] / пост-ние Пленума ВАС РФ от 04 апреля 2014 г. N 23. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Хайруллова Э.Т. Особенности получения сравнительных образцов для проведения идентификационной почерковедческой экспертизы // Закон и право. 2021. №12. С. 216.

Так, например, по делу о мошенничестве в ходе предварительного расследования была назначена судебная почерковедческая экспертиза. По результатам производства почерковедческой экспертизы эксперт пришел к выводу о том, что представленные на исследование подписи от имени Иванова И.И., выполнены Ивановым И.И., а не иным лицом.

Однако в ходе судебного разбирательства сторона защиты ходатайствовала о назначении повторной судебной почерковедческой экспертизы ввиду того, что имеющееся в деле заключение эксперта не соответствует объективности, всесторонности и полноте исследования. Данные выводы сделала сторона защиты исходя из заключения специалиста, полученного в соответствии со ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

По результатам производства повторной экспертизы было установлено, что подписи, представленные в качестве образцов для сравнительного исследования выполнены разными лицами, в связи с чем в соответствии с методиками по производству почерковедческой экспертизы данные образцы были разделены на две группы.

В ходе исследования эксперты пришли к выводу, что подписи от имени Иванова И.И. в кредитном договоре и образцах 1-ой группы, выполненных от имени Иванова И.И. (Банковская анкета, заявление на открытие счета, график погашения задолженности) выполнены одним и тем же лицом, но вероятно не Ивановым И.И.

В качестве образцов 2-ой группы выступили условно-свободные и экспериментальные образцы Иванова И.И.

Более того, как следовало из материалов дела, Иванов И.И. оспаривал принадлежность ему выше указанной 1-ой группы образцов.

Таким образом, один и тот же злоумышленник подделывал подписи Иванова И.И. и в исследуемом документе (Кредитом договоре) и в образцах 1-ой группы (Банковская анкета, заявление на открытие счета, график погашения задолженности), которые были ошибочно представлены следователем как достоверно исполненные Ивановым И.И.

Таким образом, в первичной экспертизе экспертом была проигнорирована стадия исследования между собой сравнительного почеркового материала, что бы достоверно прийти к промежуточному выводу о том, что представленный сравнительный материал либо можно признать единым почерковым объектом, либо есть необходимость в дифференциации групп образцов. Экспертом были сделаны ошибочные промежуточные выводы, которые привели к недостоверному итоговому выводу.

Таким образом, своевременное привлечение специалиста-почерковеда позволило объективно и всесторонне оценить имеющееся в деле заключение эксперта по почерковедческой экспертизе, что способствовало возможности ходатайствовать стороне защиты о назначении повторной экспертизы и исключить возможную судебную ошибку.

В экспертной практике также встречается ситуация, когда эксперт ходатайствует перед субъектом назначения экспертизы «...с просьбой

исключить спорные образцы почерка/подписи проверяемого лица из представленных объектов, или подтвердить, что данные объекты являются вариантами подписного почерка предполагаемого исполнителя»¹. Указанные авторы отмечают, что в таком случае правоприменитель не всегда согласен исключить образцы, сомнительные образцы, или подтвердить природу их происхождения, ссылаясь на отсутствие специальных знаний в данной области.

Таким образом, при оценке заключения важно уделить внимание этапу предварительного исследования сравнительных образцов экспертом. Как нами уже отмечалось ранее, правоприменитель не всегда однозначно может указать на природу происхождения образцов, поэтому этап сопоставления образцов между собой выступает в данном случае решающим при производстве экспертизы. Если эксперт при проведении исследования пренебрегает данным этапом, то результаты экспертизы нельзя считать достоверными, а само исследование полным и всесторонним.

Следует отметить, что оценка заключения прерогатива следователя и суда, в научной литературе справедливо отмечается, что субъекты оценки недостаточно осведомлены об особенностях исследовательского процесса.

Хомутов С.В. справедливо отмечает наметившуюся тенденцию усложнения восприятия заключения эксперта² в связи с применением высокотехнологичных методов, средств исследования и оборудования, с появлением сложных иллюстративных материалов в виде диаграмм, таблиц, чертежей, схем, в результате требующих от правоприменителя больших познаний в конкретной области знания.

Тем не менее правоприменитель часто пренебрегает помощью специалиста-почерковеда в этом вопросе, хотя его участие могло бы существенно упростить, например, решение вопроса о необходимости назначения повторной экспертизы. Еще В.А. Снетков указывал на возможность привлечения специалиста при оценке доказательств при решении вопроса о соответствии объектов специальным требованиям подлинности происхождения (достоверность доказательств)³.

Таким образом, консультация специалиста как **один из инструментов оценки** заключения эксперта позволит выявить методические ошибки, и впоследствии избежать затягивания сроков рассмотрения дела и назначения повторных экспертиз в случае, когда есть сомнения относительно полноты и научной обоснованности почерковедческого исследования (заключения эксперта).

¹ Шкоропат Е.А., Головки С.А. Особенности предоставления материалов эксперту при назначении судебно-почерковедческой экспертизы // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2017. № 3. С.79.

² Хомутов С.В., По вопросу различных подходов к оценке заключения эксперта // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. №1 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/po-voprosu-razlichnyh-podhodov-k-otsenke-zaklyucheniya-eksperta> (дата обращения: 14.09.2022).

³ Снетков В.А. Основы деятельности специалиста экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел / В.А. Снетков. М., 2001. С. 56.

Литература

1. Хайруллова Э.Т. Особенности получения сравнительных образцов для проведения идентификационной почерковедческой экспертизы // Закон и право. 2021. №12.
2. Шкоропат Е.А., Головки С.А. Особенности предоставления материалов эксперту при назначении судебно-почерковедческой экспертизы // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2017. № 3.
3. Хомутов С.В., По вопросу различных подходов к оценке заключения эксперта // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. №1 (88).
4. Снетков В.А. Основы деятельности специалиста экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел / В.А. Снетков. М., 2001.

Самсонов А.А.

Некоторые проблемы планирования организации назначения следователем судебно-экономических экспертиз

Аннотация. В статье автор акцентирует внимание на некоторые проблемы правоприменительной практики при назначении судебной экономической экспертизы; качественно структурированное Постановление о назначении судебной экономической экспертизы, вне зависимости от ее рода и вида, включающее необходимые требования закона к подобным документам, позволит устранять противоречия по вопросам, связанным с необходимостью, обоснованностью назначения судебных экономических экспертиз.

Ключевые слова: судебная экономическая экспертиза, тактика назначения, организация судебной экспертизы.

На сегодняшний день в следственной практике в производстве находятся уголовные дела, связанные с экономической деятельностью субъектов преступления. При расследовании данного вида преступлений возникает, прежде всего, необходимость в назначении соответствующей экспертизы. Так, когда следователь получает на руки материалы уголовного дела и принимает решение о назначении судебно-экономической экспертизы, для него достаточно проблематичным становится вопрос, связанный с тем, какую именно экспертизу ему необходимо назначить, а также в какое экспертное учреждение направить соответствующее постановление о её назначении. Также должностное лицо в ходе назначения судебно-экономической экспертизы сталкивается с проблемами указания в постановлении мотивировочной части, а также с постановкой вопросов для разрешения эксперту. Учитывая, что назначение каждой экспертизы по конкретному делу является зачастую своеобразным, следователю все же стоит пользоваться определенным алгоритмом при назначении судебно-экономической экспертизы

для того, чтобы не запутаться и не допустить ошибок при назначении экспертизы, а постановление было максимально полным и в то же время емким.

Таким образом, тактика назначения данного рода экспертизы очень важна для такой процессуальной фигуры как следователь. Зная все тактические особенности, должностное лицо, осуществляющее предварительное расследование, может быстро и качественно, на основе уже готовых методик, составить ёмкое постановление о назначении судебно-экономической экспертизы по существу, с указанием всех основных данных, которые необходимы соответствующему эксперту для проведения данного рода экспертизы. Следственная и судебная практика имеет ряд проблем в процессе составления Постановления о назначении судебных экономических экспертиз, организации, планировании их назначения. К их числу можно отнести трудности, связанными с постановкой вопросов при назначении СФЭЭ и определением доказательственного значения ее результатов; отсутствие единого научно-методического подхода к СФЭЭ в судебно-экспертных учреждениях различных ведомств, а также негосударственных СЭУ; длительностью проведения такого рода экспертиз; низким качеством проведения этих экспертиз в негосударственных СЭУ.

После того, как лицо, осуществляющее предварительное расследование, определилось с тем, какую экспертизу ему следует назначить, он обращается в соответствующее экспертное учреждение. Так, перед должностным лицом, назначающим судебную экспертизу, открывается три варианта её назначения: в государственное экспертное учреждение, негосударственное экспертное учреждение, частному эксперту.

СФЭЭ – является самостоятельным родом судебных экспертиз, согласно Приказа Министерства Юстиции Российской Федерации от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России; выделена конкретная экспертная специальность по Перечню экспертных специальностей системы Минюста РФ, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России». Выполняемые в МВД России бухгалтерская, налоговая, финансово-аналитическая и финансово-кредитная экспертизы входят в состав класса экономических экспертиз. При этом существует ряд случаев, когда СФЭЭ можно назначить в экспертное учреждение МВД России. Это возможно в случае, когда эксперты, которые осуществляют производство других экономических экспертиз, обладают необходимыми познаниями в методике её проведения и смогут разрешить поставленные на экспертизу вопросы. В системе СЭЦ СК РФ могут быть произведены налоговая, финансово-аналитическая и финансово-кредитная исследования. Различие ведомственных взглядов на класс судебных экономических экспертиз затрудняет правоприменительную практику.

Обращаясь к п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», негосударственные судебно-экспертные учреждения - это некоммерческие организации

(некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), созданные в соответствии с ГК РФ и Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами. Рассматриваемые экспертные учреждения являются одними из самых быстрорастущих сегментов рынка. Важно отметить, что на сегодняшний день существенный объем требуемых судебно-экономических экспертиз превышает возможности штата государственных судебно-экспертных учреждений, вследствие чего происходит формирование «очереди», где срок ожидания зачастую составляет свыше года, что приводит, прежде всего, к росту количества негосударственных экспертов. В данном случае качество находится в прямой зависимости от опыта экспертов. Если у экспертов и руководителя экспертного учреждения нет определенного опыта работы в качестве судебного эксперта, а именно опыта работы в государственной судебно-экспертной деятельности, то возникает риск возникновения экспертных ошибок всех типов. Практика производства повторных экспертиз и рецензирования заключений показывает прежде всего, что имеют место как высококачественные исследования, так и экспертизы, которые содержат значительное количество ошибок либо явно сформированные под конкретные выводы, которые были необходимы «заказчику» для такого исследования.

На практике при назначении судебной экспертизы следователь сталкивается с рядом ошибок, которые связаны с неверным пониманием должностным лицом структуры постановления о назначении судебной экспертизы. При этом следователи ошибаются как в мотивировочной части постановления, так и в вопросах, которые ставятся для разрешения эксперта. Кроме того, существуют и другие распространенные типичные ошибки, о которых стоит упомянуть прежде всего для «упрощения» работы следователей при вынесении процессуального документа.

Далее рассмотрим некоторые наиболее частые ошибки, которые допускают следователи при назначении соответствующей экспертизы. Первая ошибка связана с отсутствием указания на род (вид) экспертизы в постановлении, что прежде всего не способствует правильному уяснению предмета рода (вида) экспертизы, определения типичного круга решаемых ею задач. В связи с этим возникают неустранимые сомнения в правильности определения следователем компетенции и надлежащей квалификации судебных экспертов, привлекаемых для производства судебной экспертизы по конкретному делу. Рассматриваемая ошибка подразумевает под собой то, что следователь не знает, проведение какой именно судебной экспертизы ему необходимо.

Следующая ошибка, встречающаяся на практике, связана с формулированием вопросов эксперту, что вызывает затруднения, ведь вопрос должен быть предметным и конкретным, не допускающим прежде всего двоякого толкования. В научно-методической литературе обычно приведены перечни вопросов либо типичных задач необходимой экспертизы. Но чаще всего следователи неправильно воспринимают предмет судебной экспертизы и

указывают некорректные вопросы, на которые судебный эксперт может дать либо вероятностный ответ, либо вообще не может ответить на поставленный перед ним вопрос.

Таким образом, назначение судебно-экономической экспертизы имеет необходимость при расследовании преступлений с экономической составляющей. Кроме того, такой криминалистический элемент как тактика назначения подобных экспертиз безусловно важна при расследовании такого рода уголовных дел.

Помимо этого, при назначении и производстве данного рода экспертиз большую роль играет такая процессуальная фигура, как следователь, поскольку при составлении постановления о назначении судебной экспертизы должностному лицу необходимо соблюдать ряд требований и правил для того, чтобы вынесенное им постановление было наиболее полным и основывалось на фактах. Следователю необходимо прежде всего разбираться в расследуемом им деле для того, чтобы в постановлении обозначить основания для производства экспертизы, сделать четкое указание на предмет исследования, а также поставить на разрешение эксперта такие вопросы, на которые судебный эксперт даст полный и исчерпывающий ответ при проведении исследования.

Резюмируя вышесказанное, качественно структурированное Постановление о назначении судебной экономической экспертизы, вне зависимости от ее рода и вида, включающее необходимые требования закона к подобному роду документов, позволит устранять противоречия по вопросам, связанным с необходимостью, обоснованностью назначения судебных экономических экспертиз.

Литература

1. Сарыгина, Э. С. Особенности назначения судебной финансово-экономической экспертизы / Э. С. Сарыгина // Актуальные проблемы Российского права. — 2015. — № 4. — С. 78-83.

2. Сарыгина, Э. С. Проблемы определения уровня компетенции частного эксперта при назначении судебной финансово-экономической экспертизы / Э. С. Сарыгина // Государственный суверенитет и верховенство права : международное и национальное измерения : II Московский юридический форум «Кутафинские чтения» (г. Москва, 2–4 апреля 2015 г.): материалы круглых столов : в 2 ч. – Часть 1. – М. : Проспект, 2015. – С. 643-648. 164

3. Сарыгина, Э. С. Совершенствование нормативной регламентации производства судебных экономических экспертиз / Э. С. Сарыгина // Юридический мир : законотворческие инициативы студентов МГЮА имени О.Е. Кутафина : специальный выпуск, ноябрь, 2012 : сборник научных статей – М. : Юрист, 2012. – С.60-62.

4. Сарыгина Э.С. Судебная финансово-экономическая экспертиза: теоретические и организационно-методические аспекты: автореф. дис. .. канд. юрид. наук : 12.00.12 / Сарыгина Элина Сергеевна – Москва: Московский

государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2017. – 205 с.

5. Россинская, Е. Р. Судебно-экспертная деятельность : правовое, теоретическое и организационное обеспечение : учебник для аспирантуры по специальности 12.00.12 «Криминалистика ; судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность» ; под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной — М. : Норма : Инфра-М, 2017. — 400 с.

6. Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза : типичные ошибки / Е.И. Галяшина, Е. Р. Россинская и [др.] ; под ред. Е. Р. Россинской. — М. : Проспект, 2016. – 544 с.

Сарыгина Э.С.

Становление судебных экспертно-экономических научных школ в Царской России

Аннотация. В статье автор анализирует первые шаги становления судебно-экспертных школ в России. Посредством активной профессиональной и творческой деятельности профессионалов, наличием их трудов и сбором эмпирической экспертной практики демонстрируются первые попытки единения научной мысли по использованию специальных знаний в сфере экономики.

Ключевые слова: судебная экспертная деятельность, экономическая экспертиза, научная школа.

История развития судебно-бухгалтерской экспертизы неразрывно связана с историей развития бухгалтерского учета, а также правовых отношений и норм¹. В научной литературе сложилось вполне определенное мнение: становление класса судебных экономических экспертиз произошло с зарождением учета в России, а также с началом производства судебных бухгалтерских экспертиз. Однако, данное утверждение представляется достаточно грубым. Уже во времена Царской России активно производились судебные счетоводные экспертизы, счетно-финансовые, хозяйственно-бухгалтерские, счетно-бухгалтерские и др. Следует отметить, что и по сей день существуют разногласия в родах и видах судебных экономических экспертиз.

Однако, все начиналось с того, что зарождение научной экономической мысли о ведении систем хозяйства предприятий представлялось затруднительным, в том числе с отсутствием правильного и единообразного понимания экономических категорий и понятий, заимствованных из «иностранной науки». Кроме того, сторонники «русской бухгалтерии» сетовали на трудность восприятия и неоднозначность толкования в практической деятельности бухгалтеров, счетоводов, счетных работников. Именно, при Петре Первом появилось малопонятное и загадочное слово «бухгалтер».

¹ Белов А. А., Белов А. Н. Судебно-бухгалтерская экспертиза – 2 изд., перераб., доп. – М. : Книжный мир, 2004. – С. 287,608.

Интересен жизненный и творческий путь русского ученого-счетовода Фёдора Венедиктовича Езерского, чей неоценимый вклад повлиял на развитие современной экономической мысли, становление судебной экономической экспертизы и экспертной деятельности в России.

Федор Венедиктович Езерский (1835-1915), известный русский экономист, новатор в области бухгалтерского учета, автор «тройной (русской)» формы бухгалтерского учета, родился в семье могилевских дворян. В семейном имении Залесовичи Рогачевского уезда Могилевской губернии получил достойное домашнее образование. Дядя Григорий Францевич Езерский, занимавший управляющую должность в счетно-контрольном отделении Военного министерства, сумел привить племяннику любовь к счетоводству, обучив его основам своего дела.

Карьеру, выдающийся счетовод, начал в органах судебной системы: с 1853 года Федор Венедиктович трудился писцом в Могилевской палате по гражданским делам. В 1861 году находился в Варшавском интендантстве Первой армии для установления новых форм счетоводства в полках. После в 1862 году занял место члена следственной комиссии по делу о злоупотреблениях в провиантском магазине в Царицыне. С 1864 по 1865 был назначен членом Временной комиссии для составления положения о материальном счетоводстве, а с 1867 года ревизовал управления военного ведомства в Твери.

В 1860 году Ф. Езерский был награжден орденом Святого Станислава 3 степени за написанный пятью годами ранее труд «Расчет провианта, приварочных денег и фуража по всем домам от 1 до 1000000 числа людей и лошадей», 1859. В возрасте 33 лет окончил карьеру государственного служащего и основательно занялся наукой.

1868 г. отправился в Дрезден. Целью которого счетовод должен был подробнее ознакомиться с европейской счетоводческой мыслью. Он кропотливо изучал литературу по бухгалтерскому учету английских, австрийских, американских, бельгийских и немецких авторов. Через пару лет пребывания за границей, а именно в 1870, Федор Венедиктович собирает солидную библиотеку по счетоводству на всех языках и публикует свои книги:

– «Наставление о сельскохозяйственном счетоводстве», 1860 г. (сформулировал «вечные принципы счетоводства»: «ясность, краткость, полнота и верность»);

– «Первый публичный опыт новой системы», 1870 г.;

– «Прения о двойной – итальянской и тройной – русской системах торгового счетоводства», 1874 г.;

– «Теория торгового счетоводства по новой русской тройной системе», 1873 г.;

– «Книга: простая, двойная, английская и другие старые системы счетоводства банковского, комиссионного, заграничного и внутреннего, оптового, мелкого и менового торга», 1875 г.; «Счетоводство компаний на акциях или паях», 1877 г.

После выходит статья «Русская тройная система» в «Московских ведомостях». Основной задачей тройной русской системы являлось, по задумке ее автора, то, что она обеспечивала бы возможность подсчета прибыли не за конкретный отчетный период, а непосредственно после каждой хозяйственной операции. Иными словами, Ф. Езерский хотел постоянно отслеживать финансовые результаты организации. Вместе с тем, он был ярким противником слепого копирования иностранных слов, их терминов и определений. Так как «автором он был очень плодовитым»¹, в свете появился и такой труд, как «Обрусение счетоводного языка», 1900 г., основная мысль которого заключалась в том, чтобы заменить зарубежную терминологию отечественной. Таким образом, предлагалось отказаться от «бухгалтерии» в пользу «счетоводства», а, следовательно, называть «бухгалтера» «счетоводом»; под «активами» понимать «средства», под «пассивами» «погашения»; «сальдо» называть «остатком»; кредиторов и дебиторов именовать, соответственно, доверителями и заборщиками и т.д.

Следует отметить, что терминологическая позиция Ф.В. Езерского также отвечала духу того времени. «С конца XIX в двух культурных центрах России – в Москве и Петербурге, сформировались две научные школы бухгалтеров. Между ними возникало много методологических различий в трактовке теоретических и практических проблем. Отмечается, что москвичи в целом отличались интернациональным подходом к бухгалтерскому учету, его теории и практике, а в Санкт – Петербурге были весьма заметны славянофильские тенденции, которые прежде всего складывались в желании русифицировать учетную терминологию. Москвичи в основном просто усваивали западные слова, а в Петербурге эти слова пытались непременно перевести на «природный язык».

Очень любопытно выглядит сопоставление московской и петербургской терминологии: «актив – средства; пассив – погашение; ремиссы-векселя к получению, тратты – векселя к погашению, акцептовать – принять к платежу, сальдо – остаток, дебет – приход, кредит – расход, баланс – учет, бухгалтер – счетовод, бухгалтерия – счетоводство, журнал – дневник, регистры – ведомости, рекапитуляция – выборка, кредиторы – доверители, дебиторы – заборщики, реновация – возобновление»².

Современные экономисты акцентируют внимание на существующие и ныне проблемы неправильного уяснения экономических терминов, категорий, понятий практикующими специалистами в области экономики и бухгалтерии.

Нельзя не отметить и следующее достижение Ф.В.Езерского: в 1872 году он усовершенствовал счета, совместив их с машинкой для умножения и деления. Сбоку рамы счетов размещались два валика со свернутыми на них таблицами. Благодаря их вращению получали частные произведения, а затем на счетах

¹ Михаил Родионов «Выдающийся счетовод Федор Езерский» <http://www.bbdoc.ru/megdunarod-fanans/elita/statya-020.html>.

² Маслова И. А., Маслов Б. Г., Земляков Ю. Д., Салихова В.Ю. История бухгалтерского учета // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2006. – №10(94).

выводили сумму. Так появился «первый калькулятор», столь необходимый для расчетов.

Мало было изобрести «самоповерочную» систему счетоводства, необходимо было вывести ее в жизнь, обеспечить существование и, по возможности, увеличивать число ее пользователей. Федор Венедиктович учреждает сначала в Санкт-Петербурге в 1874 г., а затем в Москве в 1887 году «Счетоводные курсы Ф.В. Езерского». Особенностью их стало то, что там обучались и женщины, что в те времена было редкостью. Ф.В. Езерский отмечал у женщин особую исполнительность, точность и усидчивость. Исключительное расположение к женщине в счетоводстве Федор Венедиктович выражает посредством написания брошюры «Счетоводство аккуратной хозяйки», 1875 г., которая многократно была переиздана.

Особые требования к уровню образования поступающих на курсы не предъявлялись, за исключением одного – «принимались лица, уже бывшие в общеобразовательных учебных заведениях». Не имело значения, было ли полученное образование «низшим», средним или высшим. В конечном счете каждый обучающийся должен был получить «твердое знание своего дела»¹. Основатель уникальных с точки зрения содержания курсов ставил своей задачей не только преподнести теоретическую сторону счетоводства, но и предоставить обучающимся возможность получения практических навыков в разных отраслях: торговле, сельском хозяйстве, банковском деле и др. Обязательным условием в период прохождения обучения было знакомство со всеми существующими системами счетоводства (простой, двойной – итальянской, тройной – русской), так как в противном случае это лишало бы возможности «занимающихся сделать сравнительную оценку разницы между системами счетоводства и их видами».

Отметим также, что данные курсы не представляли собой благотворительную кампанию, а являлись вполне себе коммерческим предприятием. Стоимость обучения составляла около 100 рублей². Однако лично Ф.В. Езерским была установлена квота лиц, которые могли обучаться на безвозмездной основе: как правило, это были люди, близкие к Императору и Императрице, также те, кто находился при церкви, был членом какого-либо благотворительного общества. Кроме того, возможность бесплатно овладеть счетоводством предоставлялась по ходатайству ученых, учительниц и других лиц.

Кроме того, Ф.В. Езерский издавал учебную и методическую литературу:

– «Полная наглядная практика торгового счетоводства по новой системе. Часть 1 . Часть 2», 1874 г.;

– «Карта для наглядного изучения счетоводства», 1876 г.;

¹ Юбилейное издание к XL-летию литературных трудов Ф.В.Езерского 1859-1899г.г. К XXX-летию русской тройной системы счетоводства 1870-1900г.г. К XXV-летию Счетоводных курсов Ф.В. Езерского 1874-1899г.г. СПб., М., 1899. С.248.

² *Афанасьев В.И., Пятов М.Л.* Женское счетоводное образование в дореволюционной России / Бухгалтерский учет, 1996. №8. – С. 73-75.

– Брошюра «По вопросу о преподавании счетоводства в начальных училищах», 1883 г.;

– «Учебник счетоводства для начальных городских и сельских училищ. Счетоводство подотчетных приказчиков по самоповерочной русской тройной системе, предлагаемой Ф. Езерским», 1883 г.;

– «Курс счетоводных документов в связи с исправлением почерка», 1884 г.;

– «Учебник счетоводства для средних и высших учебных заведений. Русская самоповерочная тройная система счетоводства, предлагаемая Федором Езерским. Полная наглядная практика дел банкирских, комиссионных и торгового оптового и мелкого, внутреннего и заграничного за свой счет, в доле и в компании с другими и с ликвидационным счетом», 1885 г.

Ф.В. Езерский стремился внести ясность и простоту в знаниях о счетоводстве. Наглядным примером является его труд, вышедший в свет в 1908 году «Упрощенная тройная система».

Труды знаменитого счетовода нашли признание не только на территории Российской империи, но и на международной арене: в 1912 году в рамках Международного конгресса в Бельгии тройная система счетоводства была рекомендована к изучению во всем мире¹.

В связи с тем, что долгое время Ф.В. Езерский находился на государственной службе, а именно возглавлял счетное и контрольное отделения Военного министерства, занимался ревизией, большой вклад был внесен им и в судебную экспертную деятельность. В круг деятельности курсов входило также выполнение работ по проверке счетоводства и ответов управ, предприятий и прочих организаций и дача экспертного заключения. О количестве и качестве проведенных экспертиз можно узнать из отчетов самого Ф.В. Езерского о деятельности курсов: лично он провел более 800 экспертиз в судебных учреждениях. По результатам экспертиз Ф.В. Езерским издавалась специальная литература:

– «Обманы, убытки и ошибки, скрывающиеся в верных балансах двойной – итальянской системы счетоводства и открываемые признаки верности русской тройной системы», 1876 г.,

– «Экспертиза Ф.Езерского по Опочецкой земской управе».

В журнале «Счетовод» (1899), который издавался Ф.В.Езерским, были опубликованы следующие статьи: «Судебно-счетоводная экспертиза», «Ошибки судебно-счетоводной экспертизы», «Экспертиза счетоводная при отсутствии счетоводства», «Заключение об ошибках судебно-счетоводной экспертизы».

Заслугой Ф.В. Езерского также является составление приложения к учебнику по судебно-счетоводной экспертизе «Статьи закона об экспертах», 1884г.

Круг дел, в которых Ф.В. Езерский принял участие в качестве эксперта, довольно широк: это и дела о растратах в кредитных учреждениях, дела о поджогах, о кражах на железной дороге, о растрате вверенного судебному

¹ Юбилейное издание к XL-летию литературных трудов Ф.В. Езерского 1859-1899г.г. ... С.248.

приставу капитала, о банкротстве и т.д. Отметим, что и эксперты-счетоводы из числа курсистов Езерского блестяще справлялись с поставленными перед ними задачами и приглашались затем на должности счетоводов в организации, в которых некогда производили экспертизу.

Отмечает Ф.В. Езерский важность эксперта-счетовода в досудебном урегулировании споров. Так, дав экспертное заключение в одном, он подводит итог проделанной работе: «Обе спорящие стороны согласились с заключением счетовода-эксперта и дело до судебного разбирательства не доходило. Несколько таких случаев...подсказывают мысль дать совет спорящим сторонам обращаться прежде суда к счетоводам-экспертам, ясное заключение которых может избавить их от напрасных расходов и от траты времени, достоинства и самолюбия на хождение по судам»¹.

Противоборство двух систем счетоводства можно проследить в ходе диспута, произошедшего во второй половине 1876 года с участием Ф.В. Езерского, с одной стороны, и А.М. Вольфа, Э.Г. Вальденберга, В.Д. Белова, И.Ф. Валицкого и других представителей со стороны теоретиков и практиков двойной системы. Из содержания стенографических отчетов о заседаниях Комиссии, учрежденной для сравнения выгод двойной и тройной систем счетоводства очевидным становится «обороняющееся» положение Федора Венедиктовича, вынужденного отстаивать право на самостоятельное существование своего «детища», так как некоторые видные представители бухгалтерской мысли придерживались мнения, что тройная система это не что иное как разновидность двойной. В ходе диспута центральным являлся вопрос о том, способна ли «русская» система «выводить чистую прибыль во всякое время». Отрицательный ответ на этот вопрос ставил угрозу независимому существованию тройной системы, так как ее основным отличительным признаком считается возможность в реальном времени отследить чистый капитал, прибыль и убыток².

Подводя итог вышесказанному, необходимо еще раз отметить, как происходили первые шаги судебной экспертно-экономической деятельности посредством формирования одной из первых судебно-экспертных школ в России. Посредством активной профессиональной и творческой деятельности профессионалов, наличием их трудов и сбором эмпирической экспертной практики демонстрируется единение научной мысли по использованию специальных знаний в сфере экономики.

Литература

1. Афанасьев В.И., Пятов М.Л. Женское счетоводное образование в дореволюционной России / Бухгалтерский учет, 1996. № 8.

¹ Юбилейное издание к XL-летию литературных трудов Ф.В.Езерского 1859-1899г.г. ... С.24.

² Стенографические отчеты о заседаниях Комиссии, учрежденной при Комитете общества для содействия русской промышленности и торговле для рассмотрения вопроса о сравнительных выгодах тройной и двойной систем счетоводства 1876г. – СПб., 1882.

2. Белов А. А., Белов А. Н. Судебно-бухгалтерская экспертиза – 2 изд., перераб., доп. – М. : Книжный мир, 2004.

3. Маслова И. А., Маслов Б. Г., Земляков Ю. Д., Салихова В.Ю. История бухгалтерского учета // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2006. – №10(94).

4. Михаил Родионов «Выдающийся счетовод Федор Езерский» <http://www.bbdoc.ru/megdunarod-fanans/elita/statya-020.html>

5. Судебная финансово-экономическая экспертиза : теория и практика : монография / Э.С. Сарыгина. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2022.

6. Юбилейное издание к XL-летию литературных трудов Ф.В.Езерского 1859-1899г.г. К XXX-летию русской тройной системы счетоводства 1870-1900г.г. К XXV-летию Счетоводных курсов Ф.В. Езерского 1874-1899г.г. СПб., М., 1899.

Свободный Ф.К., Свободный Б.Ф.

Судебная психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии в следственно-судебной практике

Аннотация. В статье показывается, что исследование с использованием полиграфа по своей сущности, объектно-предметному содержанию и методам проведения может представлять собой новый вид судебной психологической экспертизы – экспертизу информированности личности о расследуемом событии. Определяется предмет, объекты, методы и компетенции судебной психологической экспертизы информированности личности о расследуемом событии. Приводятся примеры эффективного использования результатов данной экспертизы в следственно-судебной практике.

Ключевые слова: судебная психологическая экспертиза, информированность личности, полиграф.

В современной России, прежде всего, в практике работы правоохранительных органов, а также коммерческих структур и даже органов государственного и муниципального управления все активнее внедряется метод опроса с использованием полиграфа – прибора, предназначенного для одновременной регистрации динамики нескольких физиологических процессов человека, возникающей в ответ на предъявляемые ему стимулы.

В настоящее время складывается практика применения полиграфа в процессе предварительного следствия и на этапе судебного разбирательства в форме производства нового вида судебной экспертизы – психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа. При этом открытыми остаются вопросы, связанные с определением теоретических основ и понятийного аппарата судебной экспертизы с использованием полиграфа, обозначением пределов ее компетенции и места в системе современных судебных экспертиз.

Большинство ученых, объясняющих принцип работы полиграфа, в качестве основополагающих (в т.ч. диагностируемых) явлений рассматривают психологические феномены (внимание, эмоции, память, установки, личностный смысл и т.д.), что позволяет по объектно-предметному содержанию отнести опрос с использованием полиграфа в область психологических исследований.

Так, А.П. Сошников и А.Б. Пеленицын подчеркивают, что «состояние и динамика внимания обследуемого лица – вот то психическое явление, которое оказывает определяющее влияние на эффективность обследований с использованием полиграфа»¹.

С.И. Оглоблин и А.Ю. Молчанов в качестве теоретической основы опроса с использованием полиграфа предлагают теорию «направленной актуализации динамических личностных смыслов сознания»².

Несомненно, что исследование различных психологических феноменов входит в компетенцию психолога, а разрешение вопросов, возникающих перед следствием и судом при необходимости квалифицированной оценки психических явлений, требует проведения судебной психологической экспертизы (далее - СПЭ).

В настоящее время нет единой классификации СПЭ, поскольку исследователи используют различные критерии при построении авторских классификаций СПЭ.

Существуют несколько широко известных классификаций СПЭ по предмету исследования³, обобщив которые можно выделить следующие виды СПЭ: СПЭ эмоциональных и иных состояний личности; СПЭ регуляторных способностей личности; СПЭ когнитивных способностей личности; СПЭ коммуникативных способностей личности; СПЭ характеристик мотива; СПЭ индивидуально-психологических особенностей личности; СПЭ воздействия; СПЭ взаимодействия личности и ситуации.

По мнению автора данной работы, учитывая реалии сегодняшней практики судебных экспертиз (в том числе судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа), указанную классификацию можно дополнить новым видом – судебной психологической экспертизой информированности личности о расследуемом событии (далее - СПЭИЛ), которая сейчас базируется на проведении исследования с использованием полиграфа.

Эффективно раскрыть сущность конкретного вида судебной экспертизы можно, лишь указав на ее предмет, задачи, объекты, методики – т.е. такие основные признаки экспертного исследования, которые отражают природу специальных знаний эксперта и отличают один вид экспертиз от других.

¹ Сошников А.П., Пеленицын А.Б. Оценка персонала: психологические и психофизиологические методы. - М.: Эксмо, 2009. С.98.

² Оглоблин С.И., Молчанов А.Ю. Инструментальная детекция лжи (проверки на полиграфе): Академический курс.- М.: 2004. С. 410-411.

³ Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: Науч.практич. пособие. М.: Гардарика, 1998. С. 22-25.

Автор настоящей работы согласен с мнениями тех ученых, которые в качестве объекта СПЭ выделяют источники информации о психике человека¹ и полагает, что объектами СПЭ являются, прежде всего, сам человек (подэкспертный как носитель психики), а также разнообразные, доступные эксперту, носители информации о психике (психической деятельности) данного человека.

Ученые, занимающиеся проблематикой судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа (далее - СПФЭ), зачастую определяют ее объекты созвучно вышеприведенным формулировкам объектов СПЭ.

Так Р.С. Иванов считает память объектом экспертизы с применением полиграфа².

Относительно определения предмета СПЭ среди ученых также отмечается разнообразие мнений.

Автор настоящей работы согласен с мнением тех исследователей, которые выделяют общий и частные предметы СПЭ³ и, вслед за некоторыми из них, понимает под общим предметом СПЭ психическую деятельность личности в юридически значимых ситуациях, связанных с расследуемым делом.

Представляется, что частным предметом СПЭ могут выступать особенности информированности (степень информированности; источники получения информации; время и место ее получения и т. д.) личности о расследуемом событии.

В рамках данной работы автор предлагает определить понятие «информированность личности о расследуемом событии» как характеристика личности, выражающаяся в наличии у человека системы объективных знаний и субъективных представлений о конкретном случае, произошедшем в его жизни.

Что касается проблематики предмета судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа (СПФЭ), то ведущие специалисты в этой области не имеют общего мнения по данному вопросу.

Так С.С. Шипшин, предлагая развивать комплексную психолого-психофизиологическую экспертизу, отмечал, что «предметом этой экспертизы являются признаки наличия юридически значимой информации в памяти процессуального лица (свидетеля, потерпевшего, обвиняемого)»⁴.

¹ Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980. С. 14-15.

² Иванов Р.С. Организационно-методические основы судебно-психофизиологической экспертизы с применением полиграфа. Юридическая психология. 2013. №2. С. 13 - 19.

³ Сахнова Т.В. Основы судебно-психологической экспертизы по гражданским делам. Учеб. пособие. М.: Юристъ, 1977. С. 17.

⁴ Шипшин С.С. К вопросу о предмете и объекте комплексной психолого-психофизиологической экспертизы [Электронный ресурс]. Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. №4. URL: http://psyjourneals.ru/psyedu_ru/2013/№4/65749.

О том, что судебная психофизиологическая экспертиза призвана выявлять особенности информированности лица о расследуемом событии автор данной статьи указывал в своей монографии еще в 2009 году¹.

Действительно, заказчиков судебной экспертизы с использованием полиграфа интересует не память подэкспертного сама по себе, не динамика его психофизиологических реакций, а ответ на прямой, пусть и юридически некорректно сформулированный вопрос – *«врёт подэкспертный, рассказывая о расследуемом событии или нет?»*.

Упустим большой пласт вопросов связанных с проблемой лжи и ложных показаний, и перефразируем вышеуказанный запрос заказчиков: *«скрывает подэкспертный информацию о расследуемом событии или нет?»* или, другими словами, – *«какой информацией о расследуемом событии действительно обладает подэкспертный?»*

Поэтому представляется, что предметом судебной экспертизы с использованием полиграфа является исследование количественных и качественных характеристик информированности лица о расследуемом событии.

В связи с вышесказанным, автор настоящей работы предлагает назвать судебную психофизиологическую экспертизу с использованием полиграфа следующим образом – **судебная психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии**.

По мнению автора, данное название более четко обозначает суть экспертизы с использованием полиграфа - выявление особенностей информированности лица о расследуемом событии и позволяет точнее определить ее предмет, объекты, методы и компетенцию.

В качестве предмета СПЭИЛ выступает исследование качественных и количественных характеристик информированности лица о расследуемом событии, а именно установление фактические данных о наличии или отсутствии у лица информации о деталях расследуемого события; о степени информированности лица о расследуемом событии, о месте, времени и источниках получения лицом первой информации о расследуемом событии.

Общим объектом СПЭИЛ является личность во всех ее взаимосвязях со средой, человек как носитель психики (сознания, памяти, информации о расследуемом событии), подлежащей исследованию в процессе экспертизы.

Частными объектами СПЭИЛ являются все материальные носители информации о личности и ее деятельности, исследуя которые эксперт может получить сведения об особенностях информированности личности о расследуемом событии: материалы дела; видеозапись поведения подэкспертного в ходе исследовательского этапа экспертизы; записи физиологических реакций подэкспертного (полиграммы) и т.п.

¹ Свободный Ф.К. Судебная психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа: возможности и тенденции ее производства в уголовном процессе. Барнаул. Изд-во ААЭП, 2009. С. 129.

Методами СПЭИЛ являются психологический анализ материалов дела, наблюдение; экспертная беседа; психологическое тестирование, экспериментальное психодиагностическое исследование с использованием приборов, регистрирующих моторные, физиологические, нейрофизиологические реакции подэкспертного на предъявляемые ему стимулы. По мере развития данного вида экспертиз вполне вероятно расширение перечня методов СПЭИЛ.

В компетенцию СПЭИЛ входит круг вопросов, связанных с информированностью подэкспертного лица о частных признаках расследуемого события.

Поскольку судебная психологическая экспертиза не компетентна решать вопросы правового характера (о правдивости или ложности показаний и т.д.), для соблюдения научных и правовых принципов судебно-психологического исследования правомочным представляется формулирование следующих вопросов к эксперту производящему СПЭИЛ:

- Обладает подэкспертный информацией об обстоятельствах (деталях, частных признаках) расследуемого события?
- О каких обстоятельствах (деталях, частных признаках) расследуемого события обладает информацией подэкспертный?
- Когда и из каких источников была получена подэкспертным первая информация об обстоятельствах (деталях, частных признаках) расследуемого события?

Авторы данной статьи, в свое время, провели более 300 СПЭИЛ по постановлениям о назначении судебной экспертизы, вынесенными дознавателями, следователями, судами. При этом в постановлениях о назначении экспертиз были прямо указаны ее вид: судебная психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии, а также вышеприведенные вопросы к эксперту. Результаты большинства проведенных экспертиз, оформленные в виде заключений эксперта, были приобщены к материалам соответствующих дел и приняты в качестве источника доказательств.

Опыт практической работы свидетельствует о высокой эффективности использования результатов судебной психологической экспертизы информированности личности о расследуемом событии в следственно-судебной практике.

Прежде всего, хочется отметить тот факт, что результаты СПЭИЛ в отношении свидетеля, дающего ложные показания, особенно в условиях отказа от прохождения данной экспертизы обвиняемым и отказа или невозможности участия в экспертизе потерпевшего, эффективно способствуют расследованию преступления, изобличая виновных лиц.

Показательным примером здесь является уголовное дело, расследуемое в Следственном комитете следственного управления РФ по Алтайскому краю, по обвинению К. в совершении в отношении потерпевшей П. преступления, предусмотренного п.«в» ч.2 ст.131 УК РФ. Свидетелем по данному делу являлся знакомый К. – Я. Обвиняемый и потерпевшая отказались от

прохождения данной экспертизы. Экспертиза проводилась только в отношении свидетеля Я., который находился в дружеских отношениях с обвиняемым и при даче показаний «выгораживал» обвиняемого К., отрицая факт изнасилования. По результатам СПЭИЛ эксперт в заключении указал на такие особенности информированности Я. о событии преступления как: «Я. обладает информацией о том, что К. угрожал П. тем, что утопит ее в болоте; Я. обладает информацией о том, что П. находясь рядом с К. плакала; Я. обладает информацией о том, что К. ударил П. ладонью по лицу; Я. знает о том, кто изнасиловал П.; Я. знает фамилию и кличку человека, который изнасиловал П.». Свидетель Я., ознакомившись с заключением эксперта, дал следователю правдивые показания, изобличающие обвиняемого К. Уголовное дело в отношении К. было рассмотрено судом и К. был приговорен к длительному сроку лишения свободы.

Интересны случаи, когда результаты СПЭИЛ, способствуют доказательству невиновности лица, давшего ложную явку с повинной, а также помогают выявить настоящего преступника. Одним из примеров здесь является уголовное дело по обвинению гражданки М. в убийстве гражданина А. Дело вел один из следователей Следственного комитета следственного управления РФ по Алтайскому краю. М. полностью признала вину, написала явку с повинной, давала признательные показания в ходе допросов, указала на место сокрытия трупа А. Однако, поиск останков А., около населенного пункта З., в месте указанном М., не дал результатов. Следователь принял решение о производстве СПЭИЛ, на основании результатов которой эксперт выявил такие особенности информированности М. о событии преступления как: «М. обладает информацией о том, что в тот момент, когда А. умер, рядом с ним находилось два человека; М. известно о том, что А. был зарезан; М. обладает информацией о том, что преступление против А. совершил один человек; М. обладает информацией о том, что А. был убит ближе к населенному пункту, название которого начинается на букву «Б»; М. обладает информацией о том, что останки А., в настоящее время, находятся ближе к населенному пункту Б.». После озвучивания обвиняемой М. вышеуказанных выводов из заключения эксперта, М. была вынуждена признаться, что убийство А. совершил ее знакомый Г., которого она так сильно боится, что, будучи свидетелем убийства А., М. взяла вину в совершении этого преступления на себя. В результате дальнейших следственных мероприятий был обнаружен труп А., а Г. был задержан и дал признательные показания.

Доказательства виновности подсудимого, полученные на основании результатов СПЭИЛ, в некоторых случаях, позволяют добиться признания подсудимым своей вины. В качестве примера можно привести дело по обвинению З. в совершении преступлений, предусмотренных ч.1 ст.130 УК РФ и ч. 1 ст. 116 УК РФ, рассмотренное мировым судьей Октябрьского района г. Барнаула, где после производства СПЭИЛ в отношении потерпевшего Ю. и подсудимого З., подсудимый З., вначале отрицавший свою вину, после ознакомления с заключением эксперта, принес потерпевшему свои извинения, компенсировал ему моральный и материальный вред (заплатив 15000 руб.),

оплатил судебные издержки по производству двух экспертиз и примирился с потерпевшим.

Вышеуказанные примеры не являются единичными случаями, и в совокупности с другими убедительно доказывают высокую эффективность использования результатов судебной психологической экспертизы информированности личности о расследуемом событии в следственно-судебной практике.

Литература

1. Сошников А.П., Пеленицын А.Б. Оценка персонала: психологические и психофизиологические методы. - М.: Эксмо, 2009.
2. Оглоблин С.И., Молчанов А.Ю. Инструментальная детекция лжи (проверки на полиграфе): Академический курс.- М.: 2004.
3. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: Науч.практич. пособие. М.: Гардарика, 1998.
4. Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980.
5. Иванов Р.С. Организационно-методические основы судебно-психофизиологической экспертизы с применением полиграфа. Юридическая психология. 2013. №2.
6. Сахнова Т.В. Основы судебно-психологической экспертизы по гражданским делам. Учеб. пособие. М.: Юристь, 1977.
7. Шипшин С.С. К вопросу о предмете и объекте комплексной психолого-психофизиологической экспертизы [Электронный ресурс]. Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. №4. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65749.
8. Свободный Ф.К. Судебная психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа: возможности и тенденции ее производства в уголовном процессе. Барнаул. Изд-во ААЭП, 2009.

Сиделев В.В.

Особенности назначения психолого-психиатрических судебных экспертиз при расследовании похищения и лишения свободы наркозависимых лиц

Аннотация. В настоящей статье автором проанализированы вопросы влияния особенностей личности и волеизъявления наркозависимых лиц на процесс назначения психолого-психиатрических судебных экспертиз при расследовании похищения и незаконного лишения свободы наркозависимых лиц.

Ключевые слова: психолого-психиатрическая судебная экспертиза, личная свобода, потерпевший, подозреваемый наркозависимое лицо.

Личная физическая свобода человека есть возможность и состояние человека свободно определять свою волю и поведение, которые также свободно выражать, направлять и осуществлять в процессе своей жизни.

Философ И.С. Кон в этой связи писал: «Свобода перемещения – это логическая предпосылка и необходимое историческое условие всех других свобод. Ограничение ее инстинктивно воспринимается как несвобода. Тюрьма определяется не столько наличием решеток или недостатком комфорта, сколько тем, что это место, в котором человека держат помимо его воли»¹.

С появлением и развитием в России в конце 20-го – начале 21-го века частной реабилитации больных наркоманией и алкоголизмом, которая основывалась на получении платы за оказываемые услуги, незамедлительно появились и получили распространение такие преступные проявления, как похищение и незаконное лишение свободы лиц, страдающих наркоманией и алкоголизмом. Данных лиц насильно, против их воли доставляли в так называемые реабилитационные центры, где за плату, взимаемую с родственников потерпевших, содержали длительное время.

В этой связи, в целях более полного описания особенностей назначения судебных экспертиз по данным видам преступлений, представляется целесообразным раскрыть подробнее волевой аспект нарко- и алко- зависимого потерпевшего и подозреваемого, а также рассмотреть условия законного ограничения свободы в целях оказания наркологической помощи.

Так, в международном классификаторе болезней 10-го пересмотра² имеется класс психических расстройств и расстройств поведения, связанных с употреблением психоактивных веществ (F10-F19). В него входят и алкоголь (любые напитки, содержащие в составе этанол: пиво, водка, вино, коктейли и прочее), и наркотические вещества (опиоды, каннабиониды, седативные и снотворные средства, кокаин, стимуляторы, галлюциногены, табак, летучие растворители, и иные психоактивные вещества). Таким образом, наркомания и алкоголизм являются хроническими, смертельными психическими заболеваниями, требующими лечения, профилактики и социальной реабилитации, то есть оказания квалифицированной наркологической помощи, которую в соответствии с законодательством обеспечивает государство. Наркологическая помощь больным наркоманией и алкоголизмом оказывается при наличии их информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство, полученного в порядке, установленном законодательством в сфере охраны здоровья, а больным наркоманией и алкоголизмом несовершеннолетним - при наличии информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство одного из родителей или иного законного представителя (за исключением установленных законодательством

¹ Кон И.С. В поисках себя. – М., 1984. – С. 97-98.

² См.: Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем (10-й пересмотр) (МКБ-10) (версия 2.20 от 14.04.2022).

Российской Федерации случаев приобретения несовершеннолетними полной дееспособности до достижения ими восемнадцатилетнего возраста)¹.

Тем самым, добровольность является неотъемлемым принципиальным условием начала оказания как медицинской помощи, так и реабилитации наркотической и алкогольной зависимости. Из этого принципа имеются строго определенные Законом немногочисленные исключения.

В соответствии со ст. 72.1 УК РФ при назначении лицу, признанному больным наркоманией, основного наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы суд может возложить на осужденного обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию².

Также принудительное направление в медицинское учреждение лица больного наркоманией возможно в соответствии с положением статьи 29 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», согласно которой лицо, страдающее психическим расстройством, может быть госпитализировано в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, без его согласия либо без согласия одного из родителей или иного законного представителя до постановления судьи, если его психиатрическое обследование или лечение возможны только в стационарных условиях, а психическое расстройство является тяжелым и обуславливает: его непосредственную опасность для себя или окружающих, или его беспомощность, то есть неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности, или существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи³.

Еще одним случаем принудительного помещения в медицинское учреждение может являться реализация положений ст. 203 УПК РФ в отношении подозреваемого или обвиняемого не содержащегося под стражей, согласно которым такой подозреваемый или обвиняемый, помещается в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьей 165 УПК РФ, то есть исключительно по вступившему в силу решению суда.

Каких-либо иных законных оснований для принудительного ограничения свободы, не предусмотрено. Любое другое насильственное изъятие с места

¹ См.: Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 № 3-ФЗ, ст. 54.

² См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022).

³ См.: Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 30.12.2021) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

обитания, доставление, помещение и удержание лица в реабилитационном центре вопреки его воле, грубо нарушает конституционные права человека, что при отсутствии добровольного волеизъявления потерпевшего, является основанием для привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления против свободы личности.

Личная свобода напрямую связана и зависит от такого понятия, как воля и реализуется посредством самостоятельного волеизъявления индивида. Похищение человека и незаконное лишение свободы могут быть совершены как насильственным, так и не насильственным способом. Однако в любом случае эти действия осуществляются помимо или вопреки воле потерпевшего, который может быть, как категорически против их совершения, так и полностью или частично не осознавать характер производимых в отношении него действий.

У лиц, страдающих наркоманией и алкоголизмом волеизъявление может быть ограничено такими факторами как: наркотическое, алкогольное опьянение и связанное с ним состояние потерпевшего; психические расстройства, вызванные злоупотреблением психоактивных веществ и их отменой; социальное окружение потерпевшего, их отношение к больному и заболеванию. Например, состояние долгого алкогольного запоя, с последующей отменой и впадением больного в состояние алкогольного делирия¹, требующего оказания срочной наркологической помощи. Страдающий алкоголизмом находится в состоянии бреда и не в полной мере руководит своими действиями. Это относится и к состоянию абстинентного синдрома², когда больной испытывает физические страдания, вызванные отсутствием психоактивного вещества. В таких состояниях, лица из числа его окружения больного (члены семьи, родственники, знакомые и т.д.), в отсутствии или вопреки волеизъявления больного, могут организовать помещение последнего в

¹ См.: Википедия. Алкогольный делирий, белая горячка алкогольная, состояние отмены алкоголя с делирием, жарг. «белочка», «белка», лат. Delirium tremeNs (дословно — «трясущееся помрачение») — металкогольный психоз, конкретнее — делирий, связанный со злоупотреблением алкоголем. Алкогольный делирий возникает на II–III стадии алкоголизма в период прекращения пьянства. Выражается бредом, обусловленным зрительными, слуховыми и/или тактильными галлюцинациями, сопровождается ознобом и повышением температуры. Галлюцинации обычно носят угрожающий характер, часто представлены в образе мелких опасных существ (насекомые, черти). Иногда заканчивается смертью. Основную опасность при делирии представляет риск самоповреждения. Характерной чертой алкогольного делирия является то, что он крайне редко развивается на фоне опьянения, обычно же его развитие происходит на вторые-пятые сутки после резкой отмены привычного приёма алкоголя.

² Википедия. Абстинентный синдром (от лат. abstinētia — воздержание), абстинентное состояние; жарг. ломка — группа симптомов различного сочетания и степени тяжести, возникающих при полном прекращении приёма психоактивного вещества либо снижении его дозы после неоднократного, обычно длительного и/или в высоких дозах, употребления. Существуют временные рамки, в течение которых абстинентный синдром может возникнуть и продолжаться, но они сильно зависят от типа, принимавшегося больным психоактивного вещества и его дозы, непосредственно предшествовавшей воздержанию. Абстинентный синдром является составной частью синдрома зависимости.

реабилитационный центр, где тот в последующем будет насильно удерживаться третьими лицами. Аналогично выглядит и недобровольное помещение лиц, страдающих наркоманией и алкоголизмом в реабилитационный центр в сильном наркотическом или алкогольном опьянении, или вызванного ими состояния глубокого сна, что исключает либо значительно искажает восприятие потерпевшим действительности и, как следствие, сам компонент волеизъявления. Имеет место полное отсутствие воли у потерпевшего, например, при некоторых формах психических расстройств, возраста, иных состояний, лишающих возможности осознавать окружающую действительность и руководить собственными действиями.

Следует также описать другие, совершенно не урегулированные законом ситуации, связанные с добровольностью выражения волеизъявления больными наркоманией и (или) алкоголизмом. Так, данные лица, будучи замотивированными, могут высказать добровольное волеизъявление на прохождение реабилитации и согласиться с поступлением в частный реабилитационный центр. При этом желание на прохождение реабилитации у них сформировано, и они нацелены на достижение состояния устойчивого неупотребления психоактивных веществ (алкогольной и наркотической ремиссии). Однако по прошествии времени наступает период жесткого конфликта личности и физического тела, в котором болезнь в виде наркотической и алкогольной зависимости побеждает. Больной при этом совершенно перестает воспринимать реабилитационную мотивацию, начинает отвергать и отрицать саму ее возможность, не считает себя больным и требует покинуть реабилитационный центр в чем ему со стороны администрации следует отказ с последующим насильственным удержанием. Другой аналогичной ситуацией изменения волеизъявления зависимого лица является улучшение его состояния, которое он мнимо воспринимает как излечение и достижение целей реабилитации. После чего реабилитируемое лицо заявляет о желании покинуть реабилитационный центр, получает отказ администрации, которая предпринимает меры для насильственного удержания этого лица в центре. При этом следует отметить, что государственные наркологические стационары действуют в рамках ранее указанного Закона о «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». Согласно части 4 статьи 11 указанного Закона: «Лечение может проводиться без согласия лица, страдающего психическим расстройством, или без согласия его законного представителя только при применении принудительных мер медицинского характера по основаниям, предусмотренным Уголовным кодексом Российской Федерации, а также при недобровольной госпитализации по основаниям, предусмотренным статьей 29 настоящего Закона. В этих случаях, кроме неотложных, лечение применяется по решению комиссии врачей-психиатров». Согласно части 1 статьи 12 указанного Закона: «Лицо, страдающее психическим расстройством, один из родителей или иной законный представитель несовершеннолетнего в возрасте до пятнадцати лет или больного наркоманией несовершеннолетнего в возрасте до шестнадцати лет, законный представитель лица, признанного в установленном законом

порядке недееспособным, если такое лицо по своему состоянию не способно отказаться от лечения, имеют право отказаться от предлагаемого лечения или потребовать его прекращения в порядке, установленном законодательством в сфере охраны здоровья, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой статьи 11 настоящего Закона. Законный представитель лица, признанного в установленном законом порядке недееспособным, извещает орган опеки и попечительства по месту жительства подопечного об отказе от лечения или его прекращении не позднее дня, следующего за днем указанного отказа от лечения или его прекращения»¹. Таким образом, после волеизъявления больного о желании завершить реабилитацию, ему должна быть предоставлена возможность свободно покинуть реабилитационный центр. В противном случае, насильственные действия работников частных реабилитационных центров по удержанию лиц, страдающих наркоманией и алкоголизмом, совершенные в отсутствие или вопреки волеизъявления больного, должны безусловно признаваться не законными, как нарушающими конституционные права граждан.

В случаях, когда потерпевший был введен в заблуждение относительно условий нахождения в реабилитационном центре, добровольно согласился поехать в сопровождении или самостоятельно приехать в реабилитационный центр, но в последующем изъявил желание его покинуть, то с момента его удержания в здании реабилитационного центра или на его территории, содеянное квалифицируется, как похищение человека.

В описанных случаях правильная квалификация действий виновных лиц напрямую зависит от полноты и всесторонности проведенного расследования.

В этой связи особое значение при расследовании похищений и незаконного лишения свободы лиц, страдающих наркоманией и алкоголизмом, имеют вопросы, связанные с назначением судебных экспертиз. Это обусловлено, как уже указано выше, особенностями личности как лиц, совершающих указанные преступления, так и самих потерпевших. Обе эти категории в своем большинстве имеют опыт злоупотребления психоактивными веществами, в связи с чем их психика в той или иной степени подвергнута значительным изменениям. Во многих случаях возникают обоснованные сомнения в способности того или иного лица правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела и давать показания.

Отдельным видом судебных экспертиз следует назвать психолого-психиатрические и наркологические судебные экспертизы в отношении как потерпевших, так и лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых. Последние, как правило, сами являются наркозависимыми лицами, ранее прошедшими курс реабилитации от химической зависимости и находящимися в состоянии длительной ремиссии. Имея минимальные познания в области реабилитации, основывая свою деятельность по существу на своем жизненном опыте, эти лица будучи привлеченными в качестве мотиваторов и (или) являясь

¹ См.: Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 30.12.2021) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

сотрудниками реабилитационных центров из корыстных побуждений совершают преступления в отношении таких же как они наркозависимых лиц. Тем самым, для решения вопросов о психическом и наркологическом здоровье потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, об особенностях их личности и нуждаемости в специальном психолого-психиатрическом и наркологическом лечении требуются специальные познания в указанных областях знаний.

Назначение психолого-психиатрических и наркологических судебных экспертиз требует от следователя провести значительную работу по изучению личности участников судопроизводства, в отношении которых планируется проведение соответствующих исследований, а также провести ряд обязательных организационных мероприятий. Это и традиционный сбор характеризующего личность материала, в который входят: характеристики с места жительства, работы, учебы, службы; сведения о нахождении на учете у нарколога и психиатра; сведения о судимости; допрос родственников лица и круга его общения. Дополнительно, в случае учета лиц у психиатра или нарколога, следователю надлежит истребовать исчерпывающую медицинскую документацию по истории болезни, допросить лечащего врача. Далее следователю следует определиться с предоставлением лица экспертам.

В соответствии с ч. 4 ст. 195 УПК РФ судебная экспертиза в отношении потерпевшего, за исключением случаев, предусмотренных п. 2, 4 и 5 ст. 196 УПК РФ, а также в отношении свидетеля производится с их согласия или согласия их законных представителей, которые даются указанными лицами в письменном виде. Таким образом, наличие оснований полагать, что потерпевший или свидетель являются больными наркоманией, не является основанием для принуждения их к прохождению экспертных исследований. Это обстоятельство значительно усложняет процесс доказывания, так как при категорическом отказе потерпевшего или свидетеля, фактически делает невозможным проведение в отношении последних наркологической судебной экспертизы. Частичный выход из такой ситуации видится в применении пункта 4 ст. 196 УПК РФ в качестве процессуального основания назначения психолого-психиатрической экспертизы, на разрешение которой помимо вопросов о психическом и физическом состоянии потерпевшего, может быть поставлен вопрос о его наркотической (алкогольной) зависимости.

Несколько легче на практике может быть решен вопрос с принудительным направлением на обследование подозреваемого или обвиняемого. В случае, если данное лицо находится под стражей, то его направление в медицинский стационар не требует дополнительных судебных решений. Если подозреваемый или обвиняемый, не содержащийся под стражей, возражает против назначения и прохождения психиатрической экспертизы, то может быть принудительно помещен в медицинский стационар по отдельному судебному решению, полученному в порядке ст. 165 УПК РФ.

Литература

1. Кон И.С. В поисках себя. – М., 1984.

2. Яхьяева М.У. Незаконное помещение в психиатрический стационар как один из видов лишения свободы в уголовном праве России: уголовно-правовой анализ // Актуальные проблемы права. Материалы IV Международной научной конференции. 2015.

Соколов А.П., Белов Д.К.

К вопросу о правовом режиме и квалификации преступлений в отношении органов и тканей умершего человека

Аннотация. В современном мире все большее распространение получает трансплантация органов и тканей человека. В то же время законодательство, регулирующее данные операции, остается несовершенным, во многом основываясь на правовых обычаях и аналогии права. Отсутствие однозначного понимания правового режима органов и тканей человека, возможности совершения сделок в отношении органов и тканей умершего лица, влечет проблемы уголовно-правового характера, в том числе, связанные с квалификацией подобных сделок.

Ключевые слова: органы и ткани человека, квалификация преступлений, правовой режим, трансплантация, правовое регулирование.

Несмотря на всестороннее изучение права и анализ правоприменительной практикой, как самими учеными, так и правоприменителями, в российской правовой науке, как и в самом законодательстве, до сих пор остается ряд проблемных вопросов, представляющих комплексный, теоретико-практический интерес для исследований. Подобные, зачастую спорные, темы касаются, как правило, взаимосвязи разных отраслей права, затрагивая широкий спектр правоотношений.

Так, например, законодателем напрямую не установлен правовой режим органов и тканей, а реализуемое правоприменителями доктринальное представление о нем влечет возможность разночтения законодательства и создания повышенной криминогенной обстановки в сфере трансплантации органов и тканей человека.

Как следствие, представляется спорным вопрос о наказуемости совершения сделок в отношении органов и тканей умершего человека его родственникам, уголовной противоправности и наказуемости деяний, связанных с их оборотом.

Согласно ст. 68 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ использование тела, органов и тканей умершего человека допускается в медицинских целях. Российское законодательство, регулирующее сферу трансплантологии, устанавливает определенный порядок дачи согласия донора на трансплантацию (пересадку) органов и тканей, что устанавливается п. 5 ст. 7 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». При этом в отношении умершего человека в сфере трансплантации действие презумпции согласия (ст. 8 Закона РФ «О

¹ См.: Федеральный закон от 21.11.2011 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022, с изм. от 13.07.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в российской федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

трансплантации органов и (или) тканей человека») допускается, если медицинская организация не поставлена в известность о том, что лицо (при жизни) или иные лица, обладающие таким правом после его смерти, не заявили о несогласии не подобные действия. Такими лицами согласно действующему законодательству являются супруг (супруга) умершего и его близкие родственники. Таким образом, мы видим, что органами человека после его смерти могут, фактически, распоряжаться иные лица, перечень которых установлен законодательством.

При этом, в России отсутствует какой-либо единый реестр данных о лицах, выразивших несогласие на посмертное изъятие у них органа, из чего следует необходимость информирования конкретного медицинского учреждения о подобном решении. В случае, если человек открыто выступал против изъятия у него органа после смерти, однако не проинформировал об этом конкретное медицинское учреждение, наступление ответственности за подобное изъятие невозможно.

Исходя из медицинской рациональности решение по данному вопросу необходимо принимать в короткие сроки. При этом не учитываются случаи, когда супруга (супруг) в действительности не обладают знаниями о воле умершего лица, не находясь с ним в близких и доверительных отношениях в определенный длительный период, предшествовавший смерти, ввиду особенностей личных взаимоотношений. Данная норма (ч. 7 ст. 47 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») не учитывает случаи фиктивного брака, ссоры супругов с последующим отдельным их проживанием, а также при бракоразводном процессе. В данных случаях волю умершего лица могут знать и выражать его близкие родственники. Супруг (супруга) при этом могут быть не заинтересованы в действиях в интересах умершего лица. Молчание в данном случае признается согласием на совершение определенных действий, что соответствует основам гражданского законодательства, однако не отражает реалий обстоятельств.

Более того, в соответствии с действующим законодательством и профессиональными инструкциями у врачей отсутствует обязанность информировать родственников умершего лица о готовящейся в отношении него операции по трансплантации органов или тканей.

Статья 1 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. N 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека» устанавливает, что «органы и (или) ткани человека не могут быть предметом купли-продажи».

Более того в Законе РФ "О трансплантации органов и (или) тканей человека" говорится о том, что «Купля-продажа органов и (или) тканей человека влечет уголовную ответственность»¹.

Однако Уголовный кодекс РФ не предусматривает уголовную ответственность сам факт совершения сделок в отношении органов и тканей человека, относя к преступному деянию лишь принуждению к их изъятию.

¹ См.: Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (в ред. От 16.10.2006 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

В случае добровольного согласия донора на изъятие органа в целях его дальнейшей трансплантации представляется возможным квалифицировать действия участвующих в данном процессе лиц в соответствии с п. ж ч.2. ст.111 или п. м ч.2 ст. 105 УК РФ в зависимости от характера причиненного вреда.

Однако подобный подход явно не соответствует той общественной опасности, которую несет в себе данное преступление, особенно в случае организации систематического подбора контрагентов для совершения подобных сделок, что определенно возводит данное деяние к организации противоправной деятельности по обороту ограниченных в нем объектов гражданских прав. Систематически проводимые, такие операции могут способствовать расширению оборота «черного рынка» органов и тканей человека и развитию сети нелегальной торговли.

В науке уголовного права данная проблема рассматривается весьма осторожно, большая часть исследователей делает лишь общие выводы, касающиеся данной коллизии. Так, например, А.А. Пестрикова говорит, что, вероятно, данную бланкетную норму следует понимать с точки зрения общего принципа запрета на продажу органов и тканей человека¹, однако она не говорит о том, где именно данный запрет установлен и каким образом он реализуется. Е.А. Капитонова же говорит о том, что закон использует ограничительную формулу, устанавливая запрет на куплю-продажу органов и тканей человека².

Наиболее сложным представляется вопрос о квалификации совершения сделок в отношении органов и тканей умершего лица, путем подкупа его родственников за согласие на осуществление трансплантации на их пересадку.

Как уже упоминалось, законодатель провозгласил наличие уголовной ответственности за куплю-продажу органов и тканей человека, однако согласно Уголовному кодексу ответственность за данное деяние возможна лишь через его квалификацию по ст. ст. 111 и 105, а также, в случае принуждения к изъятию органов и тканей человека, согласно статье 120 УК РФ. При этом квалификация по последней статье не представляется возможной при добровольном согласии на осуществление купли-продажи органов и тканей человека, а иные статьи актуальны лишь при нанесении человеку вреда здоровья или причинение смерти. Однако в случаях с изъятием органов и тканей у мертвого человека подобная квалификация не представляется возможной. Если родственники умершего дали согласие на осуществление изъятия у него органа за определенное денежное вознаграждение, предложенное им лицом, нуждающимся в пересадке, мы определенно можем говорить о договоре купле-продажи. Несмотря на то, что в соответствии со ст. 168 ГК РФ данная сделка признается недействительной, как нарушающая требования закона, сам факт ее совершения (равно, как и совершения сделки

¹ См.: Пестрикова А.А. Международные стандарты правового регулирования биомедицинских клеточных продуктов // Медицинское право. 2018. № 3. С. 26–29.

² См.: Капитонова Е.А., Романовская О.В., Романовский Г.Б. Правовое регулирование трансплантологии: М.: Проспект, 2016. 144 с.

купли-продажи (сбыта) наркотиков) подразумевает под собой ее противоправность и, как следствие бланкетной отсылки статьи Закона о «О трансплантации органов и (или) тканей человека», уголовную наказуемость.

С точки зрения уголовного права, можно утверждать об отсутствии общественной опасности и наказуемости данного деяния, ввиду невозможности его рассмотрения как посягающее на охраняемые уголовным законом общественные отношения или наносящее серьезный вред обществу своей противоправностью.

Однако, согласно в решении Верховного суда РФ от 17 июня 2002 г. по делу А.А. Старченко недвусмысленно говорится о том что, что «достоинство личности включает в себя уважительное отношение не только к личности умершего человека, но и к его останкам»¹.

Подобный подход подтверждается уголовной наказуемостью надругательства над телами умерших. Рассматриваемое нами деяние, хотя и не представляет собой надругательства ввиду наличия умысла на спасение жизни иного человека, явно нарушает достоинство личности умершего человека, так как относит его тело к вещи, включенной в гражданский оборот, и способной быть предметом сделки купли-продажи подобно иным материальным вещам, не относящимся к телу человека. Такое деяние, подобно клевете, не отражается на физическом или материальном состоянии человека, однако ущемляет его честь и достоинство. Более того, как уже упоминалось ранее, Закон РФ "О трансплантации органов и (или) тканей человека" провозглашает уголовную ответственность за совершение подобных сделок, проводя определенную логическую аналогию с другими объектами гражданского права, ограниченными в гражданском обороте (наркотические вещества, оружие).

Решить данную проблему возможно внесением в УК РФ статьи 120.1 со следующей диспозицией: «Совершение сделок, предметами которых являются органы, ткани или кровь человека, совершенные без принуждения и применения насилия к участникам таких сделок».

Данную статью необходимо также дополнить п.2: «То же деяние:

- а) повлекшее по неосторожности смерть донора;
- б) совершенное в отношении малолетнего его законными представителями»

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398. КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.11.2022);

2. Федеральный закон от 21.11.2011 323-ФЗ (ред. От 11.06.2022, с изм. От 13.07.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в российской федерации» (с

¹ См.: Крылова Н.Е. Биоэтические и уголовно-правовые проблемы трансплантации органов, тканей и клеток человека // Актуальные проблемы правового регулирования медицинской деятельности: материалы конференции. М., 2004. С. 314.

изм. И доп., вступ. В силу с 01.09.2022) КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.11.2022);

3. Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (в ред. от 16.10.2006 г.) // ведомости рф. - 1993. - № 2. КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.11.2022);

4. Пестрикова А.А. Международные стандарты правового регулирования биомедицинских клеточных продуктов // Медицинское право. 2018. № 3. С. 26–29.

5. Капитонова Е.А., Романовская О.В., Романовский Г.Б. Правовое регулирование трансплантологии: М.: Проспект, 2016. 144 с.

6. Крылова Н.Е. Биоэтические и уголовно-правовые проблемы трансплантации органов, тканей и клеток человека // Актуальные проблемы правового регулирования медицинской деятельности: материалы конференции. М., 2004. С. 314.

Старостин К.Д.

Выявление признаков взрыва топливно-воздушной смеси при производстве взрывотехнических экспертиз

Аннотация. В настоящей статье автором поднимаются некоторые проблемы по выявлению признаков взрыва топливно-воздушной смеси при производстве взрывотехнических экспертиз.

Ключевые слова: взрыв, осмотр места происшествия, взрывотехническая экспертиза.

Взрывы топливно-воздушных смесей¹, в том числе взрывы бытового газа в жилых домах, взрывы газо-воздушных и пылевоздушных смесей на производствах, зачастую приводят к массовой гибели людей и крупному экономическому ущербу. В силу высокой степени газификации такие происшествия на территории Российской Федерации происходят регулярно и почти всегда имеют большой резонанс.

До последнего времени взрывотехническая экспертиза в системе МВД России концентрировалась на взрывах конденсированных взрывчатых веществ², что было связано с наличием большого количества боеприпасов, взрывных устройств³ и взрывчатых веществ⁴, находящихся в незаконном обороте. Поэтому методическое обеспечение по работе по взрывам ТВС в системе МВД России отсутствовало. В настоящее время количество происшествий, связанным с незаконным оборотом ВУ, ВВ и боеприпасов

¹ Далее – ТВС

² Далее – КВВ

³ Далее – ВУ

⁴ Далее – ВВ

снижается, основными объектами такого типа остались дымные и бездымные пороха. В связи с этим эксперты-взрывотехники могут включить в поле своей деятельности производство экспертиз по фактам взрывов ТВС, которые имеют как общие со взрывами КВВ черты, так и определенные различия. Поэтому приобретает актуальность создание методического обеспечения для экспертно-криминалистической деятельности по данному направлению.

Осмотр места взрыва всегда является сложным следственным действием, что связано с существенными разрушениями и видоизменениями вещной обстановки. Вызывает трудности восстановление картины места происшествия до взрыва, взаимного расположения людей и предметов (мебели, техники, автотранспортных средств). Для проведения полноценного осмотра необходим длительный и трудоемкий поиск фрагментов и осколков ВУ, метаемых на значительные от центра взрыва расстояния и внедрившихся в толщу предметов, в грунт.

Осмотр места взрыва ТВС требует проведение всех указанных выше действий, и при этом он практически всегда осложнен необходимостью разбора крупных завалов строительных конструкций (для взрывов КВВ такая проблема характерна только при большой их массе, что случается достаточно редко). Также в результате таких взрывов часто возникают и развиваются пожары которые приводят к существенным термическим повреждениям вещной обстановки на больших площадях.

Работа аварийных служб (пожарная охрана, МЧС), особенно в первые часы после взрыва, приводит к существенному видоизменению вещной обстановки, удалению (вплоть до вывоза на свалку) из зоны разрушений предметов, несущих на себе криминалистически значимые следы (газовое оборудование, газовые баллоны и пр.). Возможность полноценного и всестороннего осмотра зачастую ограничена по времени и доступу к части помещений в связи с возможностью обрушения строительных конструкций.

Для проведения осмотра места происшествия¹ и производства взрывотехнической экспертизы необходимо представлять себе основные различия в механизме взрывного превращения КВВ и ТВС.

Взрыв ТВС отличается от взрыва заряда КВВ несколькими основными качествами:

– ТВС образуются на месте происшествия, тогда как КВВ в большинстве случаев (за исключением взрывов на производствах ВВ) доставляются извне;

– отсутствует локальный центр взрыва, ТВС обычно занимает весь предоставленный ее объем комнаты, квартиры, цеха предприятия и т.п. и взрыв происходит во всем объеме смеси;

– ТВС обладает меньшей (обычно на порядок) скоростью, а, следовательно, и энергией, взрывчатого превращения, но при этом данная энергия реализуется в большем объеме, что вызывает большие повреждения, характерные для взрывов зарядов КВВ большой массы;

¹ Далее – ОМП

– ТВС обладают высокой чувствительностью к низкоэнергетическим иницирующим импульсам (таким как электрический разряд, источник открытого огня, разряд статического электричества) и не требуют в качестве обязательных таких импульсов, как детонационный, высокоэнергетический ударный, длительный нагрев.

Для установления факта взрыва ТВС и формулирования в заключение эксперта соответствующих выводов необходимо следующее.

1. Установить отсутствие признаков взрыва заряда КВВ.

Механические повреждения объектов (предметов, грунта, людей), находившихся в контакте с зарядом КВВ, либо в непосредственной близости от него, представляют собой воронки, перебития элементов металлических, деревянных, железобетонных конструкций, дробление высокопрочных предметов на фрагменты с характерными для бризантного действия взрыва признаками. Отсутствие данных признаков должно быть выявлено в ходе проведения ОМП и отражено в материалах дела.

Следует зафиксировать отсутствие на месте происшествия фрагментов СВУ, а также первичных осколков и осколочных повреждений. Химическое исследование в лабораторных условиях позволит установить отсутствие на месте происшествия следовых количеств непрореагировавших КВВ и продуктов их взрывчатого превращения.

2. Выявить признаки, которые характерны для взрыва ТВС.

К таким признакам, прежде всего, относится общая картина на месте происшествия. При наличии существенных разрушений строительных конструкций (разлета железобетонных стен и перекрытий, полного разрушения кирпичной кладки, выбивания окон и дверей) отсутствует фрагментация высокопрочных объектов, а небольшие предметы малой прочности (стеклянные банки, посуда и т.п.) зачастую не имеют повреждений, и даже не перемещены в результате взрыва.

На стенах, полу и (или) потолке могут быть обнаружены термические повреждения с явно выраженной горизонтальной границей, которая отделяет зону выгорания ТВС (концентрация горючего компонента находится в оптимальных пределах) от зоны, в которой имелся избыток либо недостаток горючего компонента. Анализ характера термических повреждений в различных помещениях или частях одного помещения позволяет выявить пути распространения горючего компонента ТВС, происходившего в процессе взрывного превращения. Данное перемещение сопровождается изменением его концентрации и, соответственно, степенью термических повреждений горючих материалов.

3. Установить источник поступления на место происшествия компонентов ТВС (в основном горючего компонента) и способ ее инициирования. Для этого все газовое оборудование (газоиспользующее, газораспределительное, емкости для хранения газов), а также газовые трубы, регулирующая и запорная арматура и гибкие газовые подводки должны быть изучены на месте происшествия. Следует зафиксировать в фотоматериалах и протоколе ОМП повреждения оборудования, состояние труб и подводки (наличие отверстий,

дефектов, коррозии), положения кранов и вентилях. Оборудование и газовые линии, подозреваемые на причастность к утечке ТВС, должны быть изъяты и предоставлены на экспертизу для проведения лабораторных исследований. Без данных операций формулирование выводов о причине возникновения ТВС будет практически невозможно.

Существенную роль в установлении истины могут сыграть показания очевидцев, а также изучение видеозаписей (смартфоны, камеры наружного или внутреннего видеонаблюдения), сделанных во время взрыва, а также непосредственно перед ним. Взрывы ТВС зачастую происходят в несколько стадий. Первоначальный взрыв ТВС происходит в помещении, в котором срабатывает инициирующий импульс, и сопровождается разрушением стен, перекрытий и легких конструкций. Горючая смесь распространяется в соседние помещения, смешивается с воздухом, и происходит второй взрыв, зачастую более мощный. Такой процесс обычно описывается очевидцами как два (либо несколько) явно различимых между собой «хлопков», «взрывов». Изучение видеозаписей может позволить локализовать место первичного инициирования взрыва ТВС, установить путь распространения взрывного превращения во всем объеме смеси.

Взрыв ТВС является сложным для работы объектом взрывотехнической экспертизы, создание методического обеспечения для работы экспертов по данному типу происшествий еще далеко от завершения и требует проработки множества аспектов как проведения ОМП, так и исследования предоставляемых материалов и объектов.

Сухарева Е.В., Елизарова Н.С.

Актуальные вопросы назначения судебно-медицинских экспертиз при расследовании преступлений против личности

Аннотация. В статье поднимаются проблемы борьбы с бытовой преступностью традиционно привлекают внимание, как ученых, так и практических работников правоохранительных органов. Данный вид преступлений всегда имел значительный удельный вес в общей структуре преступности. Лица, погибшие или получившие телесные повреждения на почве семейно-бытовых конфликтов, образуют большую часть среди различных категорий потерпевших от насильственных преступлений.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, преступления против личности, назначение экспертиз.

Проблемы борьбы с бытовой преступностью традиционно привлекают внимание, как ученых, так и практических работников правоохранительных органов. Данный вид преступлений всегда имел значительный удельный вес в общей структуре преступности. Лица, погибшие или получившие телесные повреждения на почве семейно-бытовых конфликтов, образуют большую часть среди различных категорий потерпевших от насильственных преступлений.

Согласно части 1 статьи 1 ФЗ-3 от 07 февраля 2011г. «О полиции» –полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства (далее также – граждане; лица), для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности. Согласно пункту 3 части 2 статьи 2 ФЗ-3 от 07 февраля 2011г. «О полиции» – одним из основных направлений деятельности является – выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам.

Под бытовым преступлением в уголовном кодексе подразумеваются умышленные или неосторожные действия, посягающие на жизнь, здоровье, честь, достоинство и свободу личности, совершаемые в результате конфликтов между лицами, состоящими в брачно-семейных, родственных, дружеских, интимных или соседских отношениях, по личным неприязненным мотивам в сфере семейного или общественного быта.

Бытовая преступность существовала всегда. Ее истоки – в снижении жизненного уровня части населения, жилищных трудностях, безработице, недостатке человеческой культуры и, в значительном количестве связанные с употреблением алкоголя и совершенные, в состоянии алкогольного опьянения. Более половины бытовых преступлений происходит в нетрезвом состоянии.

Одним из основных источников доказательств по уголовному делу при расследовании причинения вреда здоровью являются фактические данные, устанавливаемые заключением эксперта.

Производство экспертизы только по медицинским документам (история болезни (карта стационарного больного), индивидуальная карта амбулаторного больного), допускаются в исключительных случаях и лишь при наличии полноценных подлинных документов, содержащих подробные, исчерпывающие данные о характере повреждений, их клиническом течении и другие сведения, необходимые для производства экспертного исследования и дачи обоснованных выводов (заключения), а также при отражении факта отказа потерпевшего от явки в экспертное учреждение, как в протоколе его допроса, так и в постановлении о назначении СМЭ.

К числу важнейших относятся вопросы, от решения которых во многом зависит правильное определение степени тяжести вреда, причиненного здоровью потерпевшего. Это установление, не лишился ли потерпевший какого-либо органа, не потерял ли, хотя бы частично, зрение; не пострадал ли слух; можно ли считать наступившее расстройство здоровья потерпевшего длительным; имеет ли место значительная стойкая утрата общей трудоспособности и если да, то какова ее степень.

Перечень вопросов, разрешаемых судебно-медицинской экспертизой потерпевшего, подозреваемого:

- наличие телесных повреждений, их количество локализация, механизм образования, время и очередность причинения; степень тяжести каждого из них;

- могли ли телесные повреждения быть причинены представленными на исследование предметами;

- мог ли сам потерпевший причинить себе (например, в результате падения) обнаруженные повреждения и т.д. в зависимости от конкретных условий произошедшего.

В постановлении о назначении судебно-медицинской экспертизы необходимо максимально подробно изложить все обстоятельства дела, в том числе механизм причинения телесных повреждений. В случае, если показания подозреваемого и потерпевшего об обстоятельствах причинения телесных повреждений разнятся, то в постановлении о назначении судебно-медицинской экспертизы следует изложить версию каждого.

Показания потерпевшего должно содержать сведения о времени, месте, обстоятельствах получения телесных повреждений; при этом необходимо уточнить, каким способом он определил время, обратил ли специально внимание (может, время было назначено кем-либо из участников преступления); как он оказался на месте преступления, знакомо ли оно ему, сможет ли он его найти и показать;

Немаловажно отразить поведение всех участников преступления до конфликта, какие фразы, жесты, действия были со стороны каждого; его реакция на происходящее;

Если известно отразить кем причинены телесные повреждения, данные о его личности, приметы; в каких отношениях он находился с этим лицом до конфликта и после него; имелись ли поводы к совершению насильственных действий со стороны конкретного лица, какие именно, не спровоцировано ли преступление самим потерпевшим, находился ли потерпевший или подозреваемый в состоянии алкогольного опьянения (возможно после совместного распития спиртных напитков); какие конкретно насильственные действия совершены, какими орудиями, в какой последовательности, какие части тела пострадавшего подвергались воздействию;

Подробно отразить внешний вид, размеры, особые приметы орудия, кому оно принадлежит, где находилось до происшествия и где находится сейчас, сможет ли потерпевший опознать орудие, если да, то каким образом.

Выясняется особо тщательно механизм нанесения телесных повреждений руками, какой рукой, кулаком, ребром ладони, как осуществлялся замах, использовались ли при этом какие-либо предметы, если да то какие именно; ногами- в какой обуви, какой ногой, в какую область тела, лица, головы, в каком положении находились оба в момент нанесения ударов (стоя, лежа, сидя), сопротивлялся ли потерпевший, если да – как именно, использовал ли при этом какие-либо орудия, если да, то какие именно и куда дел их после преступления; каковы причины окончания преступления (подозреваемый достиг желаемого результата; действия стали явными для окружающих и были пресечены, если да, то кем конкретно; потерпевший оказал сопротивление и применил оружие либо иной предмет, отказ лица от доведения преступления до конца); какие последствия насильственных действий имелись непосредственно после воздействия, какие последствия имеются в настоящее время; причинен ли

пострадавшему какой-либо иной ущерб, кроме физического; обращался ли потерпевший в какое-либо лечебное учреждение, какой результат обращения, кто оказал ему первую помощь, какой вред здоровью причинен: сколько находился на амбулаторном или стационарном лечении; причины выписки: окончен курс лечения, нарушение режима, продолжительность больничного; имеются ли свидетели происшедшего, данные о них, кто наблюдал событие, присутствовал при нанесении ударов, мог видеть происходящее, кому потерпевший сообщил о произошедшем, имелись ли ранее случаи насильственных действий в отношении потерпевшего со стороны этого же лица, когда, какие именно, проводились ли проверки правоохранительными органами и какие меры были приняты.

При выяснении всех обстоятельств преступления целесообразно предложить потерпевшему схематично представить: во-первых, место преступления; во-вторых, расположение каждого участника на нем; в-третьих, примерный рисунок орудий преступления. Эти схемы помогут как определить правдивость показаний потерпевшего, так и его ориентирование на месте происшествия, также помогут вспомнить детали происходящего, а сотруднику органа дознания, дознавателю – оценить действия и построить последовательность производства последующих следственных действий.

В показаниях лица, действиями которого причинен вред здоровью пострадавшего, должны быть отражены сведения: где, когда и при каких обстоятельствах совершены насильственные действия; период времени, в течение которого происходило нанесение повреждений; наличие соучастников; способ нанесения телесных повреждений, каков механизм физического воздействия (как и чем, в какой последовательности наносились удары пострадавшему); в каком положении находились оба в момент нанесения ударов; оказывал ли пострадавший сопротивление; высказывались ли угрозы в адрес пострадавшего, какие именно, имеются ли на теле у подозреваемого телесные повреждения, связано ли это с преступлением; применялись ли орудия (оружие) при совершении преступления; кто мог наблюдать событие преступления или кому рассказывалось о произошедшем. Когда и в связи с чем возникло намерение причинить вред здоровью; какие подготовительные меры были в связи с этим осуществлены; если такое намерение возникло внезапно на месте происшествия, то под влиянием чего; был ли знаком с пострадавшим, если да, то, когда, где, при каких обстоятельствах с ним познакомился; какие отношения с ним поддерживал, как часто и в связи с чем общался; возникали ли в отношении с ним какие-либо конфликты, если да, то в связи с чем и как они разрешались, с какой целью, каким способом прибыл на место происшествия, куда и как убыл после совершения преступления, принимал ли меры к сокрытию его следов.

Показания свидетелей должны содержать сведения: знаком ли свидетель с кем-либо из участников происшедшего, если да, то с кем именно, в каких отношениях находятся между собой; когда оказался на месте преступления и в связи с чем; в каких условиях наблюдал за событием (снег, дождь, освещенность, расстояние, видимость, шумовые помехи); каковы мотивы

поведения основных участников происшедшего, в том числе пострадавшего и активных свидетелей; характер действий пострадавшего. Выясняется, не было ли в его действиях элементов провокации или нападения, что могло повлечь естественные оборонительные действия со стороны другого лица (лиц) или вызвать у него состояние аффекта; во что были одеты участники, их приметы; называли ли они себя по имени, кличкам. Сможет ли опознать, если да, то по каким приметам; кто и чем из участников был вооружен; расположение участников события в момент нанесения вреда здоровью; кто именно, каким орудием, как и кому, наносил удары, у кого из участников были повреждения и какие; маршруты передвижения участников: кто и откуда пришел, прибежал или приехал к месту происшествия, в каком направлении и по какой дороге убегал; кто еще является очевидцем расследуемого деяния, кто, по его мнению, мог видеть или слышать происходившее; в связи, с чем преступные действия были прекращены; кто оказал первую медицинскую помощь пострадавшему; что сообщил о случившемся пострадавший, называл ли по имени или фамилии лицо, причинившее ему телесные повреждения. У лиц, оказавших первую медицинскую помощь (если они являлись очевидцами конфликта, то опрашиваются (допрашиваются) еще и по вышеуказанным вопросам):

У бригады скорой помощи: время вызова на место происшествия и прибытия; в каком состоянии находился потерпевший в момент прибытия скорой помощи; в чем был одет пострадавший, какие вещи, предметы, орудия находились при нем; на что жаловался, какие повреждения были зафиксированы, что пояснял по поводу их получения; какая помощь была оказана по прибытию на место нахождения пострадавшего; кто еще находился рядом с пострадавшим, и кто оказал первую медицинскую помощь до приезда бригады; в какое медицинское учреждение был доставлен, и какие документы составлялись при этом.

На основе исследования всех повреждений и показаний фигурантов уголовного дела и с учетом вызванного ими состояния здоровья судебно-медицинский эксперт делает вывод о степени тяжести причиненного ему вреда.

Хрусталеv В.Н.

**Проблемы судебно-экспертной деятельности - составная часть
комплекса проблем технико-криминалистического,
научно-технического обеспечения раскрытия и расследования
преступлений, и решаться они должны совместно**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы судебно-экспертной деятельности. Автором обозначены наиболее глобальные и второстепенные вопросы, а также акцентировано внимание то, что, решение второстепенных проблем без решения глобальных никакого ощутимого влияния на эффективность научно-технического, судебно-экспертного обеспечения раскрытия и расследования преступлений и других правонарушений оказать не может.

Ключевые слова: обеспечение комплексности в собирании следов преступления, их исследовании и использовании, обеспечение комплексности в исследовании изъятых следов, комплексность в использовании изъятых следов.

Судебно-экспертные учреждения Российской Федерации призваны обеспечивать должный уровень научно-технического, технико-криминалистического сопровождения раскрытия и расследования и предупреждения преступлений и других правонарушений, а эффективность этого сопровождения во многом предопределяет успех (или неуспех) правоохранительной деятельности в целом. Деятельность специалистов, принимающих участие в следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях – важный элемент технико-криминалистического, научно-технического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Влияние результатов деятельности специалистов-криминалистов на эффективность судебно-экспертной деятельности очевидно: именно специалисты представляют в распоряжение следствия материальные носители потенциальной розыскной и доказательственной информации. И от качества работы специалистов зависит, принесет ли пользу следствию и розыску эксперт, или он потратит время и средства впустую, исследуя следы, никакого отношения к расследуемому событию не имеющие.

А насколько судебные эксперты в свою очередь способны способствовать повышению эффективности деятельности специалистов? Эксперты информируют специалистов о пригодности следов для экспертного исследования, и правилах, которые должны быть соблюдены в процессе их собирания для того, чтобы не снижать их информативность. Однако помощь со стороны экспертов специалистам может и должна быть существенно шире.

Во-первых, именно эксперты, анализируя изменяющиеся объекты, поступающие на исследование, взамен архаичных должны разрабатывать актуальные методические рекомендации криминалистической направленности, содержащие актуальные сведения о современном ассортименте типичных элементов вещной обстановки мест происшествий и особенностях собирания и исследования их следов. Проблема актуализации методических рекомендаций криминалистической направленности стоит весьма остро и требует незамедлительного и масштабного решения.

Во-вторых, именно эксперты, досконально знающие свойства и признаки объектов судебных экспертиз соответствующих родов и видов, призваны оказать помощь в разработке методик предварительного исследования следов данных объектов на местах их обнаружения. Они могут среди множества признаков, проявляющихся в следах, выделить те, выявление которых возможно и целесообразно специалистами в полевых условиях в условиях острого дефицита времени и при использовании простейших технических средств, которые информативны для получения розыскной информации об

объектах, их оставивших, и обстоятельствах, сопутствующих слепообразованию. Есть примеры успешного решения данной проблемы¹.

Необходимо отметить, что проблема должного взаимодействия и взаимопомощи между специалистами и экспертами легко решается сама собой в том случае, когда функции специалиста и эксперта выполняют одни и те же сотрудники СЭУ. Опыт и автора данной статьи, и его учеников, и многочисленных коллег – сотрудников экспертно-криминалистической службы ОВД из разных регионов Советского Союза, да и сотрудников различных экспертных служб западных стран, которые прекрасно совмещают функции специалистов и экспертов, заставляет нас с осторожностью относиться к предложениям организационно разделить сотрудников, выполняющих эти функции. Данное разделение, предположительно способное улучшить состояние следовой работы, не является основополагающим и вовсе не гарантирует достижение желаемого результата, оно способно повлиять на ситуацию как позитивно, так и негативно, что более вероятно!

И, в-третьих, нельзя забывать, что судебно-экспертные учреждения силовых ведомств страны, ответственные за работу с материальными носителями уголовно релевантной информации, должны проводить эту работу качественно на всех ее этапах: собирания (обнаружения, фиксации изъятия) и исследования следов, понимая, что сбой на любом из этих этапов приведет к резкому снижению эффективности всей системы.

Прежде всего, следует обратить внимание на необходимость обеспечения комплексности работы с материальными носителями уголовно-релевантной информации в раскрытии и расследовании преступлений. Эта комплексность – понятие многоаспектное, но, с нашей точки зрения, наибольшее значение имеют такие ее проявления как *обеспечение комплексности в собирании следов преступления, их исследовании и использовании.*

Обеспечение комплексности в собирании следов означает, что необходимо обнаруживать, фиксировать и изымать широкую гамму следов преступления - потенциальных объектов судебных экспертиз - в ходе оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Сотрудники, принимающие участие в их проведении, должны быть нацелены на обнаружение всех следов расследуемого события, определение в рамках полноценного предварительного исследования их возможной относимости к данному событию, их качественные фиксации и изъятие, своевременное направление на последующее исследование. Это создает реальные предпосылки успешного раскрытия и расследования любых, в том числе самых запутанных, преступлений.

Обеспечение комплексности в исследовании изъятых следов означает необходимость правильного определения: видов необходимых исследований; задач, которые следует поставить перед специалистами и экспертами с учетом

¹ Хрусталеv, Виталий Николаевич. Транспортная трасология: предварительное исследование следов транспортных средств + eПриложение: дополнительные материалы: учебное пособие / В.Н. Хрусталеv, А.В. Калякин, Л.Б. Сыромля. — Москва: КНОРУС, 2022. — 214 с. — (Бакалавриат, специалитет и магистратура). ISBN№ 978-5-406-10254-1.

конкретной оперативно-розыскной и следственной ситуации; оптимальной последовательности проведения различных исследований одних и тех же материальных объектов, и объема экспертного исследования, устанавливаемого субъектами исследования соответствии с принципом необходимости и достаточности; видов специальных знаний, которые необходимо задействовать в исследовании, поскольку зачастую в рамках однородных экспертиз дать полноценные ответы на вопросы инициаторов не удается.

Комплексность в использовании изъятых следов, с нашей точки зрения, можно обеспечить, выбирая оптимальную с точки зрения конкретной следственной ситуации, складывающейся при раскрытии и расследовании конкретного преступления, форму и вид исследования: в не процессуальной форме (исследования, производимые специалистами в полевых условиях, как правило инициативно, и в лабораторных условиях по заданиям оперативных аппаратов), или процессуальной форме (судебные экспертизы, производимые экспертами, и исследования, производимые специалистами по заданиям дознавателей и следователей и завершающиеся составлением заключений специалиста).

Приходится признать, что именно этап собирания следов в обстановке мест происшествий является самым слабым звеном в работе со следами преступлений. Так, коэффициент комплексности изъятия следов на местах происшествий, осмотренных с участием сотрудников ЭКП ОВД, на протяжении трех десятилетий составляет около единицы (с места происшествия, как правило, изымаются следы всего одной группы), и за прошедший 2021 год этот показатель тоже составил всего 1,06. Это является красноречивым доказательством того, что наши сотрудники в своем большинстве со следовой картиной мест происшествий работать не умеют! На местах происшествий обнаруживается и изымается неоправданно малое количество материальных следов расследуемых преступлений, поэтому в распоряжение следствия и розыска большая часть следов преступлений, которые могли бы привести к появлению в делах и ценной розыскной информации и исчерпывающего круга полноценных доказательств, не попадает. А ведь по-хорошему этот показатель в среднем должен быть не менее трех-пяти, о чем свидетельствует и наш многолетний практический опыт следовой работы, и до перестроечный опыт большого числа сотрудников базовых лабораторий ЭКП ОВД СССР, и опыт наших учеников и западных коллег. И речь вовсе не идет об изъятии ради изъятия: изыматься должны только те следы, которые с высокой долей вероятности могут иметь отношение к расследуемому событию!

Нам представляется, что причина такой неблагоприятной картины является следствием влияния трех факторов. *Первый фактор* – это падение профессионализма сотрудников ЭКП страны, произошедшее после развала СССР. В экспертной службе произошла смена поколений без обеспечения преемственности в профессионализме как специалистов, так и экспертов.

Второй фактор вызван низким качеством подготовки наших сотрудников, которых готовят по ученической (в судебно-экспертных учреждениях по

принципу наставничества) и академической системе (при подготовке будущих сотрудников судебно-экспертных организаций в рамках получения ими первого высшего образования в вузах). Причина кроется в том, что даже самое совершенное материально-техническое обеспечение учебного процесса успех его не предопределяет: важно не только, в каких условиях идет обучение, но и кто учит! Реально научить будущего сотрудника или молодого специалиста и работать со следами, и производить экспертизы, способен лишь тот педагог, который сам прекрасно умеет это делать - реальный носитель соответствующих криминалистических, судебно-экспертных технологий! *Критерием этого профессионализма может быть только наличие у педагога значительного положительного опыта соответствующей профессиональной деятельности.* А педагоги без реального положительного опыта достойными специалистами и не могли стать, поэтому могут подготовить учеников лишь к теоретическим рассуждениям. Практика борьбы с преступностью в таких горе-специалистах не нуждается!

И *третий фактор* – это по сути качественный некомплект следственных подразделений. К сожалению, и среди следователей встречаются мало профессиональные и недобросовестные, которые, злоупотребляя своим статусом руководителей следственно-оперативных групп, зачастую дают задание специалистам обнаружить и подготовить изъятие только компактных вещественных доказательств, назначение экспертиз которых в дальнейшем ни каких проблем следователям не создаст. Так преступное безразличие следователя, помноженное на слабую компетентность и беспринципность специалиста, сводят вероятность успешного раскрытия и расследования конкретного преступления к нулю!

Но действительно ли застарелая проблема низкого качества работы со следами, которая в течение трех последних десятилетий лишь усугубляется, неразрешима? Разумеется, нет! Для преодоления низкого профессионализма специалистов-криминалистов необходимо обратиться к положительному опыту подготовки действующих сотрудников ЭКП ОВД к следовой работе в Саратовском юридическом институте МВД РФ, в котором с 2006 по 2011 годы регулярно и с неизменным положительным результатом проводились соответствующие 30-дневные сборы сотрудников ЭКП ОВД и экспертной службы МЧС страны. Необходимо также досконально изучить и систематизировать современный опыт и работы со следами, и подготовки к следовой работе сотрудников зарубежных СЭУ, и внедрить у нас наиболее эффективные наработки сотрудников СК РФ. Опыт этот нужно будет применить при подготовке и молодых сотрудников СЭУ, и будущих специалистов-криминалистов в экспертных вузах с использованием современных актуальных методических пособий¹. Но при этом нельзя забывать, что если эта подготовка будет вестись в рамках специальности «Судебная

¹ Например, Хрусталева В.Н., Щеглов О.А. Участие специалиста криминалиста в следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях: учебное пособие. М.: ЮСТИЦИЯ, 2019, 718 с. – (Бакалавриат и специалитет). ISBN № 978-5-4365-3182-3.

экспертиза» с соблюдением требований действующего ФГОС поколения 3++, утвержденного в 2020 г.¹, качество этой подготовки будет не улучшаться, а кардинально ухудшаться²!

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что для реального повышения эффективности судебно-экспертной деятельности в нашей стране необходимо предпринять усилия для решения и иных застарелых ее проблем, таких как:

- проблема сомнительной достоверности доказательств, получаемых экспертным путем, элементами которой являются проблемы объективизации порядка аттестации действующих экспертов, ошибочных и заведомо ложных заключений экспертов, обеспечения должного качества экспертной подготовки;

- проблема обеспечения творческого отношения эксперта к производимым экспертизам, и проблема разумной, а не бездумной алгоритмизации, цифровизации, стандартизации, автоматизации судебной экспертизы.

Можно констатировать, что сегодня у судебно-экспертной деятельности в нашей стране проблем множество, но среди них необходимо обозначить глобальные и второстепенные, и понимать, что, решение второстепенных проблем без решения глобальных никакого ощутимого влияния на эффективность научно-технического, судебно-экспертного обеспечения раскрытия и расследования преступлений и других правонарушений оказать не может. И решать их можно и нужно с учетом того, что все многочисленные проблемы судебной экспертизы взаимосвязаны, взаимозависимы и взаимообусловлены, а значит и решать их необходимо только в комплексе. И при решении их экспертное сообщество прежде всего должно рассчитывать на себя!

Литература

1. Хрусталеv В.Н. Транспортная трасология: предварительное исследование следов транспортных средств + Приложение: дополнительные материалы: учебное пособие / В.Н. Хрусталеv, А.В. Калякин, Л.Б. Сыромля. —

¹ Приказ Минобрнауки РФ от 31.08.2020 №1136 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 14.09.2020 №59827) /Электронный ресурс URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009150048> [дата обращения 17.10.2020].

² Подробнее об этом см.: Хрусталеv В.Н. Какой вектор развития Российской академической подготовки судебных экспертов определяет новый образовательный стандарт по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза»? /Теория и практика совершенствования правовых, научно-методических и информационных основ использования специальных знаний в судопроизводстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Уфа, 19 ноября 2020 г.)/ отв. ред. Ф.Г. Аминев. – Уфа: РИЦ Баш-ГУ, 2020. С. 141-150; Хрусталеv В.Н. Факторы, определяющие качество экспертной подготовки. / Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 25-26 марта 2021 г., - М., РГУП, 2021, стр.636-646.

Москва: КНОРУС, 2022. — 214 с. — (Бакалавриат, специалитет и магистратура). ISBN 978-5-406-10254-1.

2. Хрусталева В.Н., Щеглов О.А. Участие специалиста криминалиста в следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях: учебное пособие. М.: ЮСТИЦИЯ, 2019, 718 с. – (Бакалавриат и специалитет). ISBN 978-5-4365-3182-3

3. Хрусталева В.Н. Какой вектор развития Российской академической подготовки судебных экспертов определяет новый образовательный стандарт по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза»? /Теория и практика совершенствования правовых, научно-методических и информационных основ использования специальных знаний в судопроизводстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Уфа, 19 ноября 2020 г.) / отв. ред. Ф.Г. Аминев. – Уфа: РИЦ Баш-ГУ, 2020.

4. Хрусталева В.Н. Факторы, определяющие качество экспертной подготовки. / Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 25-26 марта 2021 г., - М., РГУП, 2021.

Цветкова Е.С.

К вопросу исследования речевого материала, содержащего признаки иноязычного акцента, при проведении фоноскопической экспертизы (на примере русско-казахской интерференции)

Аннотация. Основной задачей, решаемой в рамках судебной фоноскопической экспертизы, является идентификация диктора по голосу и звучащей речи. Зачастую для производства экспертизы предоставляется материал, содержащий русскую интерферированную речь. В статье рассматриваются возможности исследования речевого материала, содержащего признаки иноязычного акцента, на примере русско-казахской интерференции.

Ключевые слова: фоноскопическая экспертиза, идентификация по голосу и речи, межъязыковая интерференция, интерферированная речь, имитация акцента.

Русская интерферированная речь является особым объектом фоноскопической экспертизы (судебной экспертизы фонограмм (СЭФ)). Межъязыковая интерференция определяется как взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковых контактах, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного.

Интерференция проявляется в речи как иноязычный акцент человека, владеющего двумя языками, главная ее причина заключается в различиях систем взаимодействующих языков: различный фонемный состав, различные правила позиционной реализации фонем и/или их сочетаемости, различия в интонации, различный состав грамматических категорий и/или способы их выражения и т.п.

При исследовании интерферирующей речи в рамках фоноскопической экспертизы необходимо определить, какие из признаков, выявленных в речи диктора¹, являются проявлением акцента, а какие – индивидуальными особенностями его речи. Для этого целесообразно изучить систему доминирующего языка в сопоставлении с субдоминантным.

Рассмотрим проявление межъязыковой интерференции на примере русского и казахского языков. Эти языки имеют различный фонетический и лексико-грамматический облик. Для анализа возможной межъязыковой интерференции в части особенностей казахско-русского двуязычия использовался учебник «Казахский язык» (Рахимжанов К.Х., Акишева М.К.), а также пособия «Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия» (В.В. Иванов, В.А. Иванова, Н.Г. Михайловская и др.) и «Диалекты казахского языка» (Сарыбаев Ш.Ш.)

Казахский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков; по типу морфологической структуры является агглютинативным², для него характерно присоединение однозначных суффиксов или окончаний, несущих грамматическое значение, к неизменяемому корню или основе – носителям лексического значения.

Русский язык – флективный язык³, для него характерно слияние корня с многозначными окончаниями.

Указанные языки имеют ряд различий на всех уровнях языка (фонетическом, лексическом, грамматическом).

Ниже приводятся некоторые примеры из экспертной практики, иллюстрирующие проявления признаков акцента на сегментном и суперсегментном уровнях⁴.

1. Нарушения ритмической структуры слова

В русском языке гласные в слове (фонетическом слове) подвергаются количественной и качественной редукции¹ и произносятся в зависимости от их

¹ Примечание. «Наименование «диктор» закрепилось в практике экспериментально-фонетических исследований в особом значении — так обычно называют любого читающего речевой материал человека, независимо от того, является он профессиональным диктором или нет. Термин этот, безусловно, восходит к тому периоду, когда экспериментальный материал почти исключительно начитывался; он сохраняется и теперь, даже в тех случаях, когда речевой материал произносится спонтанно». [Светозарова: 72]. В практике производства фоноскопических экспертиз и исследований термин «диктор» закрепился именно как обозначение говорящего, чей голос и речь зафиксированы на фонограмме и анализируются экспертом. В этом значении он употребляется и в данной статье.

² Агглютинация – способ слово- и формообразования, при котором к основе или корню, в преобладающем количестве случаев сохраняющим стабильный звуковой состав, присоединяются однозначные стандартные аффиксы. См. [9: 17, 511].

³ Флективность – тенденция к словоизменительной аффиксации, свойственная многим синтетическим языкам и противопоставляемая агглютинации. [9: 511, 552].

⁴ Анализ речевого потока проводится с учетом его структуры: сегментные признаки (звук, слог, фонетическое слово, синтагма) и суперсегментные признаки (ударение, интонация) [8].

удаленности от ударного гласного и в зависимости от твердости/мягкости стоящего рядом согласного (аккомодация).

В казахском языке редукция гласных отсутствует (или выражена иначе, поскольку ударение не является основным средством образования фонетического слова). Слово (фонетическое слово) образуется за счёт типа гласных.

В русской интерферированной речи диктора это может проявляться в нарушении ритмической структуры слова в предударных и заударных слогах и отсутствии редукции: с[a]бирáюсь, п[a]чeмú, дéвушка[a], э́т[o].

В казахском языке ударение носит количественный характер, то есть ударный слог несколько длиннее, чем все остальные; в русском языке ударный слог выделяется с наибольшей силой и длительностью, чем все остальные.

В русской интерферированной речи диктора могут отмечаться случаи отсутствия редукции, то есть все слоги произносятся равномерно, например: «[jɑ ришáт' прабл'эмы нисаб'ирáјус']».

2. Фонетические различия

Фонетические системы казахского и русского языков имеют различия в фонемном составе. Так, в казахском языке есть специфические звуки, отсутствующие в русском языке, поэтому интерференция будет проявляться в реализациях фонетически близких звуков, либо на уровне смещения фонем.

2.1. В области вокализма:

В казахском языке 11 гласных фонем² а, ә, о, ө, ы, і, ұ, ү, е, и, у, в русском языке 6 гласных фонем³ а, о, е, ы, и, у.

В составе казахского слова могут быть гласные только одного ряда: или переднего, или заднего. Это проявление закона сингармонизма, или же гармонии гласных, то есть дистантной ассимиляции, при которой взаимодействующие звуки находятся на удалении друг от друга.

Категория твердости-мягкости в казахском языке является функциональным признаком гласных, а не согласных, как в русском языке. Причем употребление гласных в том или ином слове казахского языка обусловлено наличием закона слогового сингармонизма, то есть от того, какие гласные – твердые или мягкие – употреблены в корневой основе слова, будет зависеть, какие суффиксы и окончания будут прибавляться после корня.

Если основа оканчивается на согласный, то во избежание нарушения закона слогового сингармонизма используются протетические (вставочные) гласные.

В русской интерферированной речи диктора может отмечаться произнесение слов с гласной вставкой: «центр» - «центер».

¹ Редукция – изменение артикуляционных и акустических характеристик звука, вызванное сокращением его длительности или ослаблением напряженности. Количественная редукция – уменьшение длительности звука, вызванное его безударностью. Качественная редукция – изменение характера артикуляции вследствие сокращения длительности. [9:408].

² Здесь и далее для упрощения оформления используется орфографический вариант записи фонем и звуков речи.

³ В теории Ленинградской (Петербургской) фонологической школы (ЛФШ).

В системе вокализма казахского языка есть огубленные гласные фонемы *ө*, *ұ*, *ү*, которых нет в русском языке.

Гласный *ө* относится к гласным переднего ряда, верхне-среднего подъёма [12:187]. При его образовании активное участие принимают губы — они складываются в трубочку и выдвинуты вперед. Звук употребляется преимущественно в первом слоге.

Гласный *ү* краткий, является мягкой парой краткого твердого гласного *ұ*. При его артикуляции губы также несколько округляются и чуть вытянуты вперед. Произносится в первом и во втором слоге.

При произнесении краткого твердого гласного *ұ* губы сильно вытягиваются вперед, но не сжимаются. Язык несколько оттягивается назад, и при этом совершается довольно активный выдох. Этот звук произносится в первом и во втором слогах.

В русской интерферированной речи диктора может отмечаться произнесение огубленного гласного звука (краткого или полного), не характерного для русского языка в определенных позициях. Наличие данного звука может являться признаком межъязыковой интерференции и соответствовать одному из указанных звуков казахского языка (ср. «күрес» - борьба, «күрделі» - сложный [12: 177-204]).

2.2. В области консонантизма:

Как указано выше, в казахском языке нет деления согласных по признаку твердости/мягкости. Все согласные звуки в слове с мягкой основой должны произноситься мягко. Степень смягчения может быть разной - сильной (вibrant *р*, боковой *л*), средней (переднеязычные *с*, *т*, *н* и др.) или слабой (губные *б*, *п*, *м* и др.).

Артикуляционно это выражается в том, что при произношении этих согласных средняя часть спинки языка приподнимается, что придает им дополнительную мягкость при звучании.

В русской интерферированной речи диктора может отмечаться сильное смягчение звуков [р],[р'], близкое к [j].

В системе консонантизма казахского языка присутствует велярный (задненёбный) носовой звук *ң* (наряду с переднеязычным носовым *н*). При произношении звука *ң* задняя часть языка смыкается с задней частью мягкого нёба, кончик языка приподнят и отодвинут от передних зубов, язычок опускается вниз, образуя плотную преграду, из-за чего воздух, поступающий из легких, проходит через носовую полость. Звук образуется путем тесного смыкания языка с задней частью нёба и верхними зубами, при котором воздух также проходит через носовую полость. В казахском языке звук *ң* употребляется только в середине и конце слова, в начале слова он не встречается.

В русской интерферированной речи диктора может отмечаться произнесение задненёбного носового звука в середине и на конце слова (что может соответствовать казахскому звуку ң): «Ива[ŋ]»¹.

¹ В символах International Phonetic Alphabet, сокр. IPA.

В казахском языке согласный *қ* употребляется в словах с твёрдой основой. Он противопоставлен звуку *к*, который употребляется в словах с мягкой основой.

Согласный звук *қ* является заднеязычным; при произнесении *қ* происходит смыкание задней части языка с мягким нёбом, а затем резкое их размыкание при помощи взрыва.

В русской интерферированной речи диктора может отмечаться произнесение мягкого звука [к'] на месте твёрдого: «деву[шк']а».

В казахском языке согласный употребляется в словах с твёрдой основой. Он противопоставлен звуку *г*, который употребляется в словах с мягкой основой.

Согласный является заднеязычным; при образовании *ғ* происходит не смычка, а лишь плотное приближение задней части языка к мягкому нёбу. Между задней спинкой и мягким небом остается небольшой зазор (щель), в которую плавно выходит воздушная струя, поступающая из легких.

В русской интерферированной речи диктора может отмечаться произнесение щелевого согласного звука вместо взрывного, что не характерно для фонетики русского языка (и что может соответствовать казахскому ғ): «Кара[γ]¹анда».

3. Грамматические признаки интерференции

В интерферированной речи диктора может наблюдаться нарушение норм русского словообразования. Например, «*закласть бомбу*»² (вместо «*заложить бомбу*»). Правила употребления глаголов с корнями «-клад-» и «-лож-» в русском языке нетривиальны: при словообразовании слова с указанными корнями учитывается вид глагола, а также форма залога³, что может представлять трудности для людей, не владеющих в полной мере русским языком. Указанная грамматическая ошибка может быть, в том числе, признаком межъязыковой интерференции.

В казахском языке в сравнении с русским отсутствует категория рода, а также отличными от русского языка способами выражается значение предлогов и приставок.

В русской интерферированной речи диктора может отмечаться построение фразы без предлогов: «Центр есть города Караганда ЦУМ»⁴.

В казахском языке словосочетание оформляется отличным от русского языка образом. Имеющиеся в русском языке типы подчинительной связи (согласование, управление, примыкание) имеют грамматические соответствия в

¹ В символах International Phonetic Alphabet, сокр. IPA.

² Пример из экспертной практики.

³ Примечание. Залог - грамматическая категория глагола, выражающая субъектно-объектные отношения. Например, активный (действительный) залог показывает, что подлежащее обозначает предмет или лицо (группу лиц), которые производят действие, направленное на другой предмет или лицо. Пассивный (страдательный) залог показывает, что подлежащее обозначает предмет или лицо, подвергаемые действию со стороны другого лица или предмета.

⁴ Пример из экспертной практики.

казахском, но они реализуются иначе (например, изафетные конструкции [9:172], фиксированный порядок слов для определения и определяемого и др.).

В русской интерферированной речи диктора могут встречаться случаи неправильного с точки зрения современного русского языка употребления падежа: «...мне не надо группа...»¹.

В речи диктора могут быть выявлены и другие признаки, явно не относящиеся к признакам акцента, например:

- произношение одноударного звука [p]², отличное от русского нормативного;

- произношение смягченных шипящих вместо твердых: [ш] как [ш']³, [ж] как [ж'];

- использование специфической лексики;

- некоторые особенности речи диктора могут быть сосредоточены в области синтаксиса и интонационно-смыслового членения речи: не типичное для русского языка интонационное оформление речи, слишком разнообразный или, наоборот, однообразный набор используемых интонационных конструкций (ИК) [11], усиление словесного ударения в некоторых словах посредством ИК-2, использование ИК-3 (интонация незавершенности) в стандартном повествовательном предложении и др.

При проведении идентификационного исследования по материалам, имеющим признаки акцента, большую роль играет его сопоставимость с предоставленным образцом голоса и речи. Особые трудности возникают при оценке выявленного комплекса признаков в речи диктора при проведении лингвистического исследования в рамках идентификации. Так, совпадение признаков не всегда будет свидетельствовать об индивидуально-конкретном тождестве дикторов (по причине группового характера региональных признаков).

Если же выявленный комплекс признаков не обнаруживает совпадений с речевыми характеристиками лица, чьи голос и речь зафиксированы на образце, вывод о безусловной дифференциации дикторов также не всегда очевиден, поскольку в речи диктора-билингва акцентные явления могут характеризоваться неоднозначностью, иметь разную степень проявления и устойчивости и зависеть, в том числе, от экстралингвистических факторов.

В таких случаях целесообразно проведение дополнительного исследования, в том числе с привлечением специалистов-носителей языка, чтобы оценить произносительные навыки диктора и возможности их конкретного языкового оформления, то есть оценить способность диктора к воспроизведению характерных черт регионального варианта доминирующего языка. В связи с этим вопрос возможности имитации иноязычного акцента диктором-

¹ Пример из экспертной практики.

² Примечание. Следует отметить, что произнесение одноударного звука [p] вполне нормально для разговорной речи носителей русского языка, поэтому данный признак можно рассматривать только в совокупности с другими признаками в речи.

³ Примечание. Знак точки [·] сверху в транскрипции обозначает полутвердость указанного звука.

билингвом, в частности на материале небольшой длительности, остается открытым.

Таким образом, при исследовании русской интерферированной речи эксперт проводит лингвистический анализ и интерпретирует комплекс выявленных признаков, при этом для формирования категорического вывода большое значение имеют профессиональные навыки эксперта, в первую очередь тренированный фонетический слух, адаптированный к восприятию и анализу речи, содержащей признаки акцента.

Литература

1. Байрамова Ф.О. Концептуальные вопросы идентификации говорящего не на родном языке в российской экспертной практике. Русский язык: исторические судьбы и современность. VI международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2019.

2. Брызгунова Е.А. «Лингвистический анализ в криминалистической экспертизе звукозаписей» // Современные методы, технические и программные средства, используемые в криминалистической экспертизе звукозаписей. Методическое пособие для экспертов – М.: 2003.

3. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике - Вып.6. Языковые контакты, М., 1972, С.25-60.

4. Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия/ В.В. Иванов, В.А. Иванова, Н.Г. Михайловская и др. – М.: Наука, 1990.

5. Златоустова Л.В., Галяшина Е.И. Распознавание индивидуальных и групповых акустико-перцептивных характеристик говорящего по звучащей речи // Теория и практика речевых исследований: Материалы конференции. – М., 1999.

6. Интерференция звуковых систем / Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В. и др. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1987.

7. Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык: фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учебное пособие для ВУЗов М.: Академический проект; Гаудеамус, 2011.

8. Лингвистический энциклопедический словарь /Гл. ред. В.Н. Ярцева, М.: Сов. энциклопедия, 1990.

9. Рахимжанов К.Х., Аकोшева М.К. Казахский язык. Учебник. Министерство образования и науки Республики Казахстан. Павлодарский государственный университет им. С.Торайгырова. Павлодар: Кереку, 2011.

10. Русская грамматика: [В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. - М. : Наука, 1980.

11. Сарыбаев Ш.Ш. Диалекты казахского языка // Диалекты тюркских языков: очерки /Ин-т языкознания РАН. – М.: Вост. лит., 2010 – 533с. – (Основы тюркского языкознания: осн. В 2010г.). – С.177-204.

12. Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Изд. Ленинградского университета, Л.: 1982.

13. Цветкова Е.С. «Идентификация лиц по голосу и иноязычной звучащей речи: проблемы и перспективы» // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы. Сборник научных работ по итогам Международной научной конференции. Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, 2019.

Чеснокова Е.В.

Современное состояние и тенденции развития частной теории стандартизации в судебно-экспертной деятельности

Аннотация. В статье автор раскрывает развитие частной теории стандартизации в судебно-экспертной деятельности и ее современное состояние, предлагается ее структура, сформулировано понятие ее предмета.

Ключевые слова: частная теория стандартизации, основные термины ЧТС, судебно-экспертная деятельность.

Современные знания о стандартизации в судебно-экспертной деятельности (далее – СЭД) формировались в течение многих десятилетий, их уровень определяется научными достижениями ученых и практиков в области судебной экспертизы, менеджмента качества, метрологии, медицины, а также некоторых отраслей экономики¹. Стандартизация в СЭД – это системная деятельность, включающая функционирование совокупности таких инструментов как валидация или оценка пригодности экспертных методик, сертификация компетентности экспертов и методических материалов, менеджмент качества судебно-экспертных лабораторий²(СЭЛ), проведение работ по созданию стандартов в области судебной экспертизы, и осуществляемая в соответствии с законодательством о СЭД. В настоящее время знания о стандартизации в СЭД имеют системный вид, то есть уже обладают достаточно четкой структурой, в которой отражены происходящие процессы интеграции в СЭД современных знаний из перечисленных выше отраслей. При этом функционирование каждого из интеграционных процессов со временем создает новые взаимосвязи, тем самым пополняя объем знаний о стандартизации в СЭД. В разработанной нами частной теории стандартизации в СЭД (далее – ЧТС СЭД) информационной основой является сумма научных трудов (по теории судебной экспертизы, метрологии, менеджменту качества), законодательство, регулирующее СЭД, нормативно-техническая документация, а также эмпирическая база результатов деятельности аккредитованных судебно-

¹ Чеснокова Е.В. Формирование знаний о стандартизации в области судебно-экспертной деятельности в России / Е.В. Чеснокова // Теория и практика судебной экспертизы. – 2021. – Т. 16. – № 1. – С. 141-151.

² Термин «судебно-экспертная лаборатория» (СЭЛ) здесь используется как синоним «судебно-экспертной организации», которая объединяет государственные СЭУ, в том числе экспертно-криминалистические подразделения.

экспертных организаций (СЭО), внедривших инновационные механизмы обеспечения качества в СЭД.

Концептуально ЧТС СЭД выстроена с учетом законов научного моделирования и базируется на двух ключевых понятиях: «судебно-экспертная деятельность» и «стандартизация». Ее структура включает следующие разделы: общие положения; формирование знаний о ЧТС СЭД; типовая инфраструктура СЭД; применяемые методы и экспертные методики как основа обеспечения качества экспертного исследования; подготовка экспертов в аспекте повышения качества производства экспертиз; аккредитация СЭЛ на соответствие требованиям международным стандартам в области судебной экспертизы; совершенствование международного сотрудничества в сфере повышения качества СЭД.

При построении достоверной научной теории, по словам профессора Г.И.Рузавина, основной целью является «создание единой концептуальной системы понятий, утверждений, гипотез и законов, с помощью которых определяемые фрагменты реального мира отображаются как нечто целое»¹. Предварительным условием построения теории, – продолжает автор, – является схематизация и идеализация изучаемой области явлений. «Теория ... представляет собой некоторую концептуальную модель, с помощью которой описываются наиболее существенные и общие черты поведения реальной системы. Чтобы выделить эти общие и существенные свойства, необходимо, во-первых, значительно упростить изучаемое явление. В этих целях из множества различных свойств, характеристик и отношений выбираются те немногие параметры, которые играют определяющую роль в данном процессе»².

Проанализировав цитату признанного ученого-философа, можно утверждать, что ее содержание согласуется с теорией моделирования. Так, в модель частной теории должны быть включены наиболее существенные свойства и отношения изучаемой действительности, определение и отбор которых является творческой задачей, не допускающей при этом поверхностного или легковесного решения. Безусловно, это учитывалось при создании ЧТС СЭД.

В отношении формирования частных теорий судебная экспертология проявляет свое значение следующим образом: она включает положения «...отражающие отдельные элементы предмета судебной экспертологии как науки, неразрывно связанные между собой»³. В то же время в основе соотношения ее общей и частных теорий лежит диалектическое соотношение целого и части. При этом содержание каждой частной теории в плане отражения конкретного элемента предмета науки богаче содержания ее общей теории.

¹ Рузавин, Г.И. Научная теория: логико-методологический анализ. М.: Мысль, 1978. – 244 с. С. 8.

² Там же. С. 151.

³ Россинская, Е.Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин ; под ред. Е.Р. Россинской. – 2-е изд., переаб. И доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 368 с. С.63.

Следовательно, при создании ЧТС СЭД, целесообразно принять два постулата научной теории: создание частной теории по законам моделирования и ее интеграция в общую теорию судебной экспертологии как основополагающую теорию в области судебной экспертизы.

Представим внутреннюю структуру ЧТС СЭД более подробно.

Данная структура реализует переход от абстрактного к конкретному. Абстрактное знание признается неполным, односторонним, не способным раскрыть все связи, стороны и отношения предмета познания. При восхождении абстрактного к конкретному на основе четкого представления о конкретных составляющих теории формируются ее тематические разделы и подразделы.

1. Раздел «Общие положения ЧТС СЭД» включает цель, предмет, объекты, задачи, функции, принципы, язык теории.

С одной стороны, цель теории представляется интегративной, включающей и цель, формулируемую в международном стандарте ГОСТ ISO/IEC 17025-2019 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий» как укрепление доверия к деятельности лабораторий, и цель судебной экспертологии как повышение качества экспертного производства и сокращение сроков производства судебных экспертиз. С другой, область применения ГОСТ ISO/IEC 17025-2019 (установление общих требований к компетентности, беспристрастности и непрерывности деятельности лабораторий) составляет часть СЭД, как отношения части и целого.

Основываясь на формулировке предмета частной теории авторами современной судебной экспертологии: «Поскольку частная теория является подсистемой общей, ее предметом выступает какой-то элемент, сторона предмета общей теории, т.е. определенные закономерности из числа тех, которые изучает общая теория судебной экспертологии.»¹, определим круг закономерностей, специфичных для ЧТС СЭД:

1) закономерности объективизации и повышения доказательственного значения заключения эксперта путем интеграции с механизмами стандартизации: оценки пригодности экспертных методик, сертификации компетентности² и используемых технических средств, разработки и использования в деятельности СЭО банка нормативно-технических документов, определяющих политику и процедуры стандартизации;

2) закономерности организационного обеспечения СЭД государственных и негосударственных СЭО посредством внедрения системы менеджмента качества;

3) закономерности обеспечения профессиональной деятельности и подготовки судебных экспертов, единых требований к компетенции государственных и негосударственных судебных экспертов посредством

¹ Там же.

² Чеснокова Е.В. Совершенствование работы с персоналом в судебно-экспертных организациях в соответствии с требованиями международного стандарта ISO/IEC 17025:2017 / Е.В. Чеснокова // Теория и практика судебной экспертизы. –2020. –Т. 15. – № 1. – С. 75–83. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-75-83>.

разработки и включения программ по стандартизации в СЭД в систему дополнительного профессионального образования, а также в программу университетской подготовки;

4) закономерности функционирования различных родов/видов экспертиз на единой методологической основе: применение методов, механизмов и инструментов, обеспечивающих достоверность заключения эксперта;

5) закономерности разработки и использования судебно-экспертных методик, их валидации, разработки и внедрения стандартов методик, создание регистрационных паспортов судебно-экспертных методик, и на этой основе обеспечения унификации и формализации заключений эксперта;

6) закономерности, обеспечивающие профилактическую функцию судебной экспертизы, выявления при производстве судебных экспертиз и по результатам обобщения экспертной практики обстоятельств, способствовавших или могущих способствовать совершению преступлений, а также разработки на этой основе рекомендаций по устранению данных обстоятельств; механизмом экспертной профилактики, привносимым стандартизацией, можно назвать следующую систему: идентификация рисков, оценка рисков, трактовка/обработка рисков и осуществление дальнейшего мониторинга/контроля за рисками на основе подготовленного обзора/рецензии¹.

Спецификой задач ЧТС СЭД является объединенная совокупность разного рода направлений исследований, созданная посредством интеграции знаний из области стандартизации, аккредитации, статистики, метрологии в СЭД и общую теорию судебной экспертологии.

Объекты ЧТС СЭД: термины и определения, интегрированные из области менеджмента качества и международной стандартизации в судебную экспертологию; структура и ресурсы СЭЛ, ее персонал и средства испытаний; прослеживаемость результатов деятельности; процессы, осуществляемые в деятельности СЭЛ, и ее система менеджмента качества; нормативно-технические документы, регулирующие деятельность СЭЛ.

2. Раздел «Формирование знаний о ЧТС СЭД» включает обобщение эмпирических данных о СЭД, систематизацию полученных знаний об отчетности и логико-гносеологический анализ результатов, а также выводы и предложения.

3. Раздел «Типовая инфраструктура СЭД» включает в себя: введение; требования к структуре СЭЛ, требования к ресурсам лаборатории необходимым для деятельности; оборудование; управление качеством производимых работ; применяемые методы и экспертные методики как основу обеспечения качества экспертного исследования; подготовку экспертов в аспекте повышения качества производства экспертиз; аккредитацию СЭЛ на соответствие требованиям международным стандартам в области судебной

¹ Чеснокова, Е.В. Риск-менеджмент в деятельности судебно-экспертной лаборатории / Е.В. Чеснокова // Эксперт-криминалист. – 2021. – №2. – С. 28-31.

экспертизы; совершенствование международного сотрудничества в сфере повышения качества СЭД.

ЧТС СЭД проходит сквозь ткань всех частных теорий судебной экспертологии, например, частной теории экспертного прогнозирования. Взаимосвязь такого рода базируется на основных положениях теории экспертного прогнозирования, в том числе, на зависимости инициирующих событий «от соотношения случайности и предсказуемости опасных явлений, что обусловлено неполнотой...знаний о закономерностях формирования в условиях определенной пространственно-временной характеристики возникновения опасного явления»¹ и оценки неопределенности измерений как составляющей достоверности результата судебной экспертизы или экспертного исследования, занимающей ключевое место в ЧТС СЭД. Так, оценка неопределенности определения качественных свойств объектов экспертного исследования производится через Байесовское отношение правдоподобия².

Одной из основных тенденций развития ЧТС СЭД, рассматриваемой в виде модели, в которой объединены научные положения судебной экспертологии и специфика стандартизации в СЭД, представляется интеграция в судебную экспертологию и обретение самостоятельного положения в модели ее общей структуры наряду с другими частными теориями.

Вместе с тем, на развитие ЧТС СЭД будут влиять процессы дальнейшей разработки количественных критериев относительно интерпретации результатов применения качественных методов экспертного исследования, информационных технологий в части цифровизации деятельности СЭО, интеграции с программно-аппаратными комплексами следственных и судебных органов для решения совместных задач.

Литература

1. Чеснокова Е.В. Формирование знаний о стандартизации в области судебно-экспертной деятельности в России / Е.В. Чеснокова // Теория и практика судебной экспертизы. – 2021. – Т. 16. – № 1.

2. Рузавин, Г.И. Научная теория: логико-методологический анализ. М.: Мысль, 1978.

3. Россинская, Е.Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин ; под ред. Е.Р. Россинской. – 2-е изд., переаб. И доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 368 с.

4. Чеснокова Е.В. Совершенствование работы с персоналом в судебно-экспертных организациях в соответствии с требованиями международного

¹ Устинова, И.В. Значение пространственно-временных связей и отношений для формирования частной научной теории судебно-экспертного прогнозирования // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т.16. №1. С. 54-58.

² Бебешко Г.И., Войтов С.А., Омелянюк Г.Г., Усов А.И. К вопросу об использовании байесовских методов для метрологической оценки и интерпретации результатов судебно-экспертного исследования / Теория и практика судебной экспертизы. – 2014. - №1(33). – С. 148-158.

стандарта ISO/IEC 17025:2017 / Е.В. Чеснокова // Теория и практика судебной экспертизы. –2020. –Т. 15. – № 1.

5. Чеснокова, Е.В. Риск-менеджмент в деятельности судебно-экспертной лаборатории / Е.В. Чеснокова // Эксперт-криминалист. – 2021. – №2.

Шаина А.А., Суровенко И.А.

Особенности применения современных технологий для установления следовой картины на месте дорожно-транспортного происшествия

Аннотация. Для того чтобы успешно использовать возможности трасологических исследований, необходимо обращать внимание на самые различные следы, возникающие в результате дорожно-транспортного происшествия, осматривать и изучать их на месте, уметь фиксировать надлежащим образом, изымать, грамотно ставить вопросы перед экспертами при назначении экспертиз, оценивать в последующем заключение эксперта.

При дорожно-транспортном происшествии, чаще всего возникают вопросы: «Какое место является местом столкновения транспортных средств», «Как располагались транспортные средства перед столкновением», «Соответствуют ли исследуемые повреждения транспортного средства обстоятельствам ДТП» и другие. Ответы на эти и другие вопросы возможно получить если правильно осмотреть, зафиксировать и изъять следы, своевременно назначить трасологическую экспертизу, используя при этом различные современные технологии.

Цель данного исследования – проанализировать особенности применения современных технологий для установления следовой картины на месте дорожно-транспортного происшествия.

Ключевые слова: трасология, эксперт, дорожно-транспортное происшествие, следы, следовая картина, фиксация, методы.

«Для установления причины и времени возникновения неисправности транспортного средства поврежденные детали подвергаются трасологическим, химическим и металлографическим исследованиям. Предварительно эксперт изучает материалы дела, в которых нашли отражение данные об этих неисправностях»¹.

Изучение документов начинается с протоколов дорожно-транспортного происшествия, осмотра места происшествия и схем к ним. При этом особое внимание необходимо обращать на зафиксированные в них следы движения транспортного средства до происшествия (если они отобразились), в процессе происшествия и после него. По следам движения (следам колес, торможения, бокового скольжения-заноса, опрокидывания и др.) в некоторых случаях можно сделать выводы о причинах и последовательности образования повреждений на транспортных средствах.

¹ Беляев М. В., Четвергов М. А. К вопросу о современных способах моделирования дорожно-транспортных происшествий // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 11.

Анализ следов, возникающих при дорожно-транспортном происшествии, делает возможным установление¹:

- места столкновения транспортных средств, наезда на пешеходов или преграды;
- положения указанных мест столкновений или наездов относительно осевой линии дороги;
- углов, под которыми произошли столкновения или наезды;
- углов, под которыми двигались перед столкновением или наездом транспортные средства, по отношению к осевой линии дороги;
- механизма столкновения или наезда;
- последовательности возникновения следов и повреждений на транспортных средствах, предметах дорожной обстановки и на потерпевших;
- целого по частям;
- слеодообразующих объектов и причин возникновения повреждений;
- воспроизведение происшедшего события, механизма действия и взаимодействия транспортных средств по отношению друг к другу и к потерпевшим, их расположения на проезжей части или обочинах дороги в определенной мере позволяет судить об условиях дорожно-транспортного происшествия в целом или отдельных его этапов.

Новые способы и средства совершения преступлений подразумевают образование новых механизмов их раскрытия, что не может не затрагивать такую ведущую отрасль криминалистической техники как трасология.

«Трасология как отрасль криминалистической техники (криминалистическое следствие) изучает закономерности возникновения и механизм образования материальных следов преступления и преступника, разрабатывая средства, приемы и методы их обнаружения, фиксации и изъятия и исследования»².

«Внедрение в экспертную практику новых методов исследования, разработанных на базе научно-технического прогресса, расширяет возможности экспертизы, позволяет решать экспертные задачи на более высоком уровне, совершенствовать теоретические и методические подходы к решению поставленных задач»³.

В последние годы появились разработки по отдельным объектам, например, по следам протектора. К ним могут быть применены современные методы с

¹ Тугушева, Н. Р. Возможности трасологической экспертизы при расследовании дорожно-транспортных преступлений / Н. Р. Тугушева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 47 (337). — С. 407- 409.

² Рязанова Н.В Транспортная трасология и ее значение для раскрытия и расследования преступлений. — 2018. - [Электронный ресурс], URL: <https://cyberleninka.ru/article/N/trasologiya-i-ee-znachenie-dlyaraskrytiya-i-rassledovaniya-prestupleniy> (Дата обращения: 19.09.2022).

³ Несмиянова И.О. Возможности современных технологий при исследовании трасологических объектов в условиях цифровизации / Цифровой след как объект судебной экспертизы: материалы международной научно-практической конференции (Москва 17 января 2020 г.). Москва: РГ–Пресс, 2021. С. 150–153.

использованием компьютерных технологий: 3D-сканирования, 3D-печати, 3D-оборудования, 3D-признака.

Разработаны методические рекомендации по исследованию следов инновационных производственно-технологических механизмов, компьютерные 3D-модели, с которых изготавливаются изделия и другие объекты, являющиеся вещественными доказательствами. При этом использование 3D-сканера может существенно повысить качество и увеличить объем получаемой доказательственной информации¹.

Пока такие подходы не внедрены в полной мере в экспертную практику, а используются только в дидактическом процессе. Необходимо продолжать изучение возможностей применения ИТ и по другим многочисленным трасологическим объектам.

В этой связи в рамках цифровой трасологии, по-видимому, следует разрабатывать методы на уровне компьютерного моделирования. Это позволит более эффективно выявлять и устанавливать механизм следообразования, определять действия и их последствия в результате совершенного деяния, что будет способствовать установлению механизма совершенного преступления в целом².

«Также в последнее время в практику расследования обстоятельств дорожно-транспортных происшествий стали все активнее внедряться различные мультимедийные программы, которые используются для моделирования и реконструкции места ДТП. Среди них наиболее известными в мире являются CARAT, PC-CRASH и др. Применение подобных программ при производстве автотехнических и транспортно-трасологических экспертиз растет, так как эти приложения имеют целый ряд преимуществ»³.

Говоря о программах, моделирующих и воссоздающих различные ДТП, необходимо обратить внимание на самые известные в этой сфере продукты.

«Программа CARAT дает возможность реконструировать как отдельные элементы, объекты и эпизоды ДТП, так и все событие целиком.

Графический редактор CRASH (Австрия) — это современная лицензированная программа, предназначенная для комплексного исследования ДТП, моделирования различных повреждений и деформаций транспортных средств, реконструировании различных тяжелых дорожных ситуаций.

Используя функционал программы CorelDRAW, можно довольно точно определять передние свесы транспортного средства, перед этим задав необходимый масштаб для чертежа транспортного средства. Эти чертежи можно отсканировать, используя самые разные бумажные материалы и справочники»⁴.

¹ Рязанова Н.В Транспортная трасология и ее значение для раскрытия и расследования преступлений...

² Несмиянова И.О. Возможности современных технологий при исследовании трасологических объектов в условиях цифровизации ...

³ Рязанова Н.В Транспортная трасология и ее значение для раскрытия и расследования преступлений...

⁴ Там же

Итак, все вышеизложенное подтверждает актуальность проблем применения современных технологий для установления следовой картины на месте дорожно-транспортного происшествия, и свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения и внедрения инновационных технологий в практику трасологических экспертиз.

Литература

1. Беляев М. В., Четвергов М. А. К вопросу о современных способах моделирования дорожно-транспортных происшествий // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4.

2. Несмиянова И.О. Возможности современных технологий при исследовании трасологических объектов в условиях цифровизации / Цифровой след как объект судебной экспертизы: материалы международной научно-практической конференции (Москва 17 января 2020 г.). Москва: РГ–Пресс, 2021.

3. Рязанова Н.В. Транспортная трасология и ее значение для раскрытия и расследования преступлений. – 2018. - [Электронный ресурс], URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transportnaya-trasologiya-i-ee-znachenie-dlyaraskrytiya-i-rassledovaniya-prestupleniy> (Дата обращения: 19.09.2022).

4. Тугушева, Н. Р. Возможности трасологической экспертизы при расследовании дорожно-транспортных преступлений / Н. Р. Тугушева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020.

Шейко М.М.

Потенциал биотехнологий в судебно-экспертной деятельности

Аннотация. В статье автором предпринята попытка проанализировать современные возможности биотехнологий в аспекте следственно-судебной и экспертной практики. Отмечено, что биотехнология имеет скрытый потенциал, который необходимо поставить на вооружение правоохранительным органам в борьбе с преступностью. Вместе с тем, биотехнологии как комплекс достижений различных отраслей науки: генетика, микробиология, биохимия, электроника, научные основы получения пищевых продуктов и пищевые технологии, химическая, биохимическая и механическая технологии находится на стадии своего становления и потенциал которых только наращивается.

Ключевые слова: биотехнология, методы, экспертиза.

Задачи, прославленные государством перед российскими учеными, требуют расширения и углубления фундаментальных и прикладных исследований, сближения общественных, естественных и технических наук, тесного взаимодействия представителей различных научных школ и направлений. При таком комплексном подходе к научному творчеству в процессе решения поставленной задачи особенно важен правильный методологический подход с целью удовлетворения нужд общества представляется возможным

координировать усилия ученых, использующих неодинаковые средства познания действительности, по разному применяющих общенаучные методы, оперирующих свойственными лишь одной науке абстракциями, с конкретных позиций трактующих результаты своих исследований. Очевидно, применение инструментария различных наук для анализа объектов играет важную роль в экспертной практике, особенно при разработке новых методов, методик, что особенно важно при проведении предварительных исследований в судопроизводстве.

Человек использовал биотехнологию многие тысячи лет: люди занимались пивоварением, пекли хлеб, получали кисломолочные продукты, применяли ферментации для получения лекарственных веществ и переработки отходов. Биологические технологии (биотехнологии) обеспечивают управляемое получение полезных продуктов для различных сфер человеческой деятельности. Становление научного знания и развитие биотехнологии как науки являются предметом изучения различных ученых¹. Вместе с тем, следует отметить о сферах общественной жизни, где могут пригодиться ее возможности.

Развитие химии привело к тому, что без искусственно созданных материалов мы уже не представляем свой жизни. Разработка методов генной инженерии на основе рекомбинантных ДНК привела к тому «биотехнологическому буму»², свидетелями которого мы являемся. Однако, большинство ученых отмечают, что современное состояние биотехнологии это лишь росточки дерева, созревание которого только ожидается, поскольку биотехнология многоаспектна. Это связано с тем, что она использует достижения различных отраслей науки: генетика, микробиология, биохимия, электроника, научные основы получения пищевых продуктов и пищевые технологии, химическая, биохимическая и механическая технологии.

Еще 1999 г. Т.Г. Воловой на монографическом уровне предпринята попытка отразить современный уровень знаний по различным направлениям биотехнологии³. Автор предпринял попытку изложить общие вопросы научных основ биотехнологии как науки и промышленной отрасли, включая историю возникновения и развития, специфика и возможности различных биотехнологических процессов; охарактеризовать объекты - биологические агенты, субстраты, аппаратура и получаемые целевые продукты. Именно в работе получили отражения процессы получения белка одноклеточных,

¹ См.: подробнее: История биологии с древнейших времен до начала XX века / под ред. С. Р. Микулинского. – М., 1972 ; История биологии с начала XX в. до наших дней / под ред. Л. Я. Бляхера. – М., 1975; Попова Т. Е. Развитие биотехнологии в СССР. – М., 1988; Иванов, А. Д. Роль биотехнологий в экономике государств мира / А. Д. Иванов // Роль цифровых технологий и биотехнологий в развитии экономики и социальных наук XXI века : Сборник научных статей по итогам работы круглого стола с международным участием, Москва, 15–16 марта 2020 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "КОНВЕРТ", 2020. – С. 161-162.

² Шлейкин А.Г., Жилинская Н.Т. Введение в биотехнологию: Учеб. пособие. – СПб.: НИУ ИТМО; ИХиБТ, 2013. С. 3

³ Биотехнология / Т. Г. Волова. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской Академии наук, 1999. – 252 с.

аминокислот, антибиотиков, органических кислот, биополимеров. Проанализированы новейшие методы биотехнологии по состоянию к началу нового века, к числу которых названы инженерная энзимология, клеточная и генетическая инженерия. Описаны экологически чистые способы получения и применения биопрепаратов для сельского хозяйства; вклад биотехнологии в восполнение энергетических и минеральных ресурсов; приведены примеры биологических способов переработки и утилизации отходов.

Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 г. разработана в соответствии с решением Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 1 апреля 2011 г., основными задачи которой являются:

- создание инфраструктуры развития биотехнологии в России;
- формирование и реализация приоритетных инновационных и инвестиционных проектов в биотехнологии;
- широкомасштабное развертывание биоиндустрии в регионах России по всем секторам биотехнологии;
- поддержка развития науки о жизни и физико-химической биологии;
- создание современных образовательных программ и системы подготовки кадров в области биотехнологии;
- сохранение и развитие биоресурсного потенциала Российской Федерации как основы биоиндустрии;
- решение актуальных социально-экономических, энергетических;
- интеграция отечественной биотехнологии в мировую биоэкономику;
- совершенствование правовой, экономической, информационной и организационной базы для развития биотехнологии.

Таким образом, биотехнологии вошли в нашу жизнь, а методы этого комплекса наук скрывают новый потенциал развития знаний и достижений. На вооружение экспертной практики постоянно поступают новые методы и технические средства, от научной обоснованности которых зависят результативность и законность действий правоохранительных органов, прокуратуры, суда.

Расширение круга экспертных методов под влиянием процессов интеграции научного знания в сфере биотехнологий, а также взаимопроникновения наук и их методов позволят обогатить методические аспекты производства судебной экспертизы. Другим, не менее важным аспектом развития, является и усложнение экспертных методов на базе усложнения технических средств исследования, повышением разрешающей способности техники, появлением принципиально новых аппаратуры и материалов.

Ведущим и видным ученым в области судебной экспертологии Е.Р. Россинской рассмотрена концепция неразрушающих методов экспертного исследования. Вместе с тем, автор называет критерии применения методов различных наук, предлагает градацию методов в зависимости от степени сохранности объекта: методы, никак не влияющие на объект и не требующие для реализации пробоподготовки; методы, не разрушающие объект, но изменяющие его состав, структуру или отдельные свойства; методы, не

разрушающие образец, но требующие для его изготовления разрушения и видоизменения объекта; методы, полностью или частично разрушающие образец или объект исследования.

В фундаменте новых методов и технических средств, которые воплощают в себе выводы комплексных исследований, проводимых представителями различных наук, в способах и методиках их реализации должна быть заложена правильная методология познания. Актуальной проблемой может быть и создание автоматизированного рабочего места эксперта, включающего автоматизацию процессов сбора и обработки экспериментальных данных.

Правильность и достоверность выводов при использовании различных подходов и методов биотехнологии в судопроизводстве должны определяться ступенчатостью познания сущностей исследуемого объекта. Становится очевидным, что наиболее приоритетным должно быть развитие неразрушающих методов, а также экспресс-методов.

Не менее важной становится проблема использования имеющихся баз данных в биотехнологических отраслях для целей судебной экспертизы путем создания автоматизированных систем поддержки судебной экспертизы.

Резюмируя вышесказанное, можно говорить биотехнология имеет скрытый потенциал, который необходимо поставить на вооружение правоохранительным органам в борьбе с преступностью. Вместе с тем, биотехнологии как комплекс достижений различных отраслей науки: генетика, микробиология, биохимия, электроника, научные основы получения пищевых продуктов и пищевые технологии, химическая, биохимическая и механическая технологии находится на стадии своего становления и потенциал которых только наращивается.

Литература

1. Россинская Е.Р. Избранное / Е.Р. Россинская. – М. : Норма, 2019.
2. Шлейкин А.Г., Жилинская Н.Т. Введение в биотехнологию: Учеб. пособие. – СПб.: НИУ ИТМО; ИХиБТ, 2013.
3. Лонингер А.К. Междисциплинарные, международно-правовые и европейско-правовые основы геномных и биотехнологий // Охрана окружающей среды и качество жизни: правовые аспекты. 2011. №2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/view/mezhdistsiplinarijnoyevmezhduarodnoopravovye-i-evropeysko-pravovye-osnovy-genoyhi-biotehnologii> (дата обращения: 11.10.2022).
4. Биотехнология / Т. Г. Волова. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской Академии наук, 1999.
5. История биологии с древнейших времен до начала XX века /под ред. С. Р. Микулинского. – М.,1972
6. История биологии с начала XX в. до наших дней /под ред. Л. Я. Бляхера. – М., 1975.
7. Попова Т. Е. Развитие биотехнологии в СССР. – М., 1988.

8. Иванов, А. Д. Роль биотехнологий в экономике государств мира / А. Д. Иванов // Роль цифровых технологий и биотехнологий в развитии экономики и социальных наук XXI века : Сборник научных статей по итогам работы круглого стола с международным участием, Москва, 15–16 марта 2020 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «КОНВЕРТ», 2020.

Шурухнов В.А., Милованова М.М.

Современные проблемы судебно-экспертной деятельности

Аннотация. В статье показывается, что сегодня, в период серьезных экономических и политических потрясений, существенно изменился процесс наполнения судебно-экспертных подразделений, современными средствами и технологиями, что порой не позволяет вообще проводить необходимые виды экспертиз. Существенным фактором, ослабляющим возможности проведения судебно-экспертных исследований, является отсутствие единой, унифицированной системы научного знания. Значительный разрыв между наукой и практической деятельностью способствует созданию условий, в которых практическим работникам приходится искать пути и средства выхода из создавшегося положения дефицита научного продукта, наличие которого является необходимым условием создания эффективной системы функционирования экспертной деятельности в стране.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, компьютерно-техническая экспертиза, обучение и подготовка кадров.

Сегодня сложно представить себе расследование преступлений без современных возможностей применения и использования специальных знаний. Ключевую роль в этом процессе играют судебные экспертизы. Масштаб и уровень применения и использования специальных знаний можно представить, определив количественные показатели производства судебных экспертиз при расследовании преступлений.

Так, например, «в 2020 году в судебно-экспертных учреждениях Минюста России было выполнено 98 332 экспертизы, из них 75 329 – для решения вопросов уголовного судопроизводства (76,6 %) (в том числе 32 077 – при рассмотрении сообщений о преступлениях). 15 251 экспертиза была направлена на удовлетворение потребностей гражданского, 2 535 – арбитражного и 5 217 – административного судопроизводства. «Наиболее востребованными видами судебных экспертиз в 2020 году являлись автотехническая, товароведческая, почерковедческая, строительно-техническая, КЭМВИ, ТЭД, лингвистическая и криминалистическая экспертиза видео- и звукозаписей» (85,9 %). На разрешение экспертов в 2020 году было поставлено 2 731 688 вопросов, из них разрешено – 2 650 858, в том числе 2 635 198 – в категорической форме. Причинами отсутствия ответов на 80 830 вопросов являлись: недостаточный объем представленных материалов – 50 180; отсутствие соответствующих методик производства экспертиз – 3 730; иные обстоятельства – 26 916. Возвращено без производства экспертиз 4 164 материала. В срок до 30 календарных дней выполнено 58,1 % экспертиз, от 31 до 60 дней – 18,0 %,»

свыше 61 дня – 23,9 %. Причинами несвоевременности производства экспертиз (в срок свыше 30 календарных дней), в том числе, являлись загруженность экспертов (13 707 экспертиз), сложность и многообъектность исследований (1796)»¹.

По данным Следственного комитета Российской Федерации, в 2021 году, криминалистическими подразделениями ведомства выполнено 13 895 различных видов (родов) экспертиз. Наиболее часто – 4 090 раз, проводились биологические экспертизы, 4 970 раз проводились судебно-экономические экспертизы (бухгалтерские – 3 010 раз, налоговые – 994 раза, оценочные (стоимостные) – 888 раз), 1 802 раза проводились компьютерно-технические экспертизы, 785 раз проводились фоноскопические и 424 раза лингвистические экспертизы, кроме этого, было проведено 473 строительно-технических экспертиз, 313 судебно-медицинских экспертиз и других.

Представленные данные лишь частично отражают целостную картину применения и использования специальных знаний в процессе раскрытия и расследования преступлений. Безусловно, большое количество экспертиз проводится в экспертных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации, а также частными экспертами.

Однако, уже этого достаточно, чтобы сделать вывод, о значении экспертных исследований при расследовании преступлений. Вместе с тем, сегодня данная сфера деятельности быстро и активно развивается. Обусловлено это активным вовлечением криминальными элементами в преступную деятельность все новых и современных достижений научно-технического прогресса. Особые надежды сегодня возлагаются на возможности компьютерно-технических экспертиз, так как значительное число преступлений сегодня совершается в киберпространстве, или путем использования и применения компьютерно-технических средств и технологий.

Надо признать, что в рассматриваемой сфере у правоохранительных органов имеется некоторое отставание от криминальных структур, которые достаточно быстро адаптируют свою деятельность под появление новых технологий. Это только одна из проблем², которая лежит на поверхности эффективного и качественного использования системы специальных знаний в процессе раскрытия и расследования преступлений.

¹ Шурухнов, Н.Г. Об экспертной деятельности, и не только о ней / Н.Г. Шурухнов // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2021. – Т. 2. – № 1(3). – С. 271-283.

² Попов, А.М. К вопросу о назначении стационарной судебно-психиатрической экспертизы по уголовным делам / А.М. Попов // Актуальные вопросы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства. – М.: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2021. – С. 321-324. Попов, А. М. Теоретические и практические аспекты назначения и производства стационарной судебно-психиатрической экспертизы по уголовным делам / А. М. Попов // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Москва, 29 октября 2020 года. – М.: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2020. – С. 134-136.

На высоком государственном уровне обозначена озабоченность решением проблем, связанных с использованием возможностей назначения и производства судебных экспертиз практически во всех сферах жизни общества.

В частности, в федеральной целевой программе отмечается: «В настоящее время существует ряд проблем, связанных с качеством правосудия, сроками судопроизводства, недостаточной информированностью граждан о деятельности судебной системы, неудовлетворительной работой судов, неэффективным исполнением судебных актов, отсутствием необходимых условий для осуществления правосудия и др. В этой связи требуется скорейшее внедрение в судебную систему, систему принудительного исполнения судебных актов и судебно-экспертную деятельность современных информационно-коммуникационных технологий, позволяющих сформировать инновационный подход к их развитию, а также улучшить качество и сроки осуществления правосудия, качество и оперативность проводимых судебно-экспертными учреждениями экспертиз и обеспечить эффективное исполнение судебных решений»¹.

Такая позиция государства безусловно свидетельствует о желании скорейшего решения проблем в рассматриваемой сфере.

Однако, анализ судебно-следственной практики, научной и специальной литературы позволяет констатировать, что сегодня одной из самых существенных проблем в рассматриваемой сфере являются значительные сроки производства судебных экспертиз.

Как отмечается в программе: «Вместе с тем одной из нерешенных остается проблема необоснованно длительных сроков судопроизводства. Ее решение напрямую связано с минимизацией сроков производства судебных экспертиз, результаты которых активно используются в целях установления обстоятельств по делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции и арбитражными судами»².

На сроки производства судебных экспертиз оказывает влияние большое количество факторов. При этом, надо отметить, что даже в такой ситуации эксперты выполняют свою работу качественно и по возможности в разумный срок.

Одним из основных факторов увеличения сроков производства экспертиз является большое их количество при отсутствии надлежащего состава комплектования судебно-экспертных подразделений и их высокий уровень текучести. Специальные учебные подразделения не в состоянии готовить квалифицированные кадры в установленные сроки.

Высокий процент оттока уже имеющихся кадров связан с желанием и, как следствие, возможностью, получения высоких доходов, при реализации

¹ Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 23.12.2021) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 – 2024 годы» // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2013, № 1, ст. 13.

² Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 23.12.2021) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 - 2024 годы». «Собрание законодательства РФ», 07.01.2013, № 1, ст. 13.

имеющихся компетенций и навыков в иных структурах (как правило, коммерческих). Наиболее сложная ситуация складывается в области производства исследования специалистами, в сфере компьютерно-технических средств и технологий.

Следует признать, что сегодня, в период серьезных экономических и политических потрясений, существенно изменился процесс наполнения судебно-экспертных подразделений, современными средствами и технологиями, что порой не позволяет вообще проводить необходимые виды экспертиз.

Существенным фактором, ослабляющим возможности проведения судебно-экспертных исследований, является отсутствие единой, унифицированной системы научного знания. Значительный разрыв между наукой и практической деятельностью способствует созданию условий, в которых практическим работникам приходится искать пути и средства выхода из создавшегося положения дефицита научного продукта, наличие которого является необходимым условием создания эффективной системы функционирования экспертной деятельности в стране.

Все это требует принятия незамедлительных, качественных мер, направленных на решение обозначенных проблем, которые должны вывести государственную экспертную систему в условиях создавшегося кризиса на совершенно новый, качественный уровень функционирования.

Литература

1. Шурухнов, Н.Г. Об экспертной деятельности, и не только о ней / Н.Г. Шурухнов // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2021. – Т. 2. – № 1(3). – С. 271-283.

2. Попов, А.М. К вопросу о назначении стационарной судебно-психиатрической экспертизы по уголовным делам / А.М. Попов // Актуальные вопросы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства. – М.: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2021.

3. Попов, А. М. Теоретические и практические аспекты назначения и производства стационарной судебно-психиатрической экспертизы по уголовным делам / А. М. Попов // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Москва, 29 октября 2020 года. – М.: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2020.

Участники дискуссии

- Каркошко Юрий Сергеевич** – старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Екатеринбургского филиала ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации».
- Полянова Жанна Анатольевна** – начальник управления научных исследований ЭКЦ МВД России, кандидат юридических наук.
- Максимова Валентина Петровна** – научный сотрудник отдела научных исследований по криминалистическим видам экспертиз управления научных исследований ЭКЦ МВД России, кандидат юридических наук.
- Болдырева Екатерина Алексеевна** – научный сотрудник отдела научных исследований по криминалистическим видам экспертиз управления научных исследований ЭКЦ МВД России.
- Донцова Юлия Анатольевна** – заместитель начальника отдела научных исследований по криминалистическим видам экспертиз управления научных исследований ЭКЦ МВД России.
- Крисанова Вероника Юрьевна** – старший научный сотрудник отдела научных исследований по специальным видам экспертиз и экспертно-криминалистического обеспечения противодействия наркопреступности управления научных исследований ЭКЦ МВД России.
- Захаров Илья Павлович** – заместитель начальника отдела трасологических экспертиз, учетов и исследования холодного оружия управления криминалистических экспертиз и учетов ЭКЦ МВД России.
- Цуканов Евгений Николаевич** – руководитель отдела криминалистических исследований и учетов Федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации».
- Красильников Павел Вячеславович** – эксперт Приволжского филиала (с дислокацией в городе Нижний Новгород) Федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации».
- Юданова Анна Викторовна** – эксперт Приволжского филиала (с дислокацией в городе Нижний Новгород) СЭЦ СК России.
- Филин Олег Дмитриевич** – старший эксперт (по инженерно-техническому направлению) Приволжского филиала (с дислокацией в городе Нижний Новгород) СЭЦ СК России.
- Горская Марина Валерьевна** – старший эксперт Южного Филиала СЭЦ СК России (с дислокацией в городе Ростов-на-Дону).
- Мамаев Николай Юрьевич** – старший эксперт Южного Филиала СЭЦ СК России (с дислокацией в городе Ростов-на-Дону).
- Таржманова Ирина Владимировна** – старший эксперт Южного Филиала СЭЦ СК России (с дислокацией в городе Ростов-на-Дону).
- Любезных Ирина Сергеевна** – старший эксперт Южного Филиала СЭЦ СК России (с дислокацией в городе Ростов-на-Дону).

Даниленко Юлия Сергеевна – эксперт Южного Филиала СЭЦ СК России (с дислокацией в городе Ростов-на-Дону).

Макиенко Ольга Александровна – эксперт Южного Филиала СЭЦ СК России (с дислокацией в городе Ростов-на-Дону).

Смирная Юлия Ильинична – эксперт Южного Филиала СЭЦ СК России (с дислокацией в городе Ростов-на-Дону).

Кабанова Любовь Игоревна – эксперт Южного Филиала СЭЦ СК России (с дислокацией в городе Ростов-на-Дону).

Радченко Дмитрий Владимирович – эксперт Южного Филиала СЭЦ СК России (с дислокацией в городе Ростов-на-Дону).

Сведения об авторах

- Аникеев Олег Евгеньевич** – руководитель отделения молекулярно–генетических исследований экспертного отдела (с дислокацией в г. Казань) Приволжского филиала (с дислокацией в г. Нижний Новгород) ФГКУ «Судебно–экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации».
- Антонов Олег Юрьевич** – декан факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции Антонов Олег Юрьевич
- Базылев Владимир Николаевич** – главный эксперт АНКО «Лаборатория экспертных исследований и ситуационного анализа» (Москва), доктор филологических наук, профессор.
- Белей Артём Вячеславович** – аспирант Российского государственного университета правосудия (РГУП), кафедра судебных экспертиз и криминалистики.
- Белов Даниил Константинович** – курсант Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации.
- Бойцов Алексей Александрович** – старший эксперт отдела фоноскопических и лингвистических исследований Федерального государственного казенного учреждения «Судебно–экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации».
- Бычков Василий Васильевич** – декан факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
- Волынский Александр Фомич** – профессор кафедры судебно–экспертной и оперативно–розыскной деятельности Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ.
- Волкова Анна Михайловна** – аспирант Российского государственного университета правосудия (РГУП).
- Галкин Денис Викторович** – заведующий кафедрой криминалистики Хабаровского филиала ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент.
- Галяшина Елена Игоревна** – и.о. заведующего кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), директор Центра правовых экспертиз в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, почетный работник сферы образования Российской Федерации.
- Говоров Артем Анатольевич** – начальник 3 отдела организации наградной работы управления организации прохождения службы главного управления по работе с личным составом Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук

- Голикова Виктория Владимировна** – доцент кафедры судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук.
- Громова Анастасия Викторовна** – начальник управления инженерно–технических экспертиз ЭКЦ МВД России, кандидат филологических наук.
- Демидова Татьяна Владимировна** – заместитель начальника кафедры экспертно–криминалистической деятельности учебно–научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;
- Дёмин Константин Евгеньевич** – доцент кафедры оружейведения и трасологии учебно–научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции в отставке.
- Дуга Сергей Владимирович** – старший эксперт отдела второго отделения (исследования мобильных устройств) отдела компьютерно–технических исследований Федерального государственного казенного учреждения «Судебно–экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации».
- Елизарова Наталья Сергеевна** – старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Санкт–Петербургского университета МВД России, подполковник полиции.
- Жаворонков Владимир Алексеевич** – доцент кафедры криминалистики и судебной экспертизы Российского университета транспорта, юридический институт, кандидат юридических наук.
- Жданов Максим Игоревич** – медицинский психолог КУЗ ВО «Воронежский областной клинический противотуберкулезный диспансер имени Н. С. Похвисневой».
- Захарова Валентина Олеговна** – заведующий кафедрой предварительного расследования Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.
- Иванова Юлия Юрьевна** – научный сотрудник отдела организации научных исследований управления научных исследований, Экспертно–криминалистического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Ивахнюк Сергей Григорьевич** – заместитель начальника института НИИ ПИИИТвОБЖ Санкт–Петербургского университета ГПС МЧС России, кандидат технических наук.
- Ильин Николай Николаевич** – заведующий научно–исследовательским отделом Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, майор юстиции.
- Казачек Елена Юрьевна** – старший преподаватель Хабаровского филиала Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации».
- Кулешова Александра Андреевна** – старший эксперт отдела фоноскопических и лингвистических исследований Федерального

государственного казенного учреждения «Судебно–экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации».

Киселёв Евгений Александрович – доцент кафедры криминалистики Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Колотушкин Сергей Михайлович – профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

Колотов Сергей Михайлович – преподаватель МГЮА имени О.Е. Кутафина.

Комиссарова Ярослава Владимировна – доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент.

Кулага Ольга Владимировна – эксперт Северо–Кавказского филиала (с дислокацией в городе Ессентуки Ставропольского края) федерального государственного казенного учреждения «Судебно–экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации».

Лазарева Лариса Владимировна – профессор кафедры уголовно–процессуального права и криминалистики Владимирского юридического института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор.

Левченко Екатерина Викторовна – доцент кафедры уголовно–правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Астраханский филиал, кандидат юридических наук, доцент.

Лобанов Николай Николаевич – советник директора ГБУ гор. Москвы «Московский Исследовательский Центр», кандидат физико–математических наук.

Майлис Надежда Павловна – профессор кафедры оружейведения и трасологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ.

Милованова Марина Михайловна – доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент.

Михалева Наталья Валерьевна – заведующая учебно–методическим отделом Федерального бюджетного учреждения Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Озеров Игорь Николаевич – заведующий кафедрой судебно–экспертной и оперативно–розыскной деятельности Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Ошкуков Сергей Сергеевич – заместитель начальника отдела фоноскопических, лингвистических и автороведческих экспертиз управления инженерно–технических экспертиз ЭКЦ МВД России.

Письменный Никита Михайлович – аспирант Российского государственного университета правосудия (РГУП).

- Порошин Павел Витальевич** – временно исполняющий обязанности заместителя начальника отдела научных исследований по специальным видам экспертиз и экспертно–криминалистического обеспечения противодействия наркопреступности управления научных исследований ЭКЦ МВД России;
- Прорвич Владимир Антонович** – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации доктор юридических наук, доктор технических наук, профессор;
- Ревякин Алексей Михайлович** – старший эксперт отдела фоноскопических и лингвистических исследований Федерального государственного казенного учреждения «Судебно–экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации».
- Сааков Тигран Артемович** – старший преподаватель кафедры судебно–экспертной и оперативно–розыскной деятельности Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, лейтенант юстиции.
- Саакова Светлана Александровна** – аспирант Российского государственного университета правосудия (РГУП), кафедра судебных экспертиз и криминалистики.
- Самсонов Александр Алексеевич** – студент факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.
- Сарыгина Элина Сергеевна** – доцент кафедры судебно–экспертной и оперативно–розыскной деятельности Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, старший лейтенант юстиции.
- Свободный Феликс Константинович** – доцент кафедры управления и психологии следственной деятельности (высшие академические курсы) Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат психологических наук, доцент, майор юстиции.
- Сиделев Виктор Владимирович** – старший преподаватель кафедры судебно–экспертной и оперативно–розыскной деятельности Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции.
- Сиделёва Елена Николаевна** – старший эксперт отдела экономических исследований Федерального государственного казенного учреждения «Судебно–экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации».
- Соколов Алексей Павлович** – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации.
- Старостин Константин Дмитриевич** – старший научный сотрудник отдела научных исследований по специальным видам экспертиз и экспертно–криминалистического обеспечения противодействия наркопреступности управления научных исследований ЭКЦ МВД России.

- Суровенко Инна Александровна** – доцент кафедры предварительного расследования Санкт–Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, полковник полиции;
- Сухарева Елена Викторовна** – начальник кафедры организации работы полиции Санкт–Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, полковник полиции.
- Хрусталеv Виталий Николаевич** – главный научный сотрудник Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.
- Цветкова Екатерина Сергеевна** – старший эксперт отдела фоноскопических и лингвистических исследований Федерального государственного казенного учреждения «Судебно–экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации».
- Чеснокова Елена Владимировна** – заведующий отделом научно–методического обеспечения производства экспертиз ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, кандидат юридических наук.
- Шаина Алеся Алексеевна** – студент Санкт–Петербургского университета МВД России
- Шейко Максим Михайлович** – студент Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский биотехнологический университет (РОСБИОТЕХ)»
- Шурухнов Владимир Александрович** – старший преподаватель кафедры предварительного расследования Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, полковник юстиции.

Содержание

Стр.

Всероссийская научно-практическая конференция «Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика» (18-19 октября 2022 года)	3
Аникеев О.Е. Биологические следы двух и более лиц: генетический аспект	6
Антонов О.Ю. Определение состава экспертной комиссии по производству судебно-медицинской экспертизы по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи	12
Белей А.В. Теоретические и практические аспекты организации и реализации метода эксперимента в судебной компьютерно-технической экспертизе	18
Бойцов А.А. Манипулятивные речевые стратегии в текстах о Вооруженных силах Российской Федерации (Ст. 207.3 УК РФ)	23
Бычков В.В., Прорвич В.А. Особенности применения специальных знаний экспертов и специалистов при разработке и применении алгоритмов для выявления признаков преступлений экстремистской направленности	30
Волынский А.Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе: теория и практика в историческом аспекте	35
Волкова А.М. Возможности судебной экономической экспертизы по установлению неправомерного действия при банкротстве, преднамеренного и фиктивного банкротства	43
Галкин Д.В. Экспертиза космических фотоснимков по делам о налоговых преступлениях	47
Галяшина Е.И. Криминалистическая оценка достоверности заключения эксперта	51
Говоров А.А., Иванова Ю.Ю. О комплексном подходе при производстве судебных экспертиз материалов документов	57
Голикова В.В. Актуальные вопросы судебной налоговой экспертизы в уголовном процессе	60
Громова А. В., Ошкуков С.С. Современные возможности автороведческой идентификационной экспертизы по материалам интернет-переписка	65
Дёмин К.Е. Становление и перспективы развития трасологической отоскопии	69
Дуга С.В., Сиделёва Е.Н. Участие специалистов в области компьютерной техники и экономики в ходе проведения изъятия и осмотра данных из информационной базы «1С: Предприятие»	72
Жаворонков В.А. Информационные технологии в судебной экспертизе маркировочных обозначений транспортных средств как средство получения весовых доказательств по делу	80
Захарова В.О. Особенности допроса эксперта	84

Ивахнюк С.Г., Порошин П.В. Примеси металлов в нефтепродуктах как характеристические признаки для решения задач их идентификации	88
Ильин Н.Н. Назначение транспортных судебных экспертиз: особенности собирания исходных	92
Казачек Е.Ю. Ошибки назначения судебно-медицинских экспертиз при расследовании уголовных дел по медицинским преступлениям	97
Кулешова А.А. К вопросу о проведении лингвистических исследований по делам, связанным с распространением заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации и с дискредитацией их действий	101
Киселёв Е.А. Международно-правовые основы использования результатов генотипоскопического исследования в криминалистических целях	107
Колотушкин С.М. Частный судебный эксперт в российском судопроизводстве: сам по себе или конкурент	111
Комиссарова Я.В. Разграничение функций эксперта и специалиста: реалии сегодняшнего дня	115
Кулага О.В. Особенности назначения судебных лингвистических экспертиз по уголовным делам, связанным с реабилитацией нацизма (статья 354.1 УК РФ)	119
Лазарева Л.В. Особенности назначения в уголовном процессе судебных экспертиз в негосударственные судебно-экспертные учреждения	125
Левченко Е.В. Генетическая экспертиза в криминалистике и предварительном расследовании	130
Лобанов Н.Н., Базылев В.Н. Судебная лингвистическая экспертиза как одна из форм познания состоявшихся фактов действительности	139
Майлис Н.П. О причинах технических ошибок при использовании инновационных технологий, влияющих на эффективное производство судебных экспертиз	143
Михалева Н.В. Судебно-экологические экспертизы: современное состояние и практика производства в уголовном процессе	146
Озеров И.Н., Озеров К.И. Проблемы понимания объектов цифровой природы у оперативных сотрудников, осуществляющих документирование IT-преступлений	151
Письменный Н.М. Способы манипуляций на рынке криптовалют, роль судебной экономической экспертизы в эпоху цифровизации	157
Прорвич В.А., Волынский А.Ф. Современное состояние экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельности и перспективы ее реформирования	162
Ревякин А.М. Алгоритм реконструкции звукового сигнала, как один из методов проведения шумоочистки	166
Сааков Т.А. Дискуссионные вопросы установления пола и гендера автора по признаками письменной речи	173

Саакова С.А. К вопросу оценки заключения судебно-почерковедческой экспертизы в рамках консультационной деятельности специалиста	183
Самсонов А.А. Некоторые проблемы планирования организации назначения следователем судебно-экономических экспертиз	186
Сарыгина Э.С. Становление судебных экспертно-экономических научных школ в Царской России	190
Свободный Ф.К., Свободный Б.Ф. Судебная психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии в следственно-судебной практике	196
Сиделев В.В. Особенности назначения психолого-психиатрических судебных экспертиз при расследовании похищения и лишения свободы наркозависимых лиц	202
Соколов А.П., Белов Д.К. К вопросу о правовом режиме и квалификации преступлений в отношении органов и тканей умершего человека	209
Старостин К.Д. Выявление признаков взрыва топливно-воздушной смеси при производстве взрывотехнических экспертиз	213
Сухарева Е.В., Елизарова Н.С. Актуальные вопросы назначения судебно-медицинских экспертиз при расследовании преступлений против личности	216
Хрусталеv В.Н. Проблемы судебно-экспертной деятельности - составная часть комплекса проблем технико-криминалистического, научно-технического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, и решаться они должны совместно	220
Цветкова Е.С. К вопросу исследования речевого материала, содержащего признаки иноязычного акцента, при проведении фоноскопической экспертизы (на примере русско-казахской интерференции)	226
Чеснокова Е.В. Современное состояние и тенденции развития частной теории стандартизации в судебно-экспертной деятельности	233
Шаина А.А., Суровенко И.А. Особенности применения современных технологий для установления следовой картины на месте дорожно-транспортного происшествия	238
Шейко М.М. Потенциал биотехнологий в судебно-экспертной деятельности	241
Шурухнов В.А., Милованова М.М. Современные проблемы судебно-экспертной деятельности	245
Участники дискуссии	249
Сведения об авторах	251

**СУДЕБНЫЕ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Материалы всероссийской научно-практической конференции

(Москва, 18-19 октября 2022 года)

Редакционная коллегия обращает внимание, что статьи представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

Подписано в печать 01.02.2023

Формат 60x90 1/16

Усл. печ. л. 16,18

Тираж 100 экз.

Печать офсетная

Заказ № 380

Отпечатано в типографии Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
ул. Врубеля, д. 12